

Костёр

7
июль

1972

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

— Мы и решили
тебя искать!

2

Это было в 1942 году
в Артеке

14

— Меня такая
компания
устраивает!

20

Пусть счастье
сопутствует тебе
на тропе жизни

46

Когда озера
получают паспорта

52

На обложке
рисунок
В. Вальцефера

Рисунки И. Казаковой

КОГДА ГОРНИСТ ИГРАЕТ СБОР

На IV Всесоюзном пионерском слете в Ленинграде по-
дружились Ваня, Халима, Рашид, Остап, Илзе, Джафар, Са-
тико и Думитру.

Никогда раньше ребята не встречались, хотя, впрочем,
это не совсем верно.

Их отряды помогали на стройках, сдавали макулатуру,
пололи грядки, убирали колхозные урожаи. Пионеры всей
страны строят для ровесников-чукчей Дворец в Анадыре.
Заложен в этот Дворец кирпич Рашида, кирпич Сатико, кир-
пич Вани... Во Вьетнам они отправляли подарки. Быть мо-
жет, эти подарки плыли на одном корабле.

Да мало ли общих дел было у ребят!

Дни слета такие яркие, такие веселые и такие короткие!
Пролетели — не заметили как.

У прощального костра спели песню, которой научил их
Ваня: «Над Россией небо синее. Небо синее над Невой...»

Назавтра разъехались по домам. «Эх, — думал в дороге
каждый, — вот и не увидимся больше никогда! Таких дру-
зей теряю!»

Но это им только так казалось!

Эстонка Илзе, как приехала, давай рассказывать о Ка-
захстане. И всем казахским песням и танцам, какие узнала
от Халимы, научила своих подружек.

Ваня стал вожатым октябрят в первом классе «а».
О своей работе каждую неделю писал в Армению, Сати-
ко — опытной октябрятской вожатой.

В отряде Рашида стали изучать историю своей респуб-
лики. И оказалось, что Ванин прадедущка воевал в Азер-
байджане за советскую власть. Ваня прислал Рашиду фото-
графию: его прадедущка, молоденький, безусый, в буде-
новке, обнимает за плечи человека в кожаной куртке.

Друзья азербайджанцев, пионеры-латыши, разыскали
под Ригой в маленьком городке третьеклассника Волдиса,
правнука человека в кожаной куртке — латышского стрел-
ка, который погиб у берегов Каспия...

...В этом месяце горнисты протрубят над Артеком сбор.
Открывается Всесоюзный пионерский слет! Слет победите-
лей юбилейного марша «Всегда готов!».

Съезжаются в Артек делегаты. Они путешествовали в
страну Знаний. Они сражались в «Зарнице». Помогали стар-
шим на стройках, шефствовали над октябрятами, изучали
родной край.

Кто это машет рукой и смеется так звонко в окне про-
ходящего поезда? Не Сатико ли это? И не Рашид ли подста-
вил лицо соленым морским брызгам? Чей пионерский от-
ряд взбегаёт по трапу в самолет? Может быть, Ванин?

Самолет в воздухе качнул крыльями.

Простучал колесами поезд.

Загудел теплоход громко и радостно.

Это значит, они приветствуют взрослых и ребят, всех
граждан нашей дружной страны.

РАССКАЗ

А. Брестинский

Место, которое посвященные называют «Ледина дача», а непосвященные — просто турбаза, мне знакомо хорошо. Четыре года подряд ездил я туда на велосипеде из поселка, где обычно живу летом.

Обитатели «Лединой дачи» — мои друзья. Они — хозяйева голубой овчарки по кличке Леди. Отсюда и семейно-дружеское название этого места.

Леди красива. Длинная блестящая шерсть, обманчиво-вяловатая походка, повадки всеобщей любимицы... В моей памяти она осталась лениво развалившейся под приподнятым поломом палатки. Но все это — и лень, и вялость — пропадало, как только в непосредственной близости от «Лединой дачи» появлялись «шалые». Мгновение — и над землей летел серебристо-серый снаряд. Еще мгновение — и Леди, как вкопанная, застыла на том месте, которое, очевидно, считала границей турбазы. Ни один из «шалых» не решался переступить эту воображаемую границу. «Шалыми» мои друзья называли шумные компании, которые появлялись на берегу реки или ближайшего озера обычно в пятницу вечером, горланили песни, били бутылки, оставляли после себя незатушенные костры. В эти дни Леди ходила по территории турбазы, нервно оглядываясь по сторонам, и, казалось, даже шерсть ее тускнела от неприятных эмоций.

Вот, пожалуй, и все, что следует сказать о прекрасной желтоглазой Леди, которая уже год тому назад переехала в Новосибирск —

хозяйева ее отправились туда делать «большую» науку...

Я привык ездить на «Ледину дачу». И в этом году, зная, что никто не встретит меня там радостным восклицанием: «Жердяй пожаловал!» (школьное прозвище, в котором правдиво отражены мой рост и комплекция) — и в этом году я все равно каждый день вспоминал «Ледину дачу» и каждый день говорил себе: «Надо съездить...» — но тут же спрашивал себя: «А к кому?..» — и отвечал: «Да ни к кому — просто так. Я хочу поехать туда и поеду».

Дорога на «Ледину дачу» хороша. Выскочишь из поселка на еловую аллею и километра два мчишь — в прохладе, тишине, в зеленом сумраке, неба почти не видно за сцепленными вершинами громадных елей, и только шины шуршат по сухому настилу еловых игл. Потом вырываешься на свет, в гору, дорога вьется среди редких сосен и далеко видно во все стороны — холмы, покрытые порывевшей травой, овраги, голубовато-серый горизонт... Тут начинай считать мостики — первый, второй... А вот и третий — одно название, что мостик — развалюха из полусгнивших, хрупких бревнышек. Теперь спешивайся и веди велосипед, да осторожно, чтоб не угодить в ручей — бревнышки елозят, так и норовят вывернуться... Ручей журчит под ногами и срывается в овражек похожим на длинный узкий язык водопадцем. В овражке вспухает рыжая пена и кипит — даже зимой не затихает.

За третьим мостиком я всегда срезаю угол и

иду прямо через лес. С велосипедом это не очень удобно, зато короче — напрямик выходишь к излучине реки, на высоком берегу которой и стоит «Лединая дача».

Весь этот путь занимает около двух часов, в то время как есть другая дорога — на час короче, — но та дорога пыльная, гремющая грузовиками мимо огромных пионерлагерей и домов отдыха, напоминающих город своими высокими кирпичными корпусами и торчащими там и сям среди леса красными подъемными кранами.

Когда искали место для турбазы, а потом и ставили ее, здесь ничего еще не было вокруг — ни зеленых заборов по три километра длиной, ни купален на мощных металлических понтонах, ни дымящихся на опушках леса свалок.

...И вот я стою на краю поляны и с чувством тихой, благодарной радости созерцаю «Ледину дачу», которая в целостности и сохранности лежит передо мною, защищенная от северного ветра пушистым, в маленьких елочках холмом. Я подмечаю серебристые заплатки руберойда на крыше столовой, турник и кольца, которых раньше не было; подмечаю маленькие красные плавки, брошенные на упругое полотно палатки. Так и кажется, что сейчас отодвинется полог и чуткий нос Леди задрожит, задержится весь от знакомых запахов — железа моего велосипеда, резины моих сапог, колбасы в моем рюкзаке. Но нет. Вижу и слышу я — слышу в первую очередь — совсем другое.

— ...я лунатик, ты лунатик, я твой брат, а ты мой братик... Братики-лунатики, лунатики-братики, гоп-ля-ля, тру-ля-ля, очень волосатая здесь земля... Братик-лунатик, ты где?.. Я здесь!.. Трам-там-там... Тру-лю-лю... Чух-чух-чух!.. Чап-чап...

Все это бормочется, шипится, выкрикивается откуда-то из травы, совсем рядом со мной. И тотчас я вижу ноги, мальчишеские ноги в кедах с красными подошвами — настоящие обезьяньи ступни... Ноги мерно покачиваются, загорелые, покрытые белесыми следами старых царапин. Мальчишка лежит на животе и не подозревает о моем присутствии.

Осторожно прислоняю велосипед к сосне, делаю несколько шагов... Лохматая черная голова, раскаленные уши, с которых уже слезла кожа — и новая выросла, плечи и спина того изумительного, бархатисто-лилового тона, которым солнце одаривает только смуглых...

Ложбинка вдоль спины влажно блестящая. До рыжины выцветшие клокья волос на макушке... А носом он, по-моему, землю роет. И все бормочет, бормочет...

— ...ты ползи-ползи поскорей, ты ползи-ползи, муравей... Это ужасно важно, важно-переважно... Ты меня подведешь, если не поползешь! Вы-зы-зы-зы-ваю! Вы-зы-зы-зы-ваю! Чиу-чиу-чиу-чу! И-ча-ча! И-ча-ча! Зиу-зиу-зиу-зи!..

Я окончательно заинтригован. Еще шаг — и шаг неосторожный — моя голова отбрасывает тень на траву. С быстротой мухи он поворачивается. Молниеносно — с головы до ног — окидывает меня, оценивает, что-то там за карими своими прищуренными, узкими и чуть скошенными глазами про меня решает. И говорит, лежа на локтях:

— Группу привели, да?

— Нет, я один.

— Рыбачить? На ночь?

— Как повезет...

— Повезет! А вы не рыбачили здесь?

— Рыбачил. Я часто бывал тут. Друзья мои здесь жили.

— На «Лединой даче»? Да? И Леди знаете? Да? Ай да ну-ну! А в какой палатке жили? В этой? В той?.. Жерлицы ставить будете? Да? Ай да ну-ну!

С этим странным восклицанием он вскакивает и в зеленых своих пятнистых шортах начинает прыгать около меня, прищелкивая языком, весело оглядывая мои снасти, трогая удочки...

— Вот лесочка так лесочка! Ай да ну-ну!

— Как тебя звать, ай да ну-ну?

— Виталий. Талькой все зовут. А вас?

Я назвалась и тут же спросил — любопытство меня одолевало:

— Чего это ты бормотал там?

Он прикрыл один глаз, хитро улыбнулся, прикрыл другой, сожмурился весь и сказал:

— Да так, ерунда.

— А все-таки?

— Изучал муравьиный язык по методу проб и ошибок.

— Как это — проб и ошибок?

— Ну, что в голову придет. Звуки всякие. А вдруг случайно получится муравьиное словечко! И соломинку держу — если какой-нибудь муравей ползет вверх — значит, понял. А что?..

— Чудак! — засмеялся я. — У муравьев химический язык. Они разговаривают с помощью усиков, вот так, — и я показал на пальцах, как это происходит у муравьев. — А специальная железа выделяет пахучее вещество — так они сообщают друг другу свои новости...

— Да знаю я, — скучно протянул Талька и тут же спросил: — Есть хотите? У меня картошка, молоко...

Проходит еще пять минут, и мы, запивая холодную картошку холодным молоком, знакомимся как следует. Вот что я узнаю: на «Лединой даче» живут теперь Талька с отцом. Отец его — плотник, столяр, маляр, водопроводчик, словом, мастер на все руки, а по должности — рабочий из Дома пионеров. Мать с сестренкой уехали в деревню, на парное молоко («мама больная у меня»), а они с отцом деньги зарабатывают. Отец здесь почти не бывает, кому-то дом строит в поселке, так что он, Талька, на турбазе полномочный хозяин. Побренчал ключами. «От чего?» — спрашиваю. «Как от чего? Вон сарай — одеяла там, подушки, матрасы...» — «А ты не боишься один?» Пожал плечами: чего бояться?.. И, увидев в глазах моих недоверие, кивнул на противоположный берег: «Люди-то рядом...»

Оттуда, из пионерлагеря, доносился немолчный хрип динамика. Он развлекал окрестные леса отрывками из популярных оперетт.

Динамик не выключали почти, но как ни странно — я быстро к нему привык. Не замечал — и все. «Собаку бы тебе сюда», — сказал я Тальке. «Леди!» — откликнулся он мечтательно. «Ты Робинзон!» — заметил я, набивая рот картошкой. «Не», — скромно сказал он.

Так «Лединая дача» стала Талькиной дачей. И превращение это было для меня неожиданно приятным и даже многозначительным, словно несло в себе привет от далеких друзей. Как будто они, зная, как тоскливо будет мне без них летом, выбрали на свете стоящего человека по имени Талька и поселили его вместо себя на «Лединой даче», наказав ему так: «Приедет к тебе Жердяй, длинный такой, — прими его по-дружески, накорми печеной картошкой, он это любит. Места покажи, что где нынче ловится, а он тебе свои покажет...»

Познакомился я вскоре и с Талькиным отцом. Это был тихий, застенчивый человек в старой солдатской гимнастерке, из одного кармана которой торчал сложенный железный метр, а из другого — длинный наборный мунштук. Курил он, как курят школяры или солдаты в окопе — прятал папироску в кулак и пытел потихоньку, словно боялся, что кто-нибудь увидит его курящим... И еще: он был широкогруд, и его массивная твердая грудь притягивала своей надежностью и что-то детское во мне пробуждала, какое-то полузабытое воспоминание: некто вальяжный, гладкий, славно пахнувший, развалился на нашем диване, разбросав руки по его фигурной спинке и ловко подсунув одну ногу под себя, а я, влекомый какой-то непонятной силой, исходящей от этой

крутой, широкой груди, кидаюсь к ней, хочу ткнуться головой в белоснежную, упругую, скрипящую свежим крахмалом... Как ритмично она движется — точно большая добрая машина! А меня оттаскивают, мне шепчут: «Невежливо! Это чужой! Что ты делаешь?..» Мне не дают, ни за что не дают — такому маленькому в такую большую — вжаться лбом, на минутку, на одну минутку, и застыть... Не разрешают. И вот — на всю жизнь осталось.

Конечно, Николай Савельич, Талькин отец, такого детского чувства во мне не вызывал. Отблеск чувства, отзвук, пожалуй. А за ним тянулся невидимый шлейф грусти.

Спокойный человек Николай Савельич. Появится внезапно на турбазе, привезет Тальке продуктов, пройдет по лагерю, все оглядит, высмотрит, что где неладно, потом сядет с Талькой у костра и слушает новости — что на базе без него произошло. Редко вставит словечко, все больше кивает. Потом обязательно даст Тальке наказ: скамейка сломана — почини. Мусор закопай, а то мухи... И так далее. И снова уезжает в поселок на своем мопеде. Людей новых он принимал доверчиво, но соблюдал границу.

Я зачастил на Талькину дачу.

Мы ловили рыбу, купались, разговаривали, а иногда молча лежали в траве, млея от тяжелой полдневной жары... Если же прибывала группа, Талька занимался хозяйством, а я смотрел, как он управляет.

Вот приходят шестиклассники — умотанные, пропыленные, — сбрасывают рюкзаки и валяются в траву, блаженно раскидывая руки и ноги. А с ними учительница, такая странная в тренировочном костюме, так не вяжутся с ее рюкзаком и кедами строго поджатые губы, этот взгляд, на котором лежит печать роковой ответственности... Нет, и здесь, в походе, ей не расслабиться, не отдохнуть душой!.. Вот она вытирает лоб платочком и спрашивает меня:

— Вы товарищ Курдюмов?

— Вон, — говорю, — товарищ Курдюмов...

— Вы?.. Ты?.. А мне говорили, будет мужчина пожилой...

— Я Курдюмов, — говорит Талька. — Маршрутный лист, пожалуйста. Сколько человек?.. Вода там... Кухня — вот. Костер только здесь разводить. Выделите людей, пускай приходят за одеялами.

И когда она уже покорена его деловитостью, вежливостью, быстротой решений и хозяйской твердостью голоса — он, такой положительный, путает все карты, он заставляет ее вздрогнуть, разбойничьим свистом подымая разнежившихся туристов:

— Э-гей, гаврики! Па-адьем!..

А одна вот такая же, милая, добрая, восторженная, видимо, впервые в походе, как-то

сдвинутая с привычной точки своими ребятами, по-новому послушными и по-новому непослушными, уходя с базы, даже руку протянула Тальке с благодарностью: «Виталий Николаевич...» А он на меня как сверкнет глазами: «Ай да ну-ну!»

Рыба ловилась у нас по-разному, реже — хорошо, чаще — худо, а то и совсем никак. Тогда мы сидели с Талькой под высоким берегом, поплеывая в неподвижную воду, и глядели на другой, низкий берег, который открывал перед нами всю панораму пионерлагеря.

Начиналась она большой голубой купальней с тумбочками и трехметровой вышкой для прыжков. Дальше — четыре оранжево-красные кабинки на столбиках, для переодевания. Когда в кабинку кто-нибудь заходил, мы видели ноги. Ноги жили своей, особой жизнью, отдельной от тела, невидимого нам. Они переступали, прыгали, пританцовывали, почесывали одна другую, словом, развлекали нас, как умели.

Лагерь тянулся в глубь берега, сколько видел глаз, а там, где он отказывался видеть, помогал бинокль. От купальни в глубину лагеря уходила широкая аллея, по обе стороны которой стояли дома — из светлого кирпича, двухэтажные, опоясанные балкончиками, — напоминающие белые корабли.

Предприятие, которому принадлежал лагерь, несомненно было богачом: я разглядел на его территории не только стадион с трибунами, не только теплицы, в запотевшие крыши которых, точно ладони, упирались огуречные листья; не только большой гараж — оттуда то и дело выкатывали велосипеды; не только ангар для лодок... В глубине лагеря я высмотрел парашютную вышку! Высмотрел и глазам своим не поверил.

— Парашютная вышка! — воскликнул я и протянул Тальке бинокль. Он кивнул, но бинокля не взял.

— Хочешь прыгнуть, а?

— Я уже прыгал...

— Ну?!

— Ага. С шестым отрядом. Они тренера попросили — он разрешил.

— Ну и как?

— Нормально.

Я молчал, исполненный здоровой человеческой зависти к тому, что он прыгал, и к этому «нормально».

— А вы прыгали? — спросил Талька.

— Нет, — честно признался я.

— Хотите, попрошу? У меня там полно знакомых.

— Ладно, как-нибудь потом, — сказал я и с раздражением подумал, что этого «потом» не будет, потому что мне никогда не преодолеть своего дурацкого страха — страха показаться

смешным. Стоит мне представить, как я болтаюсь на парашютных стропах в пятидесяти метрах от земли, а внизу, задрав головы, стоит толпа детей, готовая взорваться хохотом при первом же моем неловком движении — как малейшее желание проделать этот опыт пропадает у меня и, так ничего и не совершив, я, однако, испытываю всю полноту воображаемого стыда...

Чтобы перевести неприятный мне разговор, я спросил, кивнув на противоположный берег: — Скучаешь один?

— Нет, — сказал Талька, — когда скучать? — потом улыбнулся, вложив в эту улыбку какой-то непонятный мне оттенок чувства, и добавил: — Мне с вами не скучно... Чего скучать?

Итак, что мне оставалось, как не ответить благодарным поклоном на этот комплимент. Талька снисходительно и благородно оценивал мою важную роль в своей одинокой, как мне казалось тогда, лесной жизни.

Иногда на Тальку, как на всякого нормального человека, находит. Случается это в самый неподходящий момент. В такую минуту он внезапно бросает удочки, с протяжным воплем взбирается на древнюю, склонившуюся над водой черную ольху и начинает вести оттуда репортаж:

— ...Товарищи радиослушатели, я нахожусь рядом с центральной трибуной, отсюда прекрасно видно все поле, справа от меня ворота жуков-плавунцов, слева ворота ершей. Ворота ершей защищает лучший вратарь континента Ерш Ершиков. Этот парень молод, он еще покажет себя. Решающий матч, товарищи!... На трибунах, как говорится, яблоку негде упасть. Тысяч двадцать пять на трибунах... (пауза). Да, ровно двадцать пять. Плавунцы начинают атаку! Серия красивых передач! Опасное положение! Удар! Ершиков падает! Еще удар! Го-ол!! Вы слышите, как режут трибуны?

Реву я. То есть не реву, а шиплю, делаю угрожающие жесты, умоляю его замолчать, но все напрасно — клев прекратился, рыба распугана, и я свирепо стаскиваю Тальку с дерева. Он не дается, лезет еще выше, а потом растопырной кидается в коричневую, покрытую зеленоватым пухом воду...

Потом он сидит, сцепив руки на коленях, и блаженно обсы-

хает. На противоположном берегу идет непрерывная муравьиная жизнь, ребятишки снуют взад-вперед по территории лагеря — то собираются вместе, то разбегаются, то вновь собираются... Талька лениво следит за тем берегом, изредка сообщает:

— Вон корова бежит...

— Где? — я пытаюсь увидеть эту корову, но тщетно. — Где корова?

— Да вон... Коровин Лешка. А Губа сейчас с вышки прыгнет.

«Губанов какой-нибудь, наверно...» — думаю я.

— Хорошо прыгнул. Чисто, — говорит Талька. — Фамилия такая — Губа. Смешно, да?

— Всех ты знаешь, как посмотрю. Часто бываешь там?

— Не-а...

В это время его окликают с того берега. Мальчишка в синих плавках делает ему знаки — три раза подымает левую руку.

— Понял! — кричит Талька.

— Чего ты понял? — спрашиваю.

— Да так, дело одно... — входить в подробности он не намерен.

Ночью я проснулся — зудили над самым ухом комары. Было странно светло.

Я спал в своей любимой палатке, третьей от края, ближайшей к костру. Еще в прежние годы я любил, засыпая, следить за подвижными тенями огня, слушать шум костра, тихие голоса друзей и длинные судорожные зевки Леди...

Сейчас было такое ощущение, будто во сне я снова попал в это недалекое прошлое и сей-

час — стбит мне только откинуть край палатки — я увижу у костра знакомые силуэты, дымок папирос, струящийся в темноту, а Леди чутко поведет ушами в мою сторону...

Потрескивали сучья. От костра доносились голоса. И смех. Может, отец Талькин вернулся?..

Я прислушался. Голоса были детские. Я тихонько отстегнул дверцу, выглянул. У костра сидели четверо: Талька, девочка и двое мальчишек. Девочка была худенькая, с коротко стриженными прямыми волосами. Силуэт ее четко рисовался на фоне костра — плечи острые и, точно крылышки, приподняты вверх. У мальчишек — они сидели по ту сторону костра — лица были красивые и блестящие от жара. Талька ковырялся палкой в угольях — наверно, картошку пек.

— А знаете чего, — рассказывала девочка, — знаете чего... Я пальто свернула, под одеяло сунула — вдруг дверь открывается!.. Я — раз под кровать — и не дышу... А это Таня идет. С фонариком. Идет и в пол светит. Думаю, уви-идит сейчас!..

— А Рудик никогда ночью по спальням не ходит, — перебил ее толстым голосом один из мальчишек, — мы с Ленькой в окно — и драла.

— А знаете чего, уха будет? — спросила девочка.

— Больно много хочешь, — сказал Талька.

— А мне говорили, уха... — голос у девочки был удивленный такой и все время на дрожавшей взволнованной ноте — она, как видно, все еще переживала и не могла до конца осознать свой ночной побег из лагеря.

— Сегодня клева не было, — сказал Талька, — картошку допеку — будем есть...

— Жалко ка-ак, — протянула девочка, — так хотелось ухи с костра. В жизни никогда не ела с костра!

— Уха как уха, — с видом знатока сказал толстоголосый, — мы с Ленькой ели, — он кивнул на соседа. Тот молчал и все глядел в огонь.

Я присмотрелся к молчаливому. Этот остролицый, с ровной челочкой мальчик, казалось, не прислушивался к тому, о чем говорили ребята, и был весь во власти огня, замороженный им. И наверно, — я сам не раз испытывал это, — он ни о чем и не думал сейчас... Наверно, и в лагере — среди музыки, разноголосицы, песен, смеха, среди всей этой бурной жизни, он вдруг задумывается, не слышит ничего, не чувствует, как эта жизнь бьется о него, хочет проникнуть в него... И не замечает, как показывают на него пальцем, как пытаются вернуть его из этого странного, на взгляд окружающих, состояния, и не сердится, когда над ним хохочут, но смущается и молчит, когда его просят объяснить, что с ним...

Я захотел пить, встал и вышел из палатки. В тот же миг Талькиных гостей как ветром сдуло. Они растворились в темноте и только похрустывало в кустах неподалеку.

— Эй! Вылезайте, это свой! — окликнул их Талька. — Ленька, Санька, Маша! Давай сюда!

Я зачерпнул ковшиком из ведра густой воды с зеленоватым ломтиком луны на поверхности и, запрокинув голову, пил, с наслаждением ощущая, как ночная спокойная вода освежает меня. Потом подсел к костру. Ребята уже вернулись. Они были смущены, здоровались неловко и сдержанно.

— Печеной хотите? — предложил мне Талька. Глаза его блеснули, шальная улыбка мелькнула на лице. Я отрицательно покачал головой. Посидел еще немного — вижу, разго-

вор у них не клеится, даже картошка не идет... Решил не портить удовольствия — ушел в палатку. Сначала они разговаривали тихо — я ни слова не мог разобрать. Потом, решив, что я уснул — заговорили громче.

— Здо-орово как! — пропела Маша. — Я совсем спать не хочу, вот ни-сколечко!

— А если заснешь — когда разбудить? — спросил Талька.

— Спорим — не засну?

— Э-э, глядите! — загудел Санька. — Спутник летит!

— Где? Где?..

— Да вот он! Видишь, толчками такими движется!..

— Это метеоспутник, — сказал Талька, — я их каждую ночь вижу.

Так, очевидно, лесной охотник в древние времена говаривал: «Я этих бизонов и оленей каждый день вижу...»

— Счастли-ивый ты! — снова пропела Маша.

— А ты несчастная, — сказал Талька с иронией. — У костра сидишь, на кровати заместо

тебя чучело, сейчас картошку лопать будешь — несчастная!

Маша засмеялась.

...Солнце стояло высоко, когда я проснулся. В палатке было душно. Выскочив из нее, я с удорожно вдохнул терпкого утреннего воздуха. Костер едва дымился, около него было пусто. Тальку я нашел на берегу — он проверял жерлицы.

— Живцы подошли, — сказал он, — не везет нам...

— Талька, — спросил я, — а гости где?

— Дома, — он кивнул на лагерь, — затемно еще уплыли.

— Уплыли?

— А на плоту. Вон — в камышах прячут, — и он показал мне на излучину реки, где виднелись густые заросли камыша.

— И часто они у тебя бывают?

— Да почти каждую ночь.

— Постой! А когда ж они спят, эти ребята?

— Да что вы! — засмеялся Талька. — Они по очереди. Весь шестой отряд. Понимаете, у них список такой, секретный, чтоб никому не обидно. По двое, по трое приплывают. Иногда днем. Петька Шитов с Огурцом дрались тут — у них дуэль была, из-за девчонки какой-то... Пальчиков и Егоров курить сюда ездят. Посидят на горке, покурят и обратно. Всё меня сбивают — кури, кури! А я — нет, я до армии — ни за что.

— Почему так? — спросил я.

— Я как батя, — коротко ответил Талька и вдруг вспомнил: — Ой, а после родительского дня — понавели всего — печенья, конфет!.. Ай да ну-ну! Потеха!..

Я слушал его, а сам смотрел на тот берег. Там только что позавтракали, и теперь отряды разбегались — каждый по своим делам. Я видел, как на широкой главной аллее строились ребята с рюкзаками, спальными мешками, палатками, в широкополых шляпах... Строй подравнялся, двинулся в глубь аллеи, к воротам, а позади всех двое мальчишек тащили алюминиевый котел. Мальчишки эти сильно отстали, они шли медленно, котел раскачивался меж ними и словно искры высекал из голубого утреннего воздуха — так ярко и мгновенно вспыхивало на его холодных боках солнце...

Я сидел на прохладном песке и думал о секретном списке шестого отряда.

Я вспомнил, как в детстве, в Серебрянке, мы честно делили ворованные яблоки.

Вскоре я перезнакомился по крайней мере с половиной шестого отряда, с девочками и мальчишками, среди которых царил культ моего Тальки, а тот — слава богу! — относился к этому культу насмешливо и довольно-таки равнодушно. Я уже знал, что у них двое вожатых — Таня и Рудик, оба такие хорошие, умные, добрые, замечательные... Однако поездки на Талькину дачу и для них — тайна.

Еще я узнал, что есть в шестом отряде Сырая Боковуша — Боковушина то есть. А Сырая почему? Двигаться она не любит, эта Боковушина, все больше на пороге сидит, книжки читает, аккуратно сморкается в платочек, а краем глаза следит — кто из дома вышел, кто в дом вошел — и зачем... Глядит и сморкается. Сморкается и глядит. Вот ее и прозвали — Сырая...

«И вы знаете чего! — возмущалась Маша, вскидывая на меня яркие, широко поставленные глаза, — знаете чего! Боковушина очередь подошла, будим ее ночью, говорим: «Поехали! К Тальке!», а она: «Никуда я не поеду! Я застудиться могу!» И знаете чего — ну, ладно, не хочешь, не поезжай, твое дело, — а она еще грозит: «И вы не поезжайте, а не то я вожатым скажу!» Ну, чего с ней делать, с этой Боковушей? Может, отколотить?..»

Эта же Маша как-то сказала мне:

— Знаете чего... Мама хочет меня на юг

увезти, а я не хочу. Я на третью смену хочу остаться.

— Нравится в лагере? — спросил я.

— Здесь нравится! — она широко обвела руками вокруг себя, как бы очертив невидимый круг любви и заключив в него всю Талькину дачу... Но тут же спохватилась:

— И в лагере нравится, у нас хороший лагерь, все есть...

В тот день рано утром я ушел вдоль берега поискать хорошего клева. Хотел вернуться к двенадцати, но увлекся, забрел далеко, словом, появился в лагере в четыре, не раньше, предвкушая радость горячей картошки, которой встретит меня Талька.

На турбазе ко мне бросилась Маша:

— А вы знаете чего! Знаете чего! Талька на вашем велосипеде уехал, а нам велел остаться (за ее спиной пыхтел Саня), Талька нам ключ дал, а тут туристы пришли, мы им одеяла выдали... — она крутила на пальце колечко с ключом.

— Куда уехал? Зачем? Ничего не понимаю!

Постепенно все разъясняется. Оказывается, днем Талька обнаружил, что руководитель ушедшей на рассвете группы, рассеянный узкоплечий историк в больших очках, прикрученных медной проволокой, что этот самый историк забыл в палатке маршрутный лист, деньги и паспорт... Талька вызвал с того берега ребят, оставил турбазу на их попечение, а сам на моем велосипеде отправился догонять злополучного историка.

— Когда же он уехал? — спросил я.

— В двенадцать, примерно...

Я рассчитал: до обеда группа пройдет километров десять, не больше, обедать будет в Мичурине — отклоняться от маршрута строго запрещено. Значит, в Мичурине он их и догонит. Обратно Тальку надо ждать к шести, не раньше.

Успокоив себя и ребят этими расчетами, я стал чистить рыбу. Они помогли мне сначала, потом спохватились, заспешили в лагерь — близился полдень.

В ранних дымчатых сумерках они снова появились, а за ними тот мол-

чаливый, с ровной челочкой. Маша весело закричала:

— А Талька спит, да?

— Его еще нет.

— Как нет? — У нее был такой голос, словно это я виноват, что его до сих пор нет.

— Как же так, — говорила Маша, — как же так. Это ведь совсем близко. Они не могли далеко уйти...

Маша приуныла, села на траву, задумалась.

Над рекой поднялся тяжелый влажный туман. Мальчишки натаскали хворосту, разожгли костер. Он отвоевал у темноты небольшой круг дрожащего света. За пределами круга начиналась густая тьма. Она скрипела ветвями, шуршала листьями и казалась огромным черным растением, фантастически быстро выросшим на вечерней земле.

Я начинал беспокоиться не на шутку. Конечно, Талька человек разумный, безо всяких там причуд, и дорога на Мичурино прямая, а если лесом, так еще короче, и никаких тебе машин; да и велосипед у меня хоть и старенький, но вполне надежный... И все-таки...

— Знаете, — тихо сказала Маша, — надо что-то делать...

Я поглядел на часы — половина десятого.

— Надо идти искать, — сказала Маша.

— А вам не попадет? — я кивнул на тот берег.

Маша даже рукой махнула — дескать, какие мелочи...

— Так... — я оглядел их, всех троих, — так... Маша и Саня остаются у костра. Мы с Леней идем... — Маша вскочила, возмущенная — я жестом усадил ее на место. — Дойдем до бетонки, это километра два. Может, встретим.

Маша опять вскочила:

— Я тоже!

— Всем идти нельзя, — сказал я спокойно, — кому-то надо поддерживать костер.

— Пускай Санька!

Саня обиженно выпятил губу.

— Нет, — сказал я твердо, — мы с Леней идем, вы остаетесь. Все.

Я взял фонарик, и мы двинулись в путь.

Дорогу до бетонки я знал на ощупь — каждый поворот, каждый камень, каждый корень. Фонарик взял в основном для Лени, который неуго-

мимо шагал за мной, гордый тем, что я выбрал в спутники именно его.

Время от времени мы останавливались и прислушивались. Лес был наполнен тишиной, а вернее, той относительной уравновешенностью всех звуков, которую мы принимаем за тишину. Ни один звук не выделялся, словно все они заключили между собой тайный сговор об этом равновесии и поклялись не нарушать его до утра.

Не то было на бетонке. Здесь и ночью не смолкал шум машин, которые стремительно и свирепо пронеслись мимо нас. Они рычали на подъеме в гору, как дикие лесные звери. Мы ждали, когда машины затихнут, складывали руки рупором и кричали во тьму нового леса, который открывался за бетонкой и силуэт которого чернел грозной неровной пилой на фоне звездного неба:

— Таль-ка!.. Та-алька!..

Потом мы напряженно ждали, когда на встречу затихающему эху отзовется — пусть едва слышно, но отзовется — человеческий голос. Голоса не было.

На обратном пути села батарейка в фонарике. Я шел впереди и то и дело предупреждал Леню: «Осторожно, камень!.. Осторожно, ручей!..»

Когда мы, наконец, вышли на открытое пространство и недалеко мелькнул костер турбазы — на небо выкатилась неровная, в оспинах, луна.

...Костер высвечивал силуэты стоящих, сидящих людей. Их было много там — может быть, двадцать, тридцать... Уж не вернулся ли Талька, пока мы ходили? Может быть, он пришел другой дорогой, которой я не знаю?..

Прибавив шаг, мы почти подбежали к костру, и когда навстречу нам бросилась Маша — по стремительности ее движения, по тому, как она взглянула — мимо нас, вслед нам, ища третьего — я сразу понял: Тальки у костра нет.

Я огляделся — здесь был почти весь шестой отряд. А от берега к костру подходили все новые ребята.

— Слушайте! Это фантастично! Я в себя прийти не могу! Будят, велют одеваться, ведут куда-то, плывем — и вот — здесь! Фантастично! Слушайте, надо идти, искать его...

Я сразу понял, что этот юноша в тренировочных брюках, в светлой ковбойке, черноволосый, круглолицый, с его вкусным, искренним «фантастично!» — что это и есть Рудик.

— Что вы предлагаете, Рудик?

Он даже не удивился, что незнакомый человек назвал его по имени. Это было для него, видимо, так же естественно, как и то, что он подошел ко мне и заговорил о деле без всяких особых предисловий.

— Я послал за факелами. Сейчас привезут. Мы сами их делали, к завтрашнему празднику. Факелы что надо, вот увидите...

— А дальше?

— Пойдем с факелами до Мичурина. Я дорогу знаю.

— Но есть вторая дорога.

— Так по ней же пойдете вы! Вы ведь пойдете? Я так сразу и подумал: я по лесу, вы по бетонке. В Мичурине встретимся. Возьмем десяток мальчишек, самых крепких...

Я слышал, как он спускался на берег, переговариваясь с невидимыми мне ребятами, потом вынырнул из темноты с охапкой факелов, опустил их на траву и побежал за новой охапкой, бросив мне на ходу:

— Объясните, пожалуйста, Тане, что она неправа!..

...Таня стояла передо мною в нейлоновом платочке и куртке с „молнией“. Куртка была велика ей (наверно, Рудикова), рукава болтались, как у Пьеро, когда она объясняла мне, о чем у них спор, и слабо жестикулировала. Лицо у Тани было маленькое, ладное и удивительно робкое. Полная противоположность Рудику. Я легко представил себе Таню школьницей, в классе, как сидит она за первой партой, смотрит учителю в рот и вздрагивает, стоит ему повисить голос...

— Что значит «неправа»! — сказала она вслед Рудику. — Всегда так — обвинил и помчался!.. Я ничего не понимаю. — обратилась она ко мне, — привезли куда-то ночью, весь отряд на ногах, какой-то костер, какой-то мальчик... Я чувствую, это Рудик все придумал, а мне не сказал... Вечно эти неумные шуточки... Теперь, говорят, этот мальчик куда-то пропал, уехал — не приехал... Но мы-то тут при чем, подумайте! Ведь у нас завтра операция «Зеленый друг»! Целую неделю готовились, возились с этими факелами, рук не отмыть от смолы... — она протянула мне свои маленькие ладони, выпростав их из длинных рукавов куртки... — В конце концов, в лагере есть телефон, можно позвонить в милицию... А эта партизанщина... Никто не выпит, в восемь начало, нам нести факелы и макеты деревьев... И ушли без разрешения, начальник лагеря ничего не знает, разве так можно?.. Анархия!..

Я не успел ей ничего ответить, потому что услышал треск факелов и пряный запах еловой смолы. Поляна озарилась ярким и тревожным пламенем, тени заматались по туго натянутым палаткам. Рудик, высоко держа факел в сильной руке, отбирал ребят, делил их на две группы, строил, считал, а факелы трещали и с них сыпались пахучие искры...

И когда в этой сумятице раздался одинокий вскрик «ой!» — словно разбилось что-то хрупкое, — я сразу узнал Машин голос и понял: «Он!» Я повернул голову туда, где ожидал его увидеть, и точно — между палатками медленно шел Талька и вел велосипед, который весь вспыхнул при свете факелов, как большая, красивая игрушка...

— Талька! Талька пришел!..

Я бросился к нему, принял велосипед, прижал Тальку одной рукой к себе так, что тот охнул...

— Цел?

— Цел, — усмехнулся он. Лицо его было бледно, осунулось, под глазами лежали тени. А в глазах светился восторг, тот восторг, который бывает за крайним рубежом сна, когда с невероятным трудом отрываешься от чего-то таинственного, тягуче-грозного, борешься с ним, и уже, кажется, нет никакой надежды, но вот еще одно, нечеловеческое усилие — и словно на поверхность вырвешься из глубины. И восторг — что это был сон, а не явь — охватывает тебя.

Так вот и Талька — я видел это — оторвался от ночного леса, увидел костер, луну, людей и — счастлив. Он счастлив не просто от того, что ушел от страшного леса, нет! Он счастлив, что был там и ушел оттуда.

Есть черный ужас — не хочу теперь о нем.

А есть другой — чистый ужас, который каждый хоть раз, но испытал в детстве. Этот чистый ужас — перед темной комнатой, перед темной лестницей, перед темным лесом, перед темнотой неизвестной дороги...

— Они, знаете, что сделали, — рассказывал Талька, — проголосовали на шоссе и километров двадцать — до самого Дружинина — на попутке! Хорошо, мне люди подсказали... Ух, я разозлился! Приезжаю в Дружинино — сидят в чайной, обедают. Вхожу и прямо к этому учителю: «Вот ваши документы». Он за карман схватился: «Ах, ах, спасибо!..» А я нарочно громко говорю: «Я вас в Мишурине ищу, а вы вон где! Туристы, называются!» А один мальчишка мне кричит: «Тебе-то какое дело!

Хоть весь маршрут проедем — не твое дело!» А я ему: «Жулики вы, не туристы!» Он на меня, я на него, учитель нас разнимать — потеха... Потом учитель передо мной извинялся, обедать сажал... А на обратном пути напоролся — камера лопнула...

Тут он обернулся к ребятам, которые глаз с него не сводили. Он заметил и Рудика, и Таню, оценил их присутствие, как надо, все понял, конечно; но, прикинувшись таким дурачком, спросил:

— А это что за митинг?

— Ты пропал, вот мы и решили тебя искать, — смело сказала Маша и тут же, засмущавшись, отступила в тень.

— Ай да ну-ну! — Талька хитровато взглянул на меня и хихикнул — сначала тихо так, осторожно, а потом громче...

И тогда все засмеялись, зашумели, заговорили, окружая Тальку. А за спинами ребят бегала девочка, замотанная широким шерстяным шарфом, вытягивала шею, пытаясь что-то разглядеть, хватала всех за плечи и повторяла простуженным голосом:

— Ну, покажите мне его!.. Покажите! Этот, да? Этот?..

И тогда я тоже захохотал, впервые за весь этот нелегкий день — я захохотал потому, что передо мной была сама Сырая Боковуша!

— Ну, покажите, а!.. Этот, а?..

А Таня, бедная Таня, как тень бродила вокруг всей этой веселой оравы и умоляла:

— Ребята, пора в лагерь, пора спать, завтра праздник, «Зеленый друг»... Ну, ребята...

И так как ее никто не слушал, она обратилась прямо к Сырой Боковуше, благо та попала ей на глаза. Видимо, Таня обрадовалась Боковуше как надежному человеку, который обязательно покажет положительный пример. Но на всякий случай она на Боковушу прикрикнула:

— Боковушина, быстро спать!

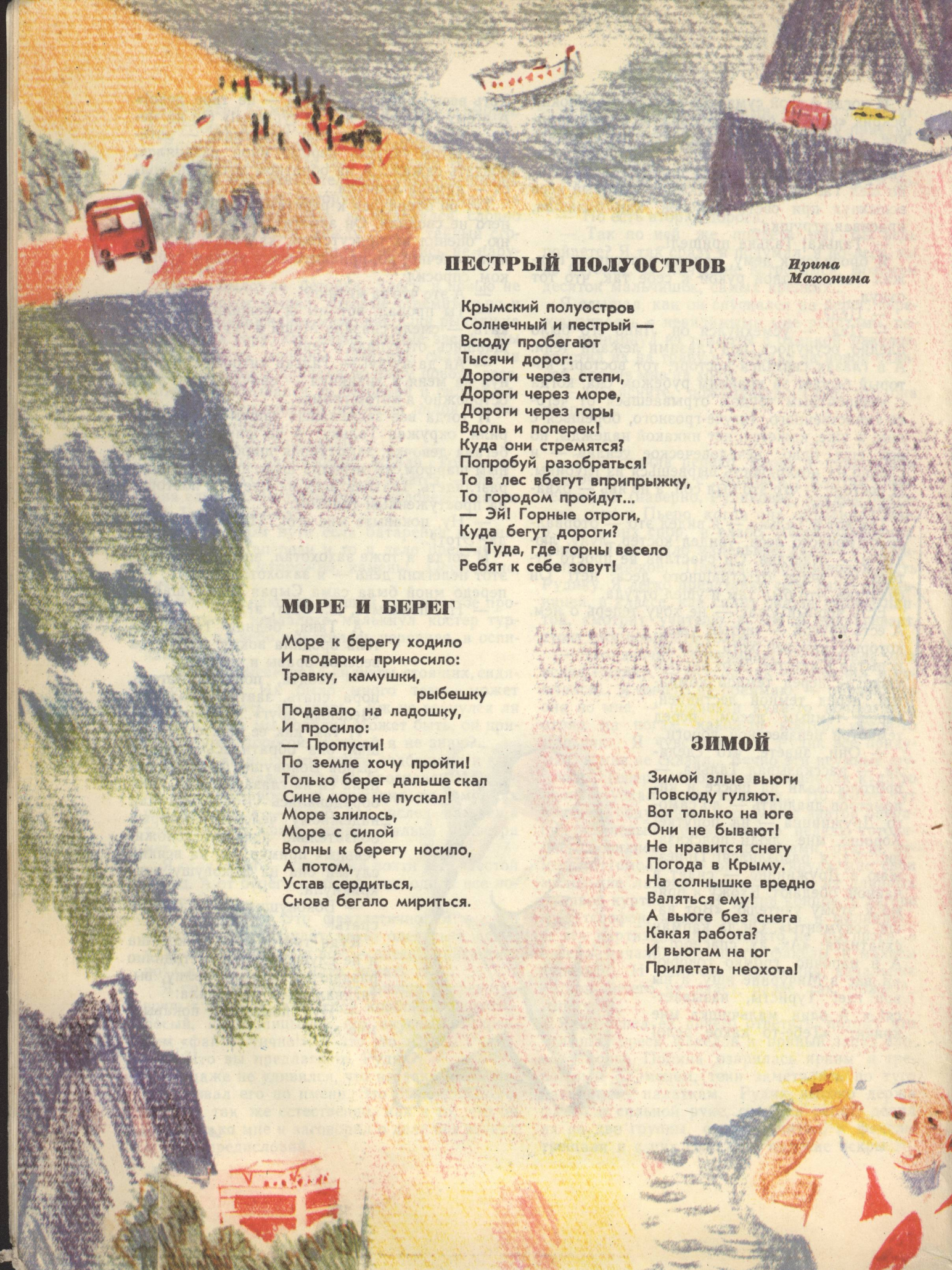
Куда там! Сырая Боковуша и не слушала. Она методично раздвигала плечом толпу, вытягивала шею и взывала:

— Ну, покажите, покажите мне его!..

Рисунки

А. Слепкова

ПЕСТРЫЙ ПОЛУОСТРОВ

Ирина
Махонина

Крымский полуостров
Солнечный и пестрый —
Всюду пробегают
Тысячи дорог:
Дороги через степи,
Дороги через море,
Дороги через горы
Вдоль и поперек!
Куда они стремятся?
Попробуй разобраться!
То в лес вбегут вприпрыжку,
То городом пройдут...
— Эй! Горные отроги,
Куда бегут дороги?
— Туда, где горны весело
Ребят к себе зовут!

МОРЕ И БЕРЕГ

Море к берегу ходило
И подарки приносило:
Травку, камушки,
рыбешку
Подавало на ладошку,
И просило:
— Пропусти!
По земле хочу пройти!
Только берег дальше скал
Сине море не пускал!
Море злилось,
Море с силой
Волны к берегу носило,
А потом,
Устав сердиться,
Снова бегало мириться.

ЗИМОЙ

Зимой злые выюги
Повсюду гуляют.
Вот только на юге
Они не бывают!
Не нравится снегу
Погода в Крыму.
На солнышке вредно
Валяться ему!
А выюге без снега
Какая работа?
И выюгам на юг
Прилетать неохота!

Рисунок
С. Спицына

Я ПЛЫВУ

Я плыву, плыву, плыву!
Не во сне, а наяву:
Брассом, кролем и
дельфином,
А потом ложусь на спину,
Отдыхаю, как хочу,
И ногами молочу!
Надо мною стая чаек,
Рыбы ходят под водой,
А волна меня качает
Между небом и землей!

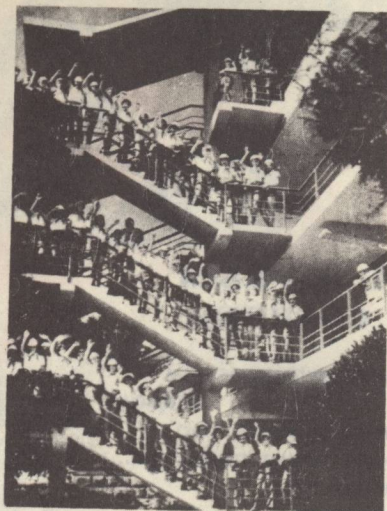
С ПЕРВЫМ СОЛНЦЕМ

Солнце ярко-красным
шаром
Выплывает из-за гор,
На воде горит пожаром...
С давних пор,
С давних пор
Есть закон у нас рыбацкий:
Поднимайся стар и мал,
С первым солнцем,
С криком чаек
Отправляйся на причал!
Пусть фелюги раскачает,
Пусть волна о берег
бьет—
С первым солнцем,
С криком чаек
В море весь рыбацкий
флот!

МУРАВЕЙ

Муравей несет зерно.
Ох, и спелое оно!
Золотистое!
Он несет зерно, как
бочку,
Еле вытащил к лесочку —
Тяжеленное!
Он подходит к дому-куче,
Там внутри народу тучи—
Муравьиного!
Шевелится население,
Все работают без лени,
Все стараются!
Муравей сдает зерно.
Всем понравилось оно —
Преогромное!

АРТЕК

СНОВА НАШ!

В 1943 году я попал в освобожденный, но разрушенный Воронеж. Обгоревшие дома, подбитые танки на улицах, искалеченные деревья, оскверненные памятники и везде на стенах в нашем районе — надписи: «Проверено. Мины не обнаружены.»

Холодные полутемные школьные классы. Здесь учились мы, пятиклассники, зябко кутаясь в пальто и шинели, задыхаясь в дыму са- модельной печки.

У нас не было всего того, что теперь привычно вам. Не было и пионерской комнаты с горном, барабаном и знаменем.

И все же под пальто, часто сшитыми из старых одеял, мы гордо носили пионерские галстуки. И какие галстуки! Мой был сшит из лоскутов красного кисета, который подарил заехавший после госпиталя отец. У моего лучшего друга Кости был настоящий, скроенный из куска красной скатерти. Эту полоску он вы- просил у начальника штаба БАО — баталь- она аэродромного обслуживания, где Костя был воспитанником.

Законом нашей жизни был лозунг: «Пионер, изучай военное дело!» Стрельба из мелкока- либерной винтовки, противогаз, строевая под- готовка, лыжи... Полной неожиданностью для нас были слова директора школы на общей школьной зарядке: «Лучшие ученики поедут в Артек!»

В Артек! Как же так? Ведь в Крыму только что находились гитлеровцы... Но директор не шутил. Четырех учеников школа направила в Артек. Среди них и меня с Костей.

Двадцать шесть воронежских пионеров вме- сте с пионервожатой в теплушках, на плат- формах с углем — кому как повезло — едем в сентябре 1944 года в освобожденный Крым.

Мы видели на своем пути сгоревшие вокза- лы, остовы паровозов и вагонов, разрушенные города. И составы с военной техни- кой, с ранеными.

Полуодетые, голодные ребяташки, перенес- шие вражескую оккупацию, теснятся у ваго- нов, что-то меняют на картошку и яблоки, а то и просто просят хлеба.

Попутчики, узнав, куда едем, — удивля- лись, переглядывались! Надо же! В Артек! Значит, скоро победа!

...Наконец, Сиваш. Поезд ползет по самой кромке воды среди дотов, колючей проволоки, среди полузатопленных танков.

В Симферополе на запасных путях стояли две открытые военные автомашины.

На фотоснимках:

Писатель Лев Абрамович Кассиль в Артеке

Герой Советского Союза Александр Иванович Покрышкин среди артековцев

— Давай, братва, сюда! Садись в машины!
На сборном пункте нас встречают приехавшие накануне пионеры. Во дворе дымит походная кухня. Живем в Симферополе два дня, ждем отъезда в Артек.

С упоением разучиваем довоенные артековские лагерные песни! Прошло четверть века, но эти песни я помню и теперь:

Везут, везут ребят,
Везут, везут ребят,
Машины синие гудят.
«Куда везете столько человек?» —
Прохожий смотрит вслед
И слышит он в ответ:
«В Артек! В Артек!»

И вот машины мчат нас в Артек. Перед нами в лучах солнца зелено-голубая стена.

Все удивлены, почти никто не видел Черного моря. Мы смотрим с гор на море и видим только изумрудную стену. Над ней — голубое небо.

Проезжаем пустынную Алушту, глыбу Аю-Дага и вот — Артек!

На деревянной — с довоенных времен — арке надпись: «Добро пожаловать!» Нас встречают, осматривают врачи, моют в бане, кормят и выдают настоящую пионерскую форму.

Война не пощадила Артек. От нижнего лагеря остались только фундаменты. Сгорел причал, заросли травой искалеченные ржавые остовы качелей и карусели. Везде траншеи, землянки, брошенная боевая техника...

Уцелел двухэтажный дом. Здесь мы и будем жить. Знаменитый дворец Суук-Су сгорел, но рядом сохранились здания, где поселятся девочки.

Мы разбиты по отрядам. В одном со мной Костя.

Началась первая артековская военная смелая. Подъем флага, салют и торжественный ужин. И все-таки трудно поверить, что все это наяву: в Черном море еще рыскают немецкие подлодки.

Приехали в Артек и ленинградцы: бледные, истощенные, у многих медали «За оборону Ленинграда»...

...После завтрака отряды с вожатыми отправлялись в поход. В лагере оставались дежурные по кухне, больные. Ходили мы недалеко: снаряды, мины и брошенное оружие попадались то тут, то там.

Нам, северянам, было чему удивляться здесь, шагая по каменистой дороге среди виноградников и кустов шиповника.

Особенно поражал Гурзуф. Дома покинуты. Кругом развалины...

По дороге на плоскогорье мы выискивали ромбики исландского шпата, камни с кубиками пирита.

Отряд, ходивший в горы, было нетрудно узнать по следам на руках от зеленых грецких орехов.

После обеда и тихого часа до самого ужина каждый находил занятие по душе. Книголюбы сидели в библиотеке, футболисты гоняли мяч. Тряпичный. Единственный настоящий мяч был только у волейболистов.

В Артеке было два ишака. Они свободно разгуливали по лагерю, легче всего было найти их возле кухни. Можно было прокатиться на них. Но кто-то обязательно должен был идти впереди ишака с кусочком хлеба.

Две легковые автомашины, брошенные оккупантами, пригодились для игры в партизан. Правда, двигаться они не могли. Но при достаточном воображении засаду можно было устроить и так...

Для отражения внезапного «нападения» врага с моря мы были вооружены до зубов. Одно полевое орудие и две трофейные зенитки стояли невредимыми на береговой площадке.

Орудия вращались. Поднимались и опускались стволы. Звенели пустые гильзы и клацали затворы. Раздавались настоящие военные команды: «Орудия к бою! Воздух! Огоны!»

Наблюдатели следили за морем и воздухом в бинокль. Командирами у нас были знающие люди — сыновья полков, батарей, кораблей.

Нас часто навещали военные моряки, шефы Артека. Они снабжали нас продуктами, одеждой, книгами. Иногда приезжала в Артек флотская самодеятельность. Были и мы в гостях у военных, встречались с ранеными в крымских госпиталях.

За ужином торжественно отмечались дни рождения пионеров. Счастливчик получал лавровую ветвь, пирожное и стихотворное поздравление.

Но вот началась уборка винограда, а с нею и наши пионерские трудовые будни. Теперь до обеда мы работали на виноградниках. Гроздь собирали в широкие корзины и сносили их к деревянным чанам, где девочки сортировали виноград.

После работы и обеда никто уже не заставлял нас спать в тихий час. Хотя и уставали, но виноград убрали вовремя.

Так незаметно проходили дни. А потом настала пора расстаться с Артеком.

Замерли шеренги на торжественной прощальной линейке отрядов.

Вечером зажегся наш лагерный костер. Мы совершили традиционное восхождение на Аю-Даг. Там, на вершине мы оставили записку в снарядной гильзе: «Сентябрь 1944 года. Первая Военная артековская смена».

Ю. Ласточка
Фото В. Тюкеля

Валерий Воскобойников
Рисунки Т. Соловьевой

ТАМ, ЗА БАРХАНАМИ,

ЗЕЛЕНЫЙ ЧАЙ

В поезде Ташкент — Красноводск жарко. В каждом купе пьют зеленый чай. Пьют демобилизованные солдаты, планирующие свою жизнь, пьют пожилые мужчины — туркмены, узбеки, русские, солидно разговаривающие об этой жизни, пьют их жены и дети. Чай горячий, из пиалы его надо отпивать маленькими глотками. Проводник с раннего утра топтит печь-кипятильник. Можно, слегка обжигая пальцы, набрать кипятку в свой чайник или термос. А проводник бросит в твою посуду щепоть заварки. Если попросишь, даст сахара. Хотя зеленый чай принято пить несладким.

Один человек не пьет чай, и ему поэтому совсем плохо. Он мучается на верхней полке — на голове и на груди мокрые полотенца.

Я высовываю из окна руку, и в ладонь упруго ударяет горячий ветер с мелкими крошками песка.

В этом поезде мне надо проехать еще несколько часов, чтобы попасть в Песчано-пустынную станцию, в Репетекский заповедник.

От прикаспийского города Красноводска до самого Ташкента строили в царское время эту дорогу. Называлась она Транстуркестанской. Под жарящим солнцем через барханы вели ее русские солдаты. Хотели соединить с Россией большие города Средней Азии. Но это удалось не везде. Например, бухарский эмир из всех

сил сопротивлялся российским порядкам. Он поддерживал на своей территории собственные, установленные более тысячи лет назад законы и не подпустил железную дорогу к столице — к древнему городу Бухаре. И пришлось рядом с одним городом строить другой — город Каган, с железнодорожным вокзалом и привокзальной площадью.

И вот я еду по этой дороге и все беспокоюсь, нервничаю — не проехать бы мимо заповедника. А проводник — высокий, толстоватый узбек с круглым спокойным лицом все меня уговаривает:

— Скоро приедешь, скоро. Попей чаю, хочешь?

— Так где же мы едем?

— Сейчас посмотрю расписание — скажу. Разъезд мы проехали, теперь станция Барханы, потом еще разъезд, потом Репетек, снова разъезд и станция Пески. Тебе какая нужна?

— Репетек, — отвечаю я.

— Попей чаю. Приедешь, позову.

Соседнее купе — временный узбекский дом. На полу, на полках постелены пестрые одеяла. На одеялах сидят, лежат, стоят дети. С ними две женщины — их мамы — в полосатых платьях из яркого узбекского шелка.

На сиденьице у окна пригнулся старик. В толстом халате, чалме. И вдруг я вспоминаю слова молодого продавца из самаркандского универмага.

— Зачем сейчас халаты?

Отстальные люди покупают халаты, — горячился продавец. — Хорошие костюмы шьют наши фабрики. Надо издать закон — пусть все носят эти костюмы.

А вот сидит передо мной «отсталый человек», а на халате у него я вдруг вижу планку «За победу над Германией». Еще знакомая — зеленая в полоску — «За оборону Ленинграда». Это значит, что однажды в середине своей жизни он снял халат, чалму, надел гимнастерку, сапоги и вместе с другими мужчинами пошел оборонять мой город, защищать меня, маленького голодного мальчика, мою мать и бабушку, всех ленинградцев. В него стреляли, его много раз пытались убить, но он был сильнее и защитил от врагов меня и мой город. А потом он вернулся в свое селение, к своей семье, снял сапоги и гимнастерку, аккуратно сложил их и снова надел халат и чалму. Значит, в халате ему лучше, удобнее.

Я так задумался и вдруг увидел проводника, бегающего по вагону. Первый раз проводник был взволнован.

— Быстрой выходи! — он подбежал ко мне. — Репетек. Стоянка одна минута.

НЕ ВСЕМ ИЗВЕСТНОЕ СЛОВО

Около шестидесяти лет назад в Кара-Кумы, в маленькое селение казахов и туркмен, где юрты стояли вокруг

ЖАРКОЕ СОЛНЦЕ

неглубокого колодца со слегка солоноватой водой, пришли первые ученые. Они организовали Песчано-пустынную станцию. Это было в 1912 году.

Не все знают, что, кроме песчаных, пустыни бывают еще каменистые, бывают солончаковые. Наверное, там тоже есть свои заповедники. Заповедник же, изучающий жизнь песчаной пустыни, у нас в стране один. Поэтому сегодня в Репетек приезжают ученые из Москвы и Ленинграда, из Ашхабада и Киева, даже из-за границы.

Главная тема научной работы в заповеднике — изучение биогеоценоза в условиях пустыни. Это трудное, не всем понятное слово можно заменить другим — круговорот, превращение всего живого. Растения берут из почвы соли и влагу, питаются солнечной энергией. Животные едят эти растения. Другие, несъедобные растения, когда-нибудь умирают сами, как и несъеденные животные. Падают в почву. В почве развиваются микроорганизмы, прорастают новые семена. Все в природе — любая травинка, зверь, ручей или камень, даже мы, люди, — все едино и все зависит друг от друга. И если сломана ветка, пересох ручей — это значит, все мы стали беднее, что-то потеряли. Теперь это знают многие. Но

еще недавно об этом спорили, это доказывали и опровергали большие ученые, великие умы. В России мысль о единстве всех явлений на земной поверхности впервые четко высказал известный ученый В. В. Докучаев в конце прошлого века.

ОБЩЕЕ ДЕЛО

Научный сотрудник заповедника Айшамкулиев изучает движение солей в почве. Он исследует, каких и сколько солей удастся перекачать кустарникам длинными своими корнями из глубины на поверхность.

Другой сотрудник — Ходжанкулиев-Аман, который работает под руководством ленинградского профессора Родина, изучает разложение опада. Каждый год падают на песок листья, ветки. Они гниют, разлагаются, и Ходжанкулиев-Аман наблюдает, что куда уходит — что в атмосферу, а что назад — в глубину, в почву.

Третий же научный сотрудник, Раим Тогыйзаев, используя данные своих опытов и работы друзей, под руководством всемирно известного ученого академика Нины Трофимовны Нечаевой готовит диссертацию — прогнозирование урожайности пастбищ.

Оказывается, что не только от дождей зависит урожай травы, оказывается, урожай еще зависит и от прошлогодней весны. Если в прошлом году весна была холодной, а потом сразу наступила жара, травы не успевают как следует вырасти, не успевают зацвести, дать семена, бросить их на землю. Травы преждевременно засыхают. А в следующем

году и весна хорошая, и жара не сразу придет, а растений все равно будет мало.

Так все вместе, помогая друг другу, научные сотрудники заповедника делают одно общее дело.

СВОИ И ЧУЖИЕ НОРЫ

Вот что говорится в справочнике «Заповедники СССР» о репетекском лете:

«Днем воздух накаляется до 43-45 градусов в тени, а сухой горячий северо-западный ветер не приносит облегчения в полуденном пекле. При этом поверхность почвы раскаляется до 65—70 градусов. В такое время все живое прячется в тень кустов, забирается в свои и чужие норы...»

Я, как и все живое, часто ощущал желание спрятаться в тень кустов, забраться в свою или чужую нору. Но люди кругом работали, занимались делами, и я занимался делом тоже.

Директору заповедника Сухану Веисовичу Веисову тридцать три года. Около семи лет Сухан Веисович руководит работой заповедника. Здесь он женился, здесь родились у него дети, здесь он превратился в настоящего ученого.

Подолгу, с увлечением он может рассказывать о работе в заповеднике.

— Распорядок дня у нас — формальность, — говорит он, — постоянно работаем. Сегодня, например, жара. Наблюдаешь, как разные виды птиц переносят жару. Приходишь домой, вспоминаешь, что видел сегодня, сопоставляешь — опять работа.

Чаще всего заповедники создают для какой-нибудь определенной хозяйственной цели. Например, для охраны и разведения ценных пушных зверей или редких животных, которых на воле стало меньше, чем в зоопарках. Здесь же исследуется вся природа пустыни, весь ее животный, растительный и почвенный мир.

Барханы тесно прижимаются к Репетеку со всех сторон, и опытная площадка начинается у многих сразу за домом.

УТРО

В пустыне все оставляет след. Научная сотрудница Татьяна Михайловна Корнеева оглядывает каждый куст саксаула, каждый след, подробно обо всем рассказывает. Сестра Татьяны Михайловны, молодая киевская художница, и я скоро уже сами угадываем, где оставила следы босых лапок легкая ящерка-песчанка, где проползла змея, где неистовый труженик — черный большой жук — прокатил, петаясь, катышек овечьего помета, а где грузно прошел варан.

Нежаркий пока ветер пересыпает песок с бархана на бархан, редкие кусты саксаула с изящно изогнутыми ветвями крепко держатся глубокими своими корнями за этот песок. Реже рядом с саксаулом попадется куст кандыма с удивительно красивыми легкими цветами, с еще сохранившимся ароматным запахом.

Утром пустыня оживает. Постоянно выскакивают из-под ног песчанки, закручивают, раскручивают свои яркие полосатые хвостики. Убегая от нас, ящерки внезапно замирают, затаиваются на открытом месте. Иногда они не убегают, а тут же за несколько секунд зарываются в песок — и нет их уже. Позже, в жару, одна такая ящерка выбежала на почву и внезапно стала перебирать лапками — так ей бы-

ло жарко. Потом она бросилась прямо ко мне.

— Это она в вашу тень прячется, — успокоила Татьяна Михайловна.

Сегодня наша цель — нарисовать карту расположения нор этих самых песчанок.

«Колонии песчанок — сосредоточение жизни в пустынном ландшафте», — так написано в одном учебнике.

И точно — в норах песчанок любят жить ящерицы, жуки. Огромная ящерица — варан — не станет рыть себе нору. Съев зазевавшуюся песчанку, варан с удовольствием занимает ее жилище, чуточку лишь расширив. Страшная змея эфа тоже обожает жить в доме песчанки.

— Осторожно, — постоянно предупреждает нас Татьяна Михайловна во время работы, — следите, чтобы не выползла эфа, ее укус смертелен.

Эфа так и не вылезла ни из одной норы.

— Где все-таки можно укрыться от этой жары? — спрашиваю я Татьяну Михайловну.

Оказывается, даже в самое жаркое время в ветвях саксаула на высоте двух метров можно найти прохладное место с температурой 25—30 градусов. А если вырыть нору, то там и еще прохладнее — 24 градуса. Это в то время, когда в помещении, в тени лопатятся медицинские термометры, рассчитанные только на сорок два и пять десятых.

ВЕЧЕР

Вода требуется всем, даже птицам. Со всего заповедника слетаются птицы на водопой в Репетек.

У колодца с жадностью пьют солоноватую воду из деревянного корыта верблюды и овцы.

В Репетек питьевую воду привозит специальный поезд. Его называют «водянка».

С утра к дежурному на станцию приходят люди.

— Что, водянка сегодня будет?

— Вечером будет.

Водянка привозит хлеб, консервы, сахар и макароны. Даже твердое, со слезой, сливочное масло.

К приходу ее собираются из домов, из юрт женщины, хозяйки семей. Все они держат наготове сумки. На полчаса — час, пока перекачивают воду, открывается вагон-магазин.

А вода из напорной башни подается по трубам к домам и кибиткам. Водопроводные краны стоят на улице, торчат прямо из песка.

Вечером, когда и столб, и кибитка, и человек оставляют на песке длинные зыбкие тени, в Репетеке отовсюду слышен коровий рев верблюдов. Вот пришел откуда-то, видимо издалека, караван. Верблюды поели, напились воды и укладываются спать. Спать они могут лежа, подогнув под себя задние ноги.

О ЖИЗНИ И ЯЗЫКАХ

Я жил в доме, а рядом стояли юрты казахов.

«Вот плита — небольшая железная печь на открытом воздухе, — показал мне в первые минуты знакомства старый человек, ни слова не понимавший по-русски. — Бери наш чайник, попей чаю. Потом сходишь к колодцу, принесешь воду... У нас сегодня праздник — вот наше угощение. Если же ты не привык к нашей пище — вари себе свою, чем ты там питаешься в городе. Вот чистая кастрюля. Потом сходишь, принесешь валяющиеся ветки саксаула. Только смотри растущие не твни — это очень нехорошо».

Так мы беседовали, он — по-казахски, я же благодарил по-русски, и мы понимали друг друга, хотя со стороны наш разговор был похож на общение двух веселых глухонемых.

Старый человек повел меня к колодцу, показал, как из него надо черпать воду. «Не забудь колодец накрыть крышкой, а то песку наметет, скорпионов навалится», — напомнил он мне по-казахски.

А молодая туркменская женщина Лала говорила по-русски лучше меня.

— Разве можно в такой страшный зной бегать босиком по раскаленному песку! — говорила она возмущенно своему младшему сыну Бейназару. Бейназар ей не мог ничего ответить. Он научился произносить еще только несколько звуков. — Рана! Барна! Парда! Бейназар! — звала потом Лала всех своих детей. — Идите сюда быстро. Видите, пришли гости. Давайте их угощать, подарите им подарки!

И меня, в который уже раз за день, потчуют зеленым чаем из пиалы, свежеевыпеченными лепешками.

Лала заведует библиотекой. Она депутат местного совета, и к ней приходят все мужчины и женщины рассказать о радости или пожаловаться. В доме у Лалы от пола до потолка сложены, закрывая стену, красивые самодельные одеяла.

— Это для гостей, — говорит она, — нам-то столько не требуется.

Все местные жители спят на полу, расстелив одеяла. Это не от бедности, не от недостатка культуры, чего проще было бы завести кровать. Просто на полу прохладнее, так же как нам, на севере, на кровати теплее.

У Лалы стоит первый телевизор в поселке. При мне подключили подстанцию, и в телевизоре появилось первое изображение — международный футбольный матч.

ПИСЬМА

Я иду в контору заповедника к Сухану Веисовичу Веисову, и он мне жалуется:

— Сейчас, когда жарко, хорошо, — говорит он, — никто не мешает. А весной нам требуется экскурсовод. Весной, в марте, когда пустыня цветет, приезжают взрослые люди, пионеры — по тридцать-сорок человек. Они, конечно, молодцы — любят природу, изучают. Но нам же некогда объяснять, рассказывать, нас мало, нам надо работать.

Потом он показывает письма, которые приходят в заповедник из многих городов. Вот письмо от пионеров города Гусь-Хрустальный. Они просят для гербария ветку саксаула. А вот письмо от учителя зоологии из Кемерово. Для школьного живого уголка учитель просит прислать живьем варана, скорпиона, тарантула, а также змей: стрелу, эфу и кобру.

Мы оба смеемся этому письму.

— Писателя Николая Ивановича Сладкова читали? — спрашивает потом Сухан Веисович. — Дважды к нам приезжал весной, очень знающий человек.

ДО СВИДАНИЯ!

До свидания!

Идешь по вагону — и что за чудо! Уж не тот же самый ли это поезд, не тот ли жаркий вагон, в котором приехал сюда. Такие же женщины с детьми, солидные люди, разговаривающие о жизни, старый человек в стеганом толстом халате, а навстречу тебе уже идет проводник с круглым спокойным лицом и говорит, проверив твои билеты:

— Найди себе место, попей чаю. Хочешь?

БРАТЯ СОРОКИНЫ

ПОВЕСТЬ

Борис Никольский

Рисунки И. Латинского

6. Что сказал Сорокин-старший

— Да, — сказал Сорокин-старший. — Да. Мне вполне хватает собственных неприятностей. — Последнюю фразу, правда, он произнес не вслух, а про себя. — И ты учти, что если в армии каждый будет разгуливать, где ему вздумается, и вообще делать, что его душа пожелает, то это уже будет не армия, а...

И тут Сорокин-старший остановился, потому что в тех словах, которые он сейчас говорил, ему почудилось вдруг что-то очень знакомое. Как будто он не раз уже их слышал.

А когда Сорокин-старший сообразил, что их слышал, он окончательно смутился. Потому что слышал их от старшины роты. Когда говорились они, эти слова, в назло ему, рядовому Сорокину.

— Подумай сам, что получится, — сердясь на самого себя, сказал он Валерке, — сегодня ты забрел к химикам, в учебное подразделение, а завтра тебя, может быть, занесет на стрельбище! Под пули. Так, что ли? — Теперь Сорокин-старший уже говорил вроде бы своими словами, и это его воодушевило. Сейчас самое время было рассказать какую-нибудь назидательную историю, какой-нибудь поучительный случай, но в голову, как назло, лезли всякие пустяковые происшествия.

— И вообще в армии с оружием, да с солдатским снаряжением, да с техникой шутки плохи. Вот я тебе расскажу сейчас историю про одного человека из нашего взвода. Человек этот считал себя очень хитрым...

И опять Сорокин-старший прервал себя на полуслове, заколебался вдруг — рассказывать

еще или нет, потому что этим хитрым человеком был он сам. Но Валерка уже насторожился и отступать было поздно.

— И вот в самом начале солдатской службы, когда взводу выдавали противогазы, этот человек решил словчить. Он подумал, что если возьмет противогаз размером побольше, то ему в этом противогазе будет легче дышать, а значит, и легче работать, и легче бегать. И вообще будет легче, чем остальным. Он так и сделал. Правда, старшина, который выдавал противогазы, все норовил дать ему маску поменьше, но тот человек все-таки сумел убедить старшину. «Ладно, посмотрим», — сказал старшина. И этот хитрый человек тогда не обратил внимания на эти его слова, на это «посмотрим». А напрасно.

Когда выдача противогазов закончилась, весь взвод привели к небольшой землянке, построили и велели надеть противогазы. И хитрый человек тоже стоял в строю и радовался — потому что дышать ему было, и верно, легче, чем другим. Тем временем солдаты по очереди входили в землянку и затем выходили уже с другой стороны, вроде как ты сегодня в душевой у химиков. Сколько они задержива-

Окончание. См. «Костер» № 6, 1972 г.

лись в землянке, я сейчас уже точно не помню, может быть, три минуты, а может быть, и десять, не скажу наверняка. Когда солдаты выходили из землянки и наконец им разрешили снять противогазы, лица у них были распаренными, красными, как после бани. С непривычки. И вот очередь дошла до меня... то есть, что это я говорю? — очередь дошла до нашего хитрого человека. Он шагнул в землянку и сразу почувствовал что-то неладное. В носу у него защипало, и глаза начало есть, как дымом, и потекли слезы, и сразу стало трудно дышать. И тогда он не на шутку перепугался, ему показалось, что он так и задохнется в этой землянке. Он едва успел отыскать выход, потому что сквозь слезы уже ничего не видел. Ошалеv от страха, он выскочил на свежий воздух и моментально содрал противогаз. И тогда к нему подошел старшина: «Ну как, убедились?» Но этот хитрый человек и тут решил словчить, он немного уже успел прийти в себя и подумал: «Теперь все равно землянка с газом уже позади, самое неприятное миновало», — и сказал: «А что, по-моему, маска мне как раз... В самую пору...» — «Ах так, — сказал ему старшина, — ну, тогда попробуем еще разок...» — «Нет, нет, — перепугался хитрый человек. — Пожалуй, и верно, она мне слегка великовата...» Так закончилась эта история с противогазом. Но после этого он еще не раз пытался ловчить, однако, видно, так уж устроена жизнь в армии, что всякий раз хитрость оборачивалась против него самого, что обманывал он сам себя... Понятно? Вопросов нет?

— Понятно, — сказал Сорокин-младший. — Только откуда ты узнал, что думал этот хитрый человек? Он тебе рассказывал, да?

— А ты сообразителен не по летам, — сказал Сорокин-старший и засмеялся. — И вообще, тебе пора спать.

7. „Будьте спокойны, товарищ старший лейтенант...“

Больше всего не любил Сорокин-старший заправлять койку. Бывало, похлопает ладонью по матрасу, натянет как попало одеяло — и ладно. А потом явится старшина, посмотрит, покачает головой, скажет: «Разве это солдатская койка у вас, Сорокин? Это же у вас картина Айвазовского. „Девятый вал“». После сдерет одеяло с койки, и Сорокину приходится заправлять все заново. И так почти каждый день.

Но сегодня Сорокин старался совсем не ра-

ди старшины. Просто вдруг представилось ему — войдет Валерка в казарму и спросит:

— Это чья койка хуже всех заправлена?

А ему ответят:

— Это койка твоего брата — рядового Сорокина.

А потом посмотрит Валерка, как делает рота зарядку, и спросит:

— Это кто там не в силах оторвать ног от земли?

А ему ответят:

Сорокин-старший посмотрел на часы и заторопился. Потому что какие бы дела ни отвлекали солдата, кто бы ни приезжал к нему в гости, а к вечерней проверке солдат обязательно должен быть в казарме.

Потом Сорокин шагнул по тихим и темным улицам поселка к военному городку, и мысли его невольно все возвращались к той поучительной истории, которую он рассказал брату. И еще разные другие случаи вспоминались ему, которые вовсе не обязательно было знать Валерке. «А ведь и верно, всякая хитрость здесь, в армии, всегда оборачивалась против меня же...» Просто он как-то не задумывался раньше над этим. А теперь вот произнес эти слова и даже сам удивился — до чего же точно!

— Это твой брат — рядовой Сорокин!
И еще спросит Валерка:
— Это у кого сапоги грязнее всех?
И опять ему скажут:
— Это у твоего брата — рядового Сорокина!

Нет, никуда не годится такое дело.

Оттого и старался в этот день Сорокин-старший, что все время о Валерке думал. Пример-то подавать надо? Надо.

И койку заправил он так, что не отличишь от любой другой. И сапоги начистил так, будто в увольнение в город собрался, и на зарядке так старался, что запарился даже.

День начался с занятий по политподготовке. Обычно на занятиях Сорокин старался не попадаться на глаза преподавателю. Юркнет куда-нибудь в уголок класса, за последний стол, и сидит там себе тихонько.

Но сегодня занятия проводил старший лейтенант Кудрявцев. И не к лицу было Сорокину прятаться от старшего лейтенанта.

Сорокин храбро уселся за самый первый стол и весь час не сводил глаз с замполита.

А замполит рассказывал о военной тайне, о солдатской бдительности, о коварных происках наших врагов и о других не менее важных вещах.

— ...Бывает порой, — размеренно говорил старший лейтенант Кудрявцев, — мы не придаем значения какой-нибудь мелочи, пустяку, а на самом деле оказывается, это и не мелочь, и не пустяк вовсе. А тоже военная тайна.

Он пробежал глазами по классу и остановился на Сорокине.

— Вот скажите мне, рядовой Сорокин, вам приходилось когда-нибудь получать на складе продукты для солдатской столовой?

— Так точно, приходилось, — сказал Сорокин. Уж кто-кто, а он, пожалуй, чаще всех бывал в кухонном наряде.

— И чай получали?

— Так точно, и чай.

— А сколько пачек?

— Так уж не помню. Это дежурный по кухне считал.

— Ну, хорошо. Допустим, вы получили двадцать пачек по пятьдесят граммов грузинского чая. Будет это военной тайной или нет, как по-вашему?

Сорокин пожал плечами.

Подумаешь — чай! Если бы патроны или там гранаты! А то — чай!

Но на всякий случай он не сказал ни «да», ни «нет» — чувствовал в вопросе старшего лейтенанта подвох. Ни с того ни с сего не завел бы разговор о чае.

— Не знаете? А я вам скажу: будет. Будет военной тайной. Почему? А вот подумайте са-

ми. Известна суточная солдатская норма: сколько чая положено на одного человека. Известно, сколько чая получено на всю часть. Значит — что? Значит, уже легче легкого вычислить, сколько всего солдат в части. Задачка для третьеклассников. Теперь понятно, Сорокин?

— Понятно, товарищ старший лейтенант.

— Так сколько же чая вы получали?

— Не помню, товарищ старший лейтенант.

— Вот и прекрасно. Так и отвечайте, если вас будут спрашивать. Садитесь.

Сорокин сел.

Надо эту историю про чай обязательно запомнить и рассказать Валерке. Можно и присочинить кое-что. Для убедительности.

«Стою я, значит, однажды в магазине. За мной старушка пристроилась. Погляди, говорит, солдатик, чай цейлонский есть али нет? Ну, я сразу сообразил, что неспроста это она чаем интересуется. И верно — шпионом оказалась. Переодетым. Шпионы, они любят под старушек маскироваться».

Сорокин так расфантазировался, что и не заметил, как кончился второй час занятий.

Во время перерыва замполит подозвал его к себе. Они вышли на улицу, присели на скамейку.

— Ну, как ваши гости? — спросил старший лейтенант Кудрявцев.

— Все в порядке, — сказал Сорокин.

— Вы все-таки за своим братом присматривайте, а то неровен час какая-нибудь неприятность случится. Я вижу, непоседливый он у вас парень...

Сорокин ждал, что замполит станет отчитывать его, ругать за вчерашний случай, а то и намекнет даже на сходство характеров братьев, но замполит говорил совсем не сердито, а вроде бы просто рассуждал вслух, по-дружески. Словно присели на скамейку два командира и обсуждают, как лучше поступить с недисциплинированным подчиненным.

— Будьте спокойны, товарищ старший лейтенант, — сказал Сорокин. — Теперь он без меня ни шагу. Я с ним вчера воспитательную беседу провел. Да и мать его от себя не отпустит. Сейчас он в гостинице сидит. Так что вы можете...

И тут Сорокин растерянно замолчал.

Он увидел, что старший лейтенант Кудрявцев больше не слушает его.

Старший лейтенант Кудрявцев медленно поднимался со скамейки и вытягивался по стойке «смирно».

Прямо к казарме как ни в чем не бывало направлялся Сорокин-младший.

А рядом с ним, держа Сорокина за руку, не спеша, шел седой незнакомый генерал.

8. Как Сорокин-младший познакомился с генералом

Утром Валерка проснулся в неважном настроении. Мысль о том, что путь в военный городок теперь для него закрыт, не оставляла его даже ночью.

Он выглянул в окно и увидел высокого седого человека. Человек был в синих тренировочных шароварах и белой шелковой майке.

Высоко поднимая ноги, он бегал по дорожке вокруг гостиницы. Пробегая под Валеркиным окном, скрывался за углом дома и через некоторое время появлялся снова.

«Один, два, три...» Десять кругов насчитал Валерка, а человек все бегал. Валерка считал бы и дальше, но тут его прогнала от окна мама и отправила умываться.

Пока Валерка умывался, он все размышлял об этом странном седом человеке. Он никогда еще не видел, чтобы человек, который наверняка годился ему в дедушки, бегал точь-точь как настоящий спортсмен. Интересно, зачем это ему понадобилось?

Потом Валерка с мамой пошли в буфет завтракать, и тут Валерка снова увидел этого странного человека.

Валерка взглянул на него и даже рот разинул от удивления. Раньше он думал, что это так говорится: «Рот разинул от удивления». Для выразительности. Говорят же еще: «Глаза на лоб полезли». А на самом деле разве могут глаза на лоб вылезти?

Но сейчас Валерка, и правда, почувствовал, как сам собой приоткрылся его рот.

Седой незнакомец направлялся к их столу. Только теперь он был уже не в спортивных шароварах и не в белой майке, а в кителе и брюках с широкими красными лампасами. И золотые генеральские погоны блестели на его плечах.

За секунду перед этим Валерка ленивоковырял вилкой в яичнице, которую ему взяла на завтрак мама, а тут и совсем забыл про еду.

Генерал между тем вежливо осведомился у мамы, не занято ли место, поставил на столик стакан со сметаной, посыпанной сахаром, и тарелку с двумя булочками, не спеша сел за стол и также не спеша опустил ложку в стакан.

Сорокин-младший не сводил с него глаз.

Он никогда не предполагал, что генералы по утрам едят сметану, посыпанную сахаром.

— Валера, яичница стынет, — строго сказала мама.

И по ее тону Сорокин-младший понял, что мысленно она произнесла совсем другие сло-

ва: «Не гляди в рот человеку. Веди себя прилично».

Может быть, генерал тоже услышал эти мысленно произнесенные мамой слова, потому что он пристально посмотрел на Валерку, словно прикидывал, оставаться за одним столиком с таким невоспитанным человеком или лучше пересечь на другое место.

Валерка торопливо схватил булку и принялся жевать.

— Валера! — вскрикнула мама.

Она вдруг ужасно смутилась, пунцовые пятна выступили у нее на щеках и на шее.

— Валера! Что ты делаешь!

А что он делал? Он ничего не делал. Он жевал булку.

Но теперь уже и генерал смотрел на Валерку с интересом.

— Ради бога, извините нас! — сказала мама генералу.

— Ничего, ничего, — сказал генерал. — Я очень рад, что у молодого человека появился аппетит.

И тут...

И тут Сорокин-младший вдруг обнаружил, что ест генеральскую булочку!

Да, да, его кусок булки преспокойно лежал на столе, а на тарелке у генерала не хватало одной булочки!

Когда-то, во втором классе, учительница говорила, что легче сдвинуть с места рояль, чем заставить Сорокина покраснеть.

Поглядела бы она на него сейчас!

Наступи в эту минуту солнечное затмение, уши Сорокина-младшего сверкали бы в темноте, как два семафорных огня.

В каких только перипетиях не приходилось бывать Сорокину-младшему за его недолгую жизнь! Но никогда, никогда еще с ним не случилось ничего ужаснее!

— Извините, извините нас... — повторяла мама.

Она хотела было пойти к буфету и купить генералу новую булочку, даже расстегнула уже сумку, чтобы достать восемь копеек, но генерал удержал ее.

— Что вы! — сказал он. — Какие пустяки! Скажу по секрету: я даже и не люблю эти булочки. Это врачи мне прописали диету. Ничего не поделаешь. Так что можно считать, молодой человек просто выручил меня.

— Нет, нет, не оправдывайте его, — сказала мама, — он этого не заслужил.

— Ну, ну, вы совсем его смутили, — сказал генерал. — А ты, молодой человек, не теряйся. Запомни: главное для будущего солдата — не теряться ни при каких обстоятельствах. Понял?

— Понял, — сказал Валерка.

— К отцу, наверно, приехал?

— Никак нет, — сказал Валерка. — К бра-

ту. К рядовому Сорокину. Может быть, знаете?

— Нет, — грустно покачал головой генерал, — не знаю. Я ведь здесь тоже только гость. Да, — продолжал он, теперь обращаясь к Валеркиной маме, — второй год уже в отставке. А служил когда-то в этих местах. Вот и приехал поглядеть, молодость, что называется, вспомнить. Хотел внука с собой взять, да папа с мамой не пустили. Говорят, надо готовиться в музыкальную школу. Ну что ж, им виднее, — и генерал опять вздохнул.

Наверно, вовсе не хотелось ему, чтобы внук поступал в музыкальную школу. Наверно, мечтал он, чтобы внук его тоже стал военным человеком.

Станным показалось Валерке, что есть где-то люди, которые могут не слушаться генерала. И ему сразу захотелось сделать что-нибудь приятное этому человеку.

— Хотите, я с вами похожу, вместо внука? — сказал он.

— Валера! — возмутилась мама.

— А что! — сказал генерал повеселевшим голосом. — Меня такая компания устраивает.

— Вы даже не представляете, сколько с ним хлопот! — сказала мама.

— Ничего, с целым полком управлялся, а с одним будущим солдатом как-нибудь управлюсь, — сказал генерал. — Правда?

— Правда, — сказал Сорокин-младший.

Стыдно признаться, но в этот момент он даже сомневался — настоящий ли это генерал? Настоящий генерал должен быть суровым и грозным, отдавать приказания громким командирским голосом. А этот был совсем не похож на настоящего генерала.

Но все Валеркины сомнения моментально рассеялись, когда они с генералом вышли из гостиницы. На улице их ждал армейский «газик».

Шофер торопливо отдал генералу честь и распахнул перед ним дверцу.

Сорокин-младший поспешно забрался на заднее сиденье, а генерал сел впереди.

Второй раз Сорокин-младший торжественно въезжал в военный городок.

9. Как Сорокин-младший разговаривал с генералом

Сколько событий выпало в этот день на долю Сорокина-младшего!

Вместе с генералом он побывал в штабе у командира полка.

Он видел полковое знамя. Возле знамени, в штабе, стоял часовой с автоматом. И генерал,

когда проходил мимо, подтянулся и отдал знамени честь.

А когда они вышли из штаба, генерал спросил:

— Ну, а ты, судя по всему, мечтаешь стать военным человеком?

— Да, — сказал Валерка.
— А кто твой брат?
— Связист.
— И ты будешь связистом?
— Ну, вот еще! — пренебрежительно сказал Сорокин-младший. — Подумаешь — связистом! Я хочу ракетчиком быть. Или десанником.

Генерал вдруг обиделся.

— Ну, знаешь! — сердито сказал он. — А ты думаешь, ракетчики без связистов обходятся? Кто им команды передаст? Кто приказ сообщит? Кто донесения разведки доложит? Нет, брат, без связистов они как без рук. А кого вместе с разведчиками-десантниками первым в тыл противника забрасывают? Ра-

диста! А кто последним покидает гибнущий самолет? Радист! Да без хорошей связи, если хочешь знать, сейчас ни один командир и командовать по-настоящему не сумеет. А ты говоришь — десанником!.. А аппаратура! Ты знаешь, какая у них аппаратура?

— Ладно, я еще подумаю, — миролюбиво согласился Сорокин-младший.

Ему понравилось, как генерал говорил о связистах.

Получалось, что его брат чуть ли не самый главный человек в армии. И еще понравилось ему, что генерал спорил с ним совсем как со взрослым, всерьез.

— Вот, вот, подумай, — сказал генерал. — Тут есть над чем подумать.

10. „Еще бы мне их не помнить!..“

— Вольно, вольно, — сказал генерал, когда они подошли к стоявшим по стойке «смирно» старшему лейтенанту Кудрявцеву и рядовому Сорокину. — Продолжайте заниматься своим делом.

— А у нас перерыв, — сказал старший лейтенант Кудрявцев.

Он вдруг шагнул навстречу генералу и радостно воскликнул:

— Товарищ полковник!..

Сорокин-старший изумленно взглянул на замполита — неужели тот так растерялся от появления начальства, что уже не может отличить генеральские погоны от полковничьих! Он громко кашлянул, чтобы намекнуть замполиту на его оплошность. Но было уже поздно — генерал, прищурившись, в упор разглядывал старшего лейтенанта Кудрявцева.

— Сержант Кудрявцев! — неожиданно закричал он. — Вот так встреча! Сколько же лет мы с вами не виделись?

— Восемь лет, товарищ полковник, виноват, товарищ генерал, — сказал старший лейтенант Кудрявцев.

— Да, да, совершенно точно, восемь лет. Последний раз мы встретились с вами на учениях. Помните эти учения, Кудрявцев?

— Помню, товарищ генерал. Еще бы мне их не помнить! Я их, наверно, на всю жизнь запомнил.

— Интересно, интересно, что же вы все-таки запомнили? Расскажите-ка. Вот и солдаты ваши послушают, им тоже любопытно.

Солдаты, верно, уже успели окружить генерала и братьев Сорокиных и теперь с интересом смотрели на замполита, ждали, что он расскажет.

— Значит, так. Дело было на больших учениях. Наша радиостанция обеспечивала связью командный пункт. Поставили мы свою

машину в лесочке, замаскировали, как положено, все нормально. Сидим в машине, работаем. А работы, надо сказать, было много. И обстановочка нелегкая — помех в эфире полно. Шум, треск в наушниках, пока радиogramму примешь — намучаешься. А накануне нас еще предупредили, что через наши головы артиллерия будет вести огонь настоящими боевыми снарядами — это, значит, для того, чтобы мы к боевой обстановке привыкали. Слышим, пушки бить начали. Не очень-то приятное ощущение. Но работаем. И вдруг... Вот, честное слово, даже теперь, как вспомню, так мороз по коже продирает... Вдруг такой душе-раздирающий свист и вслед за ним сразу грохот! И еще! И еще! Ну, прямо рядом с нашей машиной рвутся снаряды! Конец, думаю, все, конец! Вижу, мой напарник, Коля Малинин, побелел, голову руками обхватил. А тут еще рев самолетов, бомбы свистят, еле заставил себя на месте усидеть. И вдруг дверь машины распахивается и на пороге — полковник. Помните, товарищ генерал, какие тогда у нас лица были?..

— Помню, помню, Кудрявцев, все помню...

— Вы тогда еще остановились на пороге и говорите: «Связь давайте! Связь, где связь?!»

— Ну, положим, я в тот момент не говорил, наверно, а кричал, не так ли? — усмехаясь, сказал генерал.

— Да все равно слов-то не было слышно. Я по губам только и догадался, что вы говорите. «Какая тут связь, — думаю, — тут бы живым остаться! Не видит он, что ли, что творится! Не иначе, как наши артиллеристы ошиблись и в нас начали садить, вместо того чтобы через наши головы стрелять». Жестами что-то показываю, а сам, наверно, выгляжу не лучше моего напарника. Тогда полковник отстранил меня, сам надел наушники, сел к пе-

редатчику. Ну, тут меня заело! Он, выходит, не боится, а я боюсь. К тому же без наушников да без дела уж и совсем невмочь слышать этот грохот да ждать, когда в тебя снаряд влепят. Короче говоря, сел я к радиостанции, работать начал. Вижу, и Коля Калинин немножко ожил. Вокруг свистит, воем, грохочет! Да нет, не рассказать словами, что тогда творилось, это слышать надо. С тех пор я, кажется, такого скверного состояния никогда не испытывал. Потом затихать стало, выбираемся мы из своей машины, ощущение такое, как будто заново родились, слабость во всем теле, гимнастерки к спинам прилипли. Выбираемся и вдруг видим — рядом установка стоит — с магнитофоном, с мощным усилителем и динамиком. Так вот в чем дело! Вот откуда грохот! А полковник смотрит на нас и улыбается. «Что, — говорит, — натерпелись страху? Ничего, ничего, надо привыкать к боевой обстановке. А то приучились работать в тишине, как у мамы под крылышком...» Правильно, товарищ генерал? Было такое?..

— Было, было такое...

— И вот ведь что интересно. Потом уж мы отлично знали, что это только звукозапись, что никакого настоящего обстрела нет, а все равно каждый раз не по себе делалось.

— Да, — сказал генерал и оглядел солдат, столпившихся вокруг него, и старшего лейтенанта Кудрявцева. — Пересилить страх — великое дело. Кто свой страх пересилил, тот

имеет право относиться к себе с уважением. И ты это запомни, тебе это тоже пригодится, — сказал он Сорокину-младшему и потрепал его по плечу.

— А я и не боюсь ничего! — сказал Сорокин-младший.

— Да ну? — сказал генерал.

Сорокин-старший дернул брата за рукав — мол, нехорошо.

— И не дергай меня, пожалуйста, — сказал Сорокин-младший. — Я и тебя не боюсь.

Солдаты вокруг засмеялись.

— Это еще надо проверить, — сказал старший лейтенант Кудрявцев. — Вот вы, товарищ генерал, наверно, помните, был у нас во взводе такой солдат — Шкляренко...

— Ну, конечно, помню. Такой здоровый парень, широкоплечий? Из музвзвода? Намучились мы с ним.

— Ну да, он самый. Его к нам из музвзвода перевели. Для исправления. А какое тут исправление? Он старше любого из нас, второй год уже служит, а мы все только-только службу свою начинали. Он и принялся нами командовать. То в магазин кого пошлет, то вместо себя пол мыть заставит. «Я, — говорит, — уже вышел из того возраста, чтобы полы мыть. Поняли, салажата?» А спорить мы с ним не решались — он уже и в самовольные отлучки ходил, и на гауптвахте сидел, ему вроде все нипочем. И начальству жаловаться тоже не хотели. А он, бывало, соберет вечером вокруг себя нашего брата и давай расписывать свои похождения. И в столовой — все обычные порции получают, он — к повару за мясом бежит. «Учитесь, — говорит, — салажата. Мы с этим поваром на гауптвахте на соседних топчанах кантовались. Разве он своему корешу откажет?» И кое-кто из нас уже подражать начал Шкляренко, подмазываться к нему.

А тут как раз подошли зачеты по огневой подготовке — метание боевых гранат. Заняли мы свои места на огневом рубеже, в окопе. Бросаем гранаты. Кто дальше, кто ближе — у кого насколько сил хватит. Надо сказать, первый раз иметь дело с боевой, настоящей гранатой немножко жутковато — все кажется вдруг кольцо сорвешь, а бросить ее не успеешь... Но ничего, виду не показываем. Наконец дошла очередь до Шкляренко. Ну, думаем, этот верзила сейчас все рекорды побьет. А он за кольцо дернул и стоит, держит гранату. «Да бросай ты ее! Бросай!» — кричит ему командир взвода. А у того пальцы аж побелели — не может разжать и все. Смотрит на командира взвода расширившимися глазами и, вроде не слышит, не понимает ничего. Но потом видим — рука у него начинает медленно разжиматься, вот-вот уронит гранату на дно окопа.

Тут командир взвода подскочил к нему, схватил гранату и швырнул. «Шагом марш, — говорит, — отсюда, чтобы я вас больше не видел!»

Вот с тех пор мы и прозвали Шкляренко гранатометчиком. Чуть что — «А ты гранатометчика спроси!», «Где гранатометчик?», «Пойди позови гранатометчика!» Совсем затюкали человека. Куда весь его гонор делся! Как вспомним, как стоял он с побелевшими пальцами, с выкатившимися от страха глазами — так смех разбирает. Сначала он еще пытался отбрыкиваться, а потом совсем сник. Стал тише воды, ниже травы...

— Вот оно что! — засмеялся генерал. — А я еще удивлялся тогда, что это со Шкляренко случилось? Не узнать стало человека... А скажите, Кудрявцев, капитана Бабушкина помните?

— Бабушкина? Лучшего лыжника? Как же не помнить!

— Недавно встретил его. Подполковник уже. Полком командует. А рядового Евсевича помните?

— Это который у вас в шахматы в турнире выиграл?

— И это не забыл — ты смотри-ка! — радостно воскликнул генерал. — А все-таки у меня тогда позиция лучше была — это я ему по-глупому коня прозевал. А так бы он ни за что у меня не выиграл. Если бы я тогда...

«Интересно, — размышлял Сорокин-старший, — вот встретятся через несколько лет старший лейтенант Кудрявцев, допустим, с ефрейтором Халдеевым. И начнут перебирать старых знакомых. «А рядового Сорокина ты помнишь?» — спросит Кудрявцев. «Это какого Сорокина? — скажет Халдеев. — Который полы каждую неделю драил?» Неужели о нем больше и вспомнить нечего будет?»

И от таких мыслей Сорокину-старшему стало очень грустно.

— Кажется, мы слишком увлеклись воспоминаниями, — вдруг спохватился генерал. — Пора и честь знать. Какие у вас занятия по расписанию?

— Материальная часть, товарищ генерал, — быстро доложил ефрейтор Халдеев. — Включение и выключение радиостанции.

— Ну вот и отлично. Занимайтесь. А мы с молодым человеком посмотрим.

11. „На твою долю тревог еще хватит...“

Радиостанция размещалась в крытой машине.

Одна за другой вспыхивали сигнальные зеленые лампочки. Вдрагивали тонкие, как волосок, стрелки приборов. В серых металлических шкафах начинало что-то гудеть, щелкать. Треск и шорох раздавались в наушниках.

Один раз разрешили надеть наушники и Сорокину-младшему.

Услышал он тонкий писк морзянки, услышал далекую-далекую музыку, услышал голоса, перебивающие друг друга.

Словно взглянул он в волшебную подзорную трубу и увидел все, что делалось далеко вокруг, увидел то, что секунду назад было невидимым.

Снял наушники — снова тишина вокруг, только равномерно гудит что-то внутри радиостанции. Надел наушники — опять торопливо пищит морзянка, опять голоса перебивают друг друга.

— Володя, я — Берег. Волна, я — Берег, перехожу на прием, — говорит один голос.

— Третий, я — первый, посадку не разрешаю, — говорит другой. — Третий, я — первый, посадку не разрешаю. Посадку не разрешаю. Как понял? Я — первый, прием.

И сразу тревожно стало Сорокину-младшему.

Что там случилось с этим «третьим»? Почему не разрешают ему посадку? Может быть, беда какая-нибудь? Может быть, надо немедленно спешить на помощь?

Сорокин-младший вопросительно посмотрел на генерала. Но генерал был спокоен. И все вокруг тоже были спокойны. Пожалуй, только один Сорокин-старший заметно нервничал. Сорокину-старшему сегодня особенно хотелось отличаться — показать, что он умеет включать и настраивать станцию ничуть не хуже, чем остальные, — и он с нетерпением ждал своей очереди.

Сорокин-младший не прочь был еще послушать голоса далеких радистов, но тут ефрейтор Халдеев отобрал у него наушники.

Вот это был класс!

Ефрейтор Халдеев щелкал переключателями, даже не глядя на них; наверняка и с закрытыми глазами, и в темноте ему бы ничего не стоило включить и настроить радиостанцию.

Где уж угнаться за ним Сорокину-старшему! Да и не старался Сорокин-старший, когда сел к пульту управления, опередить Халдеева — ему лишь бы не перепутать переключатели, лишь бы не нажать второпях не ту кнопку.

И снова вспыхивают зеленые сигнальные

лампочки. Кажется, все в порядке, кажется, ничего не упустил, ничего не перепутал.

Еще последняя проверочка — и можно докладывать: «Радиостанция к работе готова».

— Раз, два, три, — говорит Сорокин-старший в микрофон. — Раз, два, три...

И вдруг — что такое? Он же точно знает, что стрелка прибора должна сейчас отклониться, а она стоит неподвижно на нуле, не вздрогнула даже, не шевельнулась.

— Раз, два, три! — уже кричит Сорокин в микрофон.

Но стрелка — ни с места.

Да что же это такое?

И в наушниках — тишина, молчание полное, ни треска, ни шороха.

Может быть, микрофон испортился?

Подул Сорокин-старший в микрофон — никакого результата.

И одна зеленая лампочка уже не светится на панели. А вместо нее, рядом, зажглась красная.

Ах ты, умница, ах ты, молодчага! Сразу бы Сорокину-старшему взглянуть на эти лампочки! Это же радиостанция сама подсказывает, что у нее не в порядке!

Перегорел предохранитель — вот в чем загвоздка.

И сразу отлегло от сердца у Сорокина. Заменить предохранитель — это он умеет, это для него плевое дело, раз, два — и готово. Сейчас все увидят, как ловко, в считанные секунды рядовой Сорокин устранил неисправность!

Но и тут не удалось отличиться Сорокину-старшему.

Только отыскал он в ящике с запасными деталями новенький предохранитель, только собрался поставить этот предохранитель на его законное место, как на весь военный городок завывла вдруг сирена, как забарабанил кто-то в дверцу машины:

— Тревога! Тревога!

— Строиться! Быстро! — закричал командир взвода.

— А предохранитель? — воскликнул Сорокин-старший.

— Ефрейтор Халдеев, — приказал командир взвода, — займитесь предохранителем, а вы, Сорокин, живо в строй!

Солдаты уже торопливо выпрыгивали из машины.

Хотел Сорокин-старший возразить: мол, он и сам прекрасно управится с предохранителем, при чем тут ефрейтор Халдеев? Почему это ефрейтору Халдееву все ответственные задания поручают? Но взглянул на своего брата, на генерала взглянул и не решился пререкаться с командиром.

— Тревога! Тревога!

Как звук боевой трубы, звучало для Сорокина-младшего это слово! И все замирало и холодело у него внутри от предчувствия надвигающихся событий.

Как повезло, как посчастливилось сегодня Валерке, что явился он сюда вместе с генералом! Уж теперь-то никто не посмеет сказать ему: «Чеши отсюда!»

Вместе с генералом он выбрался из машины.

Солдаты уже стояли в строю — автоматы за спиной, на боку — противогазы. И Сорокин-старший стоял вместе со всеми. Командиры отделений проверяли солдатское снаряжение — все ли в порядке, а командир взвода негромким голосом отдавал какие-то распоряжения и все поглядывал на генерала.

Генерал крепко взял Сорокина-младшего за руку.

— А теперь пойдем-ка отсюда! — сказал он.

— Как? — поразился Сорокин-младший. — Да ведь сейчас самое интересное начнется!

— Мы здесь люди посторонние, — сказал генерал. — А тревога — дело серьезное. Не будем мешать.

Да почему же мешать?! Ему бы только посмотреть со стороны!

Конечно, генералу, наверно, неинтересно, он, наверно, уже тысячу раз тревоги видел! Но разве честно уводить отсюда его, Валерку? Разве жалко, чтобы он взглянул хоть краешком глаза!

Все это хотел Сорокин-младший высказать генералу, но от обиды у него сдавило горло.

— Ууу... — только и произнес он.

А генерал между тем уводил его все дальше, и Валерка лишь головой вертел, оглядываясь.

Они шли по военному городку прямо к контрольно-пропускному пункту.

Где-то уже ревели моторы могучих тягачей. С автоматами за спиной пробегали мимо солдаты.

— Э, да ты никак реветь собрался? — изумленно сказал генерал. — Вот уж это никуда не годится. Ты же будущий солдат! И не надо огорчаться. На твою долю тревог еще хватит...

Валерка отвернулся.

Мало ли что будет когда-то! Ему сейчас, сейчас нужно!

Он попробовал ускользнуть, исчезнуть незаметно. Но генерал крепко держал его за руку — даже пальцами и то не пошевелить было Сорокину-младшему.

Первый раз в жизни он чувствовал себя таким маленьким и таким беспомощным...

Вот и ворота с контрольно-пропускным пунктом остались позади...

12. „Покажем, гвардейцы, на что способны!..“

Последние дни, а точнее, с тех пор, как появился в военном городке Валерка, Сорокину-старшему не давала покоя одна мысль, одна забота. Мечтал он, чтобы произошел с ним, с рядовым Сорокиным, какой-нибудь необыкновенный, героический случай.

Бывают же такие случаи, происходят. Только почему-то не с ним. Рядовой Бегунков, к примеру, пожар погасил в поселке, его командир полка часами именными наградил. Сержант Скрипкин в ледяную воду нырял — машину помогал вытаскивать. Ефрейтор Коновалов кошку спас, которая в водосточной трубе застряла. А ему, рядовому Сорокину, и рассказать не о чем родному брату. Пожар он не гасил, в воду не нырял, кошек не спасал. Как ни ломай голову, а на ум приходят только истории, подобные той, с противогоазом. Или еще почище, которые и рассказывать-то стыдно.

Не расскажешь же Валерке, как приспособился он на занятиях дремать в противогоазе. Бывали у них такие часы, когда от звонка до звонка на всех занятиях сидели солдаты в противогоазах. Для тренировки. А Сорокин-старший закроет глаза и дремлет. Жарко в противогоазе, быстро в сон клонит. А преподавателю не разобрать — открыты у тебя там глаза или закрыты. И надо же — лучший друг подложил Сорокину свинью. Вырезал из толстой бумаги кружки и потихоньку, пока дремал Сорокин, заклеил очки сорокинского противогоаза. А потом как толкнет Сорокина в бок!

Сорокин проснулся, глаза открыл — вокруг темнота! Что такое? Головой завертел, вско-

чил, ничего не понимает. Только слышит, солдаты с хохота покатываются.

Ох, и разозлился он тогда на своего лучшего друга. Три дня с ним не разговаривал. Зато и не дремал больше в противогоазе; как нач-

нут глаза слипаться, вспомнит тот случай, вздрогнет, и сон сразу как рукой снимет.

Вот какие дурацкие истории вспоминались Сорокину-старшему! Хорошо же он будет в глазах своего братца, если начнет рассказывать о подобных происшествиях!

Ясное дело, не из одних забавных случаев состояла солдатская жизнь Сорокина. Но рассказывать, как часами бился он над схемой радиостанции, как отвечал у доски, как маршировал на строевом плацу — казалось Сорокину и вовсе скучно. Не умел он рассказывать о таких вещах.

Иное дело — тревога.

Обрадовался Сорокин, когда услышал сигнал тревоги.

И потом, пока спешно строились солдаты, пока слушали приказ: свернуть радиостанцию и прибыть в заданный район, пока торопливо и ловко опускали пятиметровую антенну, пока тряслись в машине — радостное ожидание необыкновенных событий не оставляло его.

Колонна машин растянулась по лесной дороге. И сколько ни глядывался Сорокин сквозь маленькие оконца, не было той колонны ни конца, ни края. Только пыль клубилась да гудели моторы.

Вот бы Валерке посмотреть на такую картину!

Он, Сорокин-старший, хотя и жил в военном городке, хотя и служил уже не один месяц, и о любой машине мог сказать — зачем она и что в ней, а все-таки изумлялся всякий раз, когда предстала перед его глазами вся эта техника, скрытая до поры до времени в ангарах, гаражах и автопарках, изумлялся и не мог сдерживать волнения, словно видел все это впервые.

Потом колонна стала дробиться, машины сворачивали на проселки и просеки, на лесные поляны и словно растворялись, исчезали в лесу.

И опять было чему изумиться! Казалось, и за сутки не укрыть, не спрятать такую колонну, такую махину — столько автомобилей, столь-

ко тягачей и бронетранспортеров. А не прошло и получаса — и вот уже пустынной стала лесная дорога, изрытая колесами и гусеницами, и тишина опять повисла над лесом.

Солдаты вместе со своими машинами затаились в лесу и ждут — что дальше?

А дальше — приказ: оборудовать позиции, копать укрытия для машин.

Вот уж не по душе рядовому Сорокину была такая работа, совсем не по душе. Еще для себя окопчик вырыть — куда ни шло, но копать укрытия для машин!.. О-хо-хо! Пока упрaviшься, семь потов с тебя сойдет!

Но приказ есть приказ, принялись солдаты за работу, взялся за лопату и Сорокин.

— Веселее! Веселее! — торопит командир взвода. — К рассвету все должно быть готово.

А земля, как назло, попалась хуже некуда. Сначала мох, упругий, как резина, потом корни кустарника, как проволока. Лопата звенит и отскакивает.

Валерка небось уже ждет его, расписывает матери, как началась тревога, и что видел и чего не видел — рассказывает. Не знает, что его старший брат сейчас лопатой машет.

И комары кусают Сорокина-старшего, и ладони уже горят, и пот ест глаза.

— Веселее, веселее! — покрикивает командир взвода. Он тоже уже взялся за лопату, пришел на помощь солдатам. — Покажем, гвардейцы, на что способны!

Всю ночь копали солдаты землю. Только когда начало рассветать, закончили свою работу.

А утром объявили отбой тревоге.

И снова трясся Сорокин-старший в машине, рассматривал вздувшиеся на ладонях мозоли и предавался грустным размышлениям.

Рядом с ним ехал рядовой Бегунков, который в свое время погасил пожар в поселке, и сержант Скрипкин, который нырял в ледяную воду, и ефрейтор Коновалов, который спас кошку, застрявшую в водосточной трубе... А ему, рядовому Сорокину, по-прежнему не о чем было рассказать своему брату...

13. Что подслушал Сорокин-старший

Ближе к вечеру Сорокин-старший отправился в канцелярию роты за увольнительной запиской. Дверь в канцелярию была приоткрыта, и он остановился. Он вовсе не собирался подслушивать, о чем говорят командиры, он только хотел определить по голосам — не будет ли его появление некстати.

Разговаривали командир взвода и замполит.

— ...я просто поражаюсь... — говорил ко-

мандир взвода. — Его стало не узнать. Раньше, прежде чем приступить к работе, он извел бы всех. «Товарищ лейтенант, а мне лопата тупая досталась...» «Товарищ лейтенант, а почему второй взвод не копает, а мы надрываемся — они что, лучше нас, да?» «Товарищ лейтенант, почему перекура долго нет?» Командир взвода проговорил все это ноющим голосом — он явно кого-то передразнивал, только Сорокин никак не мог отгадать кого—

вроде не было в их взводе ни одного солдата с таким противным голосом...

Он постучался и вошел в канцелярию.

— А-а! Сорокин! — воскликнул замполит, старший лейтенант Кудрявцев. — Легко на помине. Мы только что о вас разговаривали.

«Да неужели? — поразился Сорокин. — Вот уж никогда бы не подумал, что у меня может быть такой отвратительный голос!»

Но вслух он этого, конечно, не высказал, ждал, что еще скажет замполит.

А замполит сказал:

— Вот ведь можете, Сорокин, быть хорошим солдатом, когда захотите. Хвалит вас командир взвода. Говорит, отличились сегодня ночью. Ну что ж, Сорокин, я рад, что не ошибся в вас. Так можете и матери вашей и брату вашему передать. Ясно?

— Так точно! — радостно сказал Сорокин. И на всякий случай сам прислушался к своему голосу.

Уже темнело, когда рядовой Сорокин подошел к гостинице. Настроение у него было отличное. Разумеется, не мешало бы ему иметь в руках что-нибудь существенное для подтверждения слов замполита. Например, часы, на которых витиеватыми буквами было бы выгравировано: «Рядовому Сорокину — за умелые действия во время полевых учений», или на худой случай шахматную доску с металлической пластинкой: «Рядовому Сорокину от

командования части», или... Короче говоря, что-нибудь такое, что бы он мог без лишних слов, как бы между прочим, показать матери и Валерке...

Вот ведь какое странное дело — когда ему и похвастаться было нечем, он не прочь был расписать свои заслуги, а теперь, когда и правда есть чем похвалиться и привирать не надо, Сорокин вдруг почувствовал, что неловко ему рассказывать о самом себе. Впрочем, мать по его настроению и сама, наверно, догадается. Не может быть, чтобы не догадалась.

Весело взбежал он по гостиничной лестнице, протопал по коридору, влетел в номер.

— Разрешите доложить, рядовой Сорокин прибыл! — дурачась, прокричал он.

И только тут обнаружил, что все его представление пропало даром: Сорокина-младшего в комнате не было.

— А где же Валерка? — спросил он.

— Как? Разве ты его не встретил? — И выражение беспокойства появилось на лице матери. — Он же только что выскочил в коридор. Извелся совсем — все тебя ждал, чуть шаги чьи услышит — сразу бежит...

— Хм, — сказал Сорокин-старший. — Боюсь, не слишком ли далеко он выскочил...

Он вышел в коридор, заглянул к дежурной, спустился по лестнице — Валерки нигде не было.

Тогда он выбежал на крыльцо, громко позвал Валерку.

Никто не откликнулся.

14. Как Сорокин стал Воробьевым

И почему люди так быстро забывают свои обещания!

Ведь клялся же Сорокин-младший самому себе после злополучной прогулки по военному городку, что больше шагу не шагнет никуда без разрешения, клялся и верил, что так оно и будет.

А что получилось?

Целых двое суток скучал и томился Сорокин-младший. Все его покинули, все забыли. И генерал уехал, распростился с Сорокиным, укатил к своему любимому внуку. И брат не появляется. И неизвестно еще, когда появится. Кто скажет, когда кончатся учения? Никто не скажет. Секрет, военная тайна.

Гулял Сорокин-младший с мамой по улицам, обедал в диетической столовой, смотрел в гостинице телевизор. Держал свое слово.

И когда в тот вечер он выскочил из комнаты, он и правда хотел только посмотреть, не идет ли брат, он вовсе не собирался выходить из гостиницы.

Но только он выглянул на крыльцо гостиницы, как увидел этого человека. Человек был удивительно похож на его брата. Конечно, лица в сумерках Валерка разглядеть не мог, но и рост, и походка — все похоже. Никаких сомнений, что это его брат.

Однако почему-то Сорокин-старший быстро уходил прочь от гостиницы! Вот что было самое странное!

Валерка соскочил с крыльца и помчался вслед за братом. Когда между ними оставалось всего несколько метров, тот обернулся, и Валерка сразу понял, что ошибся.

Незнакомый парень погрозил Валерке пальцем и пошел дальше.

А Валерка остался стоять один посреди темной улицы.

Теперь ему и вовсе не хотелось возвращаться ни с чем в гостиницу.

«Дойду только до угла, — сказал он себе. — И все. Если не встречу брата, возвращаюсь назад».

Он дошел до угла.

Сорокина-старшего по-прежнему не было.

«А теперь вон до того столба. И все. Дальше ни шагу».

Несколько прохожих попало навстречу Валерке. Нарядные девушки пробежали бегом — видно, опаздывали в клуб, на танцы. Нога в ногу, словно в строю, прошли два офицера.

«Ага, — отметил про себя Сорокин-младший. — Видно, учения уже кончились».

Теперь-то просто смешно было возвращаться, так и не встретив брата.

«Ну вот, до следующего фонаря. И точка, дальше ни сантиметра».

После фонаря было еще дерево, а после дерева еще один фонарь, а после этого фонаря газетный киоск, а после газетного киоска еще одно дерево, а после еще одного дерева — еще — еще одно дерево...

Ах, если бы Валерка знал, что именно в этот самый момент его старший брат уже бежит возле гостиницы, разыскивает его, он бы, конечно, просто-напросто вернулся обратно и все бы наверняка окончилось благополучно...

Но Валерка не знал этого, и ноги упрямо несли его все дальше и дальше.

Наконец он уткнулся в забор.

Сорокин-младший сразу догадался, что это за забор. За этим забором на фоне темного неба едва виднелись таинственные очертания антенн, ветер доносил оттуда слабый запах бензина и отдаленное рокотание моторов...

И сразу Сорокин-младший вспомнил все свои беды — вспомнил, как поймали его солдаты-химики, и как увел его генерал, когда началась тревога — тоже вспомнил. Неужели он так и уедет, не побывав больше в военном городке, так и не увидев близко могучих тягачей и других замечательных машин?

И тут Сорокин-младший увидел дыру в заборе.

«Да что же это такое? — обеспокоенно подумал Сорокин-младший. — Любой шпион может пролезть сквозь такую дырищу!»

И еще он подумал, что надо обязательно доложить командирам об этой лазейке, пусть эту дыру заколотят крепкими досками и большими гвоздями, а ему, Сорокину-младшему, объявят благодарность за бдительность.

Потом он юркнул в дыру между досками и оказался по ту сторону забора, в военном городке.

Сейчас, в темноте, все здесь выглядело совсем не так, как днем. Кусты вдоль забора представлялись зарослями, и какие-то непонятные сооружения высились вдаль, и, казалось, совсем рядом гулко раздавались чьи-то шаги.

На минуту стало жутко Сорокину-младше-

му — еще неизвестно, что будет, если вдруг его обнаружат здесь, — и захотелось немедленно выбраться наружу.

Он затаился, прислушался.

Все было спокойно вокруг, тишина. Даже шаги затихли.

Да и кто заметит его в темноте?

Никто не заметит.

Он только посмотрит издали на машины и уйдет.

Сорокин-младший почувствовал себя разведчиком, прокравшимся в тыл противника. Ловко и бесшумно скользил он, словно тень, вдоль забора.

Крадучись, спустился в небольшой овражек, легко выбрался наверх — ни одна ветка, ни одна травинка не хрустнула у него под ногами.

Стелющимся, кошачьим шагом — вперед, вперед! Вот уже темные силуэты машин совсем рядом. Точно неуловимый призрак, точно невидимка, точно отважный индеец в неслышных мокалинах, точно...

— Стой! Кто идет?!

Вздрогнул, сжался Сорокин-младший. Он даже не сразу понял, откуда прозвучал этот резкий оклик.

— Стой! Кто идет?!

Только тут разглядел Валерка часового возле машин.

Валерка попятился, сухая трава оглушительно затрещала у него под ногами.

— Стой! Стрелять буду!

Что-то щелкнуло.

«Затвор!» — с ужасом сообразил Сорокин-младший. Ноги у него ослабли.

Он не двигался и ждал выстрела. Щекочая струйка пота потекла вдоль спины.

Он хотел крикнуть, предупредить, что это он — Валерка Сорокин, и не мог: язык его не слушался.

— Ложись! — громко скомандовал часовой.

Сорокин-младший послушно бухнулся в колючую траву.

Выстрела не было, и страх начал постепенно отпускать его.

— Лежи и не шевелись! Шевельнешься — стрелять буду!

Какое там — «шевельнешься»! Если бы Валерка мог, он бы и дышать перестал.

Потом он услышал топот солдатских сапог. Бежали сразу несколько человек.

Его подняли на ноги, осветили лицо фонариком.

— Пацан... — сказал чей-то голос.

— Дяденька... — начал было Сорокин-младший и всхлипнул.

— Ладно, ладно... Пошли в караульное помещение, там разберемся, — сказал все тот же грубоватый голос. — Шагом марш!

Сорокин-младший шагнул, опустив голову. Он боялся даже подумать, что же теперь будет. Что будет, когда обо всей этой истории узнают его брат, и замполит, товарищ Кудрявцев, и мама, и все остальные!..

Спасение! Во что бы то ни стало надо отыскать спасение!

В караульном помещении солдаты окружили Сорокина-младшего и с интересом рассматривали его. Допрос вел сержант, помощник начальника караула. У него было добродушное, круглое лицо, но стоило только перевести взгляд на его огромные кулаки, которые он то сжимал, то разжимал, словно волейболист, тренирующий пальцы, как Валерке сразу становилось не по себе.

— Фамилия? Как фамилия?

— Воробьев, — тихо сказал Сорокин.

— Откуда пожаловал, Воробьев?

— Из Владивостока... — еще тише сказал Сорокин.

— Ну, ты даешь, парень! — восхитился сержант. — Ты хоть знаешь, где Владивосток?

А курносый солдат, румяный, точно девчонка, сказал:

— Не тушуйся, пацан. Заливай дальше!

— Я не заливаю, — сказал Сорокин. — Я трое суток ехал.

— Ребята, — вмешался еще один солдат, — а может, и верно, может, пацан правду говорит? Ты что, из дому сбежал, что ли?

— Ну да, — сказал Сорокин.

— А сюда-то как попал?

— Меня из поезда высадили, — сказал Сорокин. — Проводник, знаете, какой злой попался...

— Мать-то у тебя есть?

Сорокин молча кивнул.

— Голову небось из-за тебя потеряла? Волнуется небось, переживает, ищет тебя. А, Воробьев?

Сорокин опять ничего не ответил, только съезжился.

— Эх, Воробьев, Воробьев, как же ты так? Чего тебе дома не сиделось?

— У меня сестра на скрипке играет, — сказал Сорокин.

— Ну и что?

— Мешаю, говорит, ей. Из дому гонит.

— Ишь ты! Она что, не родная тебе?

— Ну да, — сказал Сорокин.

— Ребята! — сказал курносый солдат. — Здесь, кажется, дело серьезное. Давай, давай, пацан, рассказывай, не бойся. Это, брат, никому не позволено — детей из дому выгонять! Подумаешь — цаца, на скрипке играет! Отца-то нет у тебя?

Сорокин мотнул головой.

— Отчим, что ли?

— Ну да, — сказал Сорокин.

Он совсем разошелся. Он рассказал про интернат, куда его определили по требованию

сестры, той самой, которой он мешал играть на скрипке, и про коварную воспитательницу в интернате, по прозвищу Лиса Алиса, и про то, как он трое суток прятался под полкой в вагоне скорого поезда...

— Да ты голодный, наверно? — спохватился вдруг все тот же курносый солдат. — Есть хочешь?

— Угу, — сказал Сорокин.

И тут же перед ним оказалась банка стуженного молока, и кружка с кипятком, и огромная горбушка серого хлеба.

— Рубай, рубай молоко, не стесняйся, — говорил сержант, подсовывая ему столовую ложку.

Сорокин и на самом деле почувствовал, что проголодался. Он принялся за еду, а солдаты с удовольствием наблюдали, как он ест.

— Ничего, не бойся, теперь мы тебя в обиду не дадим...

— Может, еще хлеба подбросить, а?

— Ну-ка, Смирнов, принеси парню еще кипятку!..

— Ребята! — сказал вдруг курносый. — А что, если... Оставить парня у нас... Сыном полка, а?..

— Так тебе и разрешили! Сейчас не военное время...

— Ну и что, что не военное! Если попросим... А, ребята?

Он обнял Сорокина за плечи.

— Ишь ты, худющий какой! Сразу видно — некормленный... Ничего, у нас на солдатских харчах быстро поправишься! Ну как, Воробьев, пойдешь к нам сыном полка?

Ах, если бы он и правда был Валеркой Воробьевым из Владивостока!

Как хорошо ему было бы сейчас сидеть среди солдат и чувствовать себя в центре внимания! А может быть, можно сделать как-нибудь так, чтобы он был и сыном полка и сыном своей мамы одновременно!

— Сошьем тебе гимнастерку, галифе, сапожки закажем, будешь, Воробьев, щеголять — красота!

— Сейчас начальник караула придет, в баню тебя отправим, потом спать определим, а завтра все вместе — к командиру полка.

— Да ты не горюй, Воробьев, я вон тоже в детстве рос, а не хуже других вырос...

— Я и не горюю... — сказал Сорокин.

Он уже успел осмотреться в караульном помещении, и все здесь нравилось ему — и пирамида с автоматами в коридоре, и топчаны, на которых, не раздеваясь, спали отдыхающие караульные, и какие-то, наверно, секретные, карты на стене, задернутые матерчатыми штормками...

— Я всю жизнь мечтал стать сыном полка, — сказал Сорокин. — Я...

Он не договорил.

Внезапно с грохотом распахнулась тяжелая дверь караульного помещения.

Первым вошел дежурный по части — капитан с красной повязкой на рукаве.

Вторым вошел лейтенант, тоже с красной повязкой — начальник караула.

А за ними...

Ложка выпала из рук Сорокина-младшего. На пороге он увидел своего брата.

Рядовой Сорокин молча смотрел на Сорокина-младшего.

— Так вот ты где! — наконец негромко сказал он. — А ну, вставай, живо!

Сорокин-младший послушно поднялся из-за стола.

Солдаты растерянно молчали и старались не смотреть на него.

Конечно, кто он был теперь для них — самозванец, болтун, обманщик... Чего бы только он ни сделал, чего бы ни отдал, лишь бы они взглянули на него по-прежнему!

Он хотел объяснить все, сказать, что он не нарочно, сказать, что он... Он потянулся было к курносому солдату, но тот махнул рукой:

— Ладно, иди, иди...

Никто не обращал на него внимания. Брат подтолкнул его в спину:

— Идем!

И тогда Сорокин-младший заплакал.

15. Прощание

Вот уж никогда не думал Сорокин-младший, что таким грустным будет его прощание с военным городком. А ведь сам виноват. Все могло быть по-другому, совсем по-другому. Но теперь уже не исправишь.

В воскресенье, накануне отъезда, вместе с Сорокиным-старшим и мамой отправился он в военный городок на спортивный праздник.

Мама держала Сорокина-младшего за левую руку, а Сорокин старший — за правую.

Со стадиона уже доносилась музыка, и в другой раз Сорокин-младший торопил бы маму и брата, чтобы не опоздать к началу праздника, но сегодня он и сам еле передвигал ноги. На стадионе, наверно, будут все, весь полк, а у Валерки не было никакого желания встречаться с солдатами, которых он обманул в караульном помещении. Да и попадаться на глаза химикам, в плену у которых он сидел без штанов, ему тоже не хотелось... Станут теперь

показывать на него пальцами... Так что он с удовольствием бы остался сегодня в гостинице, но мама с братом, видно, нарочно потащили его на стадион.

И почему он уродился такой несчастливый? Почему никак не справиться ему с самим собой? Разве виноват он, что у него такой характер?..

Они свернули в аллею, и тут из куста выскочила рыжая приветливая собака. Она, наверно, узнала Валерку, потому что сразу поспешно пошла за ним.

Но он не мог ее даже погладить — мама по-прежнему держала его за левую руку, а Сорокин-старший — за правую. И тогда собака вильнула хвостом и снова скрылась в кустах.

А Сорокину-младшему стало еще печальнее.

Дальше они прошли мимо казармы, мимо спортивной площадки, и здесь Сорокин-младший увидел солдата в распоясанной гимнастерке. Солдат был один. Он стоял и задумчиво смотрел на «коня».

Что-то знакомое было в лице этого солдата. Встречался уже с ним Валерка, что ли?

И вдруг Сорокин-младший вспомнил: ну конечно же, это был тот самый солдат, которому никак не давался прыжок через «коня». Как пыхтел он тогда, как топал сапогами, разбегаясь, грозный, словно надвигающийся паровоз... И даже фамилию его вспомнил Валерка — Кравчук.

Ну да, Кравчук. Тогда еще командир сказал: «На сегодня достаточно, Кравчук. Потренируетесь еще вечером...»

И сейчас Кравчук готовился к разбегу. Он отошел на несколько шагов, потом быстро помчался вперед — к «коню».

«Вот сейчас будет потеха», — хотел было сказать Валерка. И не успел.

Кравчук вдруг легко коснулся снаряда и перелетел через «коня».

Валерка даже глазам своим не поверил.

А Кравчук подмигнул Валерке, затянул ремень и побежал к стадиону.

Музыка на стадионе уже гремела вовсю, и Сорокин-младший почувствовал, как испаряется, исчезает его плохое настроение...

С ПРАЗДНИКОМ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

У венгерских ребят есть журнал «Пайташ», у югославских — «Змай», у пионеров Германской Демократической Республики — «Фрёзи».

В дни юбилея Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина всем читателям журнала «Костер» пришли поздравления из редакций детских журналов разных стран. На этой страничке печатаем некоторые из них.

«Дорогих друзей рады поздравить со славным пятидесятилетием ленинской организации советских пионеров. Примите горячий дружеский привет от имени членов Венгерского Союза пионеров. Наши ребята работают по вашему примеру, по ленинским заветам!

Ференц Вавшар,
главный редактор журнала «Пайташ»

«Дорогие юные друзья, особенно ярко и радостно светит солнце в дни юбилея пионерской организации имени В. И. Ленина. Мы празднуем ваш праздник вместе с вами. Желаем вам успехов. Пусть крепнет наша дружба!

Вальтер Штор,
зам. главного редактора журнала «Фрёзи»

«От имени редакции «Змая» поздравляем всех читателей «Костра» с праздником пятидесятилетия. Нашим пионерам известна борьба вашего народа за победу в Великой Отечественной войне. Так же как вы слышали о деятельности наших югославских пионеров и их организации, которая родилась в годы борьбы с фашизмом — нашим и вашим врагом.

Желаем организации советских пионеров, которая носит имя Ленина, больших успехов в жизни!

Мира Алечкович,
Десанка Максимович,
журнал «Змай»

ЗЕЛЕНЫЕ*СТРАНИЦЫ

Раздел ведет писатель Н. Сладков

«ИЮЛЬ — МАКУШКА ЛЕТА». ПОСПЕЛИ ЛЕСНЫЕ ЯГОДЫ. ПОЯВИЛИСЬ ПЕРВЫЕ ГРИБЫ. НАКОПИЛИСЬ ДЕЛА В ПОЛЯХ, САДАХ, ОГОРОДАХ. РУКАМ И НОГАМ — РАБОТАТЬ, РАБОТАТЬ, А ГОЛОВЕ — ДУМАТЬ, ДУМАТЬ.

ДЕЛА И ЗАБОТЫ

Литовские пионеры привезли в Москву на Выставку достижений народного хозяйства целый сад. Растут в саду мексиканские агавы, алоэ, редкие кактусы. Даже знаменитый кактус «Принцесса ночи»,

большой белый цветок которого раскрывается только ночью.

Познакомьтесь с кактусовой горкой в павильоне юннатов на ВДНХ. Вот как оформляют литовские ребята школьные классы, коридоры и лестницы. Есть чему у них поучиться!

Е. Синяев

РАССКАЗЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

ЯСТРЕБИНАЯ ШКОЛА

В центре поляны стояла могучая ель, а чуть в стороне от нее торчал толстый пенек. Послышался шорох крыльев, и на пенек опустился ястреб с добычей. Хищник оставил на пне мертвую птичку, а сам взмыл в воздух. «Почему он ее не склевал?» — удивился я.

Ястреб сел на маковку ели. Тут же к нему присоединились два ястребенка-птенеца. Один из них стремительно ринулся вниз и ловко сцапал когтями лежавшую на пне птичку. Но он ее не унес и не съел, а сделав круг, положил снова на пенек.

— Старый ястреб молодых учит! — догадался я.

На пенек с елки спикировал второй птенец — но промахнулся. Он упал в траву возле пня, беспомощно раскинув крылья. Тут на него налетел старый ястреб и дважды долбанул неудачника в голову, словно «двойку» ему поставил за неуклюжесть. Двоечник и учитель снова взлетели на вершину ели. Птенец вторично ринулся вниз. На этот раз ему повезло и он схватил птичку.

Удовлетворенный успехами своих учеников, ястреб отправился с ними в полет. Наверное, тоже учебный.

О. Чистовский

ЗАГАДОЧНЫЕ ПЛЯСКИ

День был теплый и тихий. Муравьи в такие дни всегда очень оживлены: весь муравейник усыпан ими. Особенно много лесных муравьев собралось на чистом валу, кольцом окружающем муравейник. Тут они не бегали, не суетились, а как будто бездельничали, пошевеливая усиками и время от времени постукивая головой ближайших соседей.

Но среди бездельничавших были какие-то совсем особые, странные, «дрыгающие» муравьи. Каждый из них то и дело нелепо дергался, вздрагивал, подпрыгивал, кувыркался — выкидывал самые удивительные коленца. Каждый плясал по-своему, стандарта не было в этой таинственной для меня пляске.

Я много раз видел такие танцы. Я знаю, что в поведении муравьев все имеет свой смысл, все для чего-нибудь предназначено. Но я так и не разгадал еще тайну плясок, хотя изучаю муравьев уже более двадцати лет. Может быть, вам повезет?

П. Мариковский

ПОГРЕМОК

Солнце печет, земля пересохла, изнемогают цветы от жары. Даже ветерок не приносит прохлады.

— Пить... Пить... — шепчут цветы.

И только один погребок не унывает, машет листочками, трясет погремками. Еще и других подбадривает:

— Держись, соседчики! Были времена и труднее. Выше головы! Веселей!

А солнце жжет немилосердно. Сникли и ромашки, и клевер. Вянут лепестки, склоняются венчики. А погребок держится:

— Крепитесь, братцы! Не сдавайтесь! Перетерпеть надо!

Целый месяц ни капли дождя. У земляники ягоды высохли, у смородины осыпались, не созрев. А погребку хоть бы что! Все такой же бодрый и неунывающий:

— Выше голову! Не унывать!

Гляжу на погребок и удивляюсь. Сколько выдержки! Сколько бодрости!

Удивлялся, пока не узнал, что силу свою он у других цветов берет. Пустил погребок под землей длинные корни, присосался к своим соседям и тянет соки из них. Тянет да приговаривает:

— Держитесь, родимые!

А. Зимин

ИЗ ПОДСЛУШАННЫХ РАЗГОВОРОВ

В ЗООПАРКЕ

— Тетя Маша, слону велено принести двадцать ведер теплой воды и дюжину березовых веников.

— Он что — париться, что ли, собрался?

— Да нет, завтракать...

Н. Сладков

ЕСЛИ ПОЙМАЕТЕ...

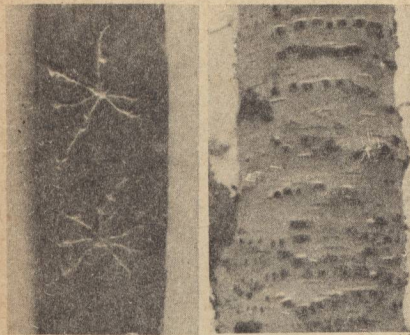
Из крупных хищников легче всего содержать в живом уголке осоеда. Он быстро приучается и ест самую разную пищу: ягоды, фрукты, арбуз, булку, кашу, вареный картофель, мясо и рыбу.

Из сычей легче всех переносят неволю сычи домовые. Им не обязателен живой корм, как другим. Охотно едят насекомых.

Неясити серая и длиннохвостая охотно едят в неволе рыбу. Могут годами жить на таком корме.

А. Батуев

ЗАДАНИЕ СЛЕДОПЫТАМ

ЛЕСНЫЕ ПИСЬМЕНА

1. Кто написал на сучке эти иероглифы? И что они означают?

2. Кто выстукивал на березе азбуку Морзе? И что он хотел передать или сообщить?

Жду ваших ответов.

КОСтя ТЕРКИН

МИГ

Так дикие северные олени преодолевают широкие реки. Белые пушистые хвосты их торчат из воды, указывая путь позади плывущим.

А. Кречмар

СКАЗКА-НЕСКАЗКА

БЮРО ПОГОДЫ

— Скажите, какая нынче будет погода? — спросил робкий Заяц, стуча коготками в окошко лесного БЮРО ПОГОДЫ. Окошко распахнулось, и выглянула Сова.

— А вот мы, Заяц, сейчас послушаем! — пробубнила она.

— Странно! — изумился Заяц. — Погода — и вдруг послушаем!

— Послушаем, послушаем! — кивнула Сова. — Ну-ка, кто там кричит? У тебя уши-то поболее моих.

— Сплюшки-совы кричат в дубняке, — сказал Заяц, наострив уши.

— Ну вот, быть днем грозе! — буркнула Сова.

— Да ты на небо взгляни! — рассердился Заяц. — Какая гроза, когда на небе ни облачка?!

— Гроза, Заяц, гроза! И смотреть не стану. И без того слышу. Сплюшки днем всегда перед грозой перекликаются. В хорошую погоду они днем молчат. Да вот мы сейчас с тобой подстрахуемся. Ну-кась, что там в ельнике слышно?

— Бурундуки рассвистелись. Кричат, словно булькают.

— Все верно. Дождь будет. Бурундуки среди дня только перед дождем крик поднимают. Все слухи сходятся.

Окошко захлопнулось. Заяц поковылял в елки. И вовремя! Скоро такой хлынул дождь, что даже утки в кусты попрятались.

М. Зверев

КТО ЧТО МОЖЕТ

Можете вы проспать полгода без просыпу? Можете поднять быка? Не можете... Тогда послушайте о тех, кто может не только это, а и многое другое.

Степной суслик спит без просыпу всю осень и зиму. Да еще часть весны и лета прихватывает! Спит в году девять месяцев, девять месяцев не ест и не пьет!

Крошечная землеройка съедает за день еды вчетверо больше своего веса. Будь такой аппетит у слона, съедал бы он в день по семь грузовиков сена и овощей!

Жук тащит груз в сто раз тяжелей себя. Будь вы таким силачом, вы бы двух быков на себе пронесли!

Н. Сладков

Рисунки Е. Захарова

О Великих Законах

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Валерий Суслов

Оформление В. Стародубцева

Но — тебе ведь упрямства не занимать. Ты скажешь: это тоже не все люди земли!

Нет, ты связан со всеми!

И не только через вещи. Существует много разных других связей.

Где-то бушует огонь, и рвутся бомбы, и умирают люди, — и ты думаешь об этом, ты с теми, на чьей стороне правда. И так же думают и чувствуют сотни тысяч, миллионы других людей. Разве ты не связан с

ними своим сердцем, своими мыслями и чувствами?

Разве солнце, на которое ты смотришь каждый день и которое дает тебе жизнь, разве оно не дает жизнь всем людям, живущим на Земле?

И, наконец, ты связан со всеми людьми хотя бы тем, что ты живешь с ними на одной планете, ходишь по одной земле, смотришь на одни и те же звезды!

Существует огромное количество связей в Мире. Больше, чем вещей. Потому что каждая вещь связана с каждой.

Я рассказал тебе о связях людей между собой, и то далеко не о всех. А существуют связи Людей с Предметами, Предметов с Животными, Животных с Растениями... Всего со всем.

Существуют связи Мыслей и Отношений.

Есть связи не только в Пространстве, но и во Времени.

Ты, как и все люди, связан с Прошлым.

Мел, которым ты пишешь на доске, это спрессованные до неузнаваемости ракушки, отложившиеся на дне древних океанов много миллионов лет назад. Так ты прикасаешься к далекому Прошлому, и не через что-нибудь, а сам, своими собственными пальцами. Вытирая тряпкой пальцы, ты стираешь пыль, которой миллионы лет.

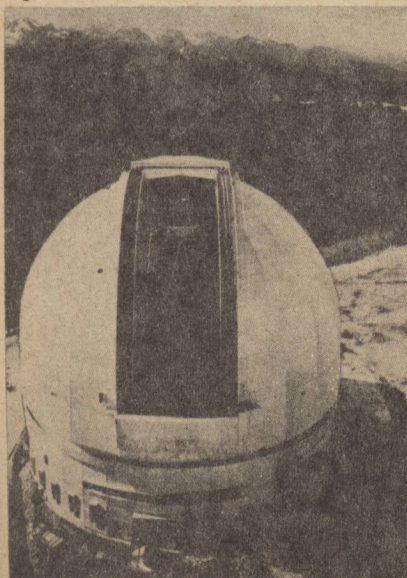
Ты живешь в городе или в деревне, которые существуют пятьдесят, сто, а может быть, и тысячу лет.

Многие книжки, которые ты читаешь, написаны до того, как ты родился. Их написали люди, которые давно умерли. А их труд, их слово радуют тебя или заставляют грустить.

Ты связан с Прошлым через своего отца и мать, через деда и бабушку.

Скорей всего кто-то из твоих

Продолжение. Начало см. в № 5

Астрономы называют его самым большим в мире телескопом. Он установлен в горах Северного Кавказа.

А мы назовем его и машиной времени: ведь луч света, посланный миллионы лет тому назад далекой звездой, находящейся за пределами нашей Галактики, будет пойман объективом телескопа только в наши дни. Он как бы переносит нас в далекое-далекое прошлое звезды.

предков возводил Московский Кремль, или сражался на Куликовом поле, или ходил вслед за Ермаком в Сибирь, или с Петром Великим строил корабли на Неве. Или просто пахал землю, выращивал яблоны, сооружал мосты и прокладывал дороги, учил детей грамоте.

Твои предки осваивали далекие южные пустыни, переплывали невиданные тобой моря, строили крепости в диких горах, превращали болота в плодородные угодья.

Вполне может быть, что кто-то из твоих предков сражался в войске Спартака или строил пирамиды в Египте. Ты скажешь — не может быть! Нет, может, — за минувшие тысячи лет так много людей переселялось с места на место, и целыми народами, и в одиночку, что в этом нет ничего удивительного.

В тебе течет их кровь, по да-

лекому наследству они передали тебе свое мужество, терпение, любовь к родной земле и стремление к правде.

Может быть, ты еще не совсем понимаешь это, но со временем поймешь и передашь своим детям.

Пушкин говорил, что человек образованный отличается от человека дикого тем, что он знает и уважает свое прошлое. Вот почему — кем бы ты ни стал, — надо знать историю своего народа и историю человечества.

Так ты связан с Прошлым.

Но ты связан и с Будущим.

Ты посадил маленький пруттик, и через сто лет здесь будет могучее тенистое дерево. И все будут любоваться им, — потому что нельзя не любоваться деревьями, — и всем будет хорошо, и каждый невольно с благодарностью вспомнит того, кто посадил и сохранил это дерево.

Ни один твой поступок, ни одно твое слово не пропадает бесследно, как ничто бесследно не пропадает в Море. Из всех поступков, мыслей и слов людей вырастает Будущее.

Ты делал хорошее дело, и цепочка хороших дел уходит в Будущее. Сделал плохое, и будет плохо. Ты чаще всего и не можешь предположить, как все обернется.

Ты помог кому-то, выручил из беды, или просто сказал хорошее слово. Забыл про это и правильно сделал. А из этого, как дерево из семечка, обязательно вырастет большое доброе дело.

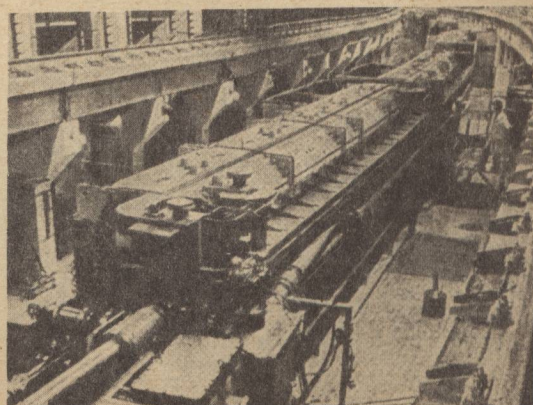
Пройдет несколько дней или много лет, и тот, кому ты помог, с кем ты был добр, вспомнит об этом, и ему будет тепло и радостно. Потому что ничто не может доставить человеку больше радости, чем дружеское участие или доброта.

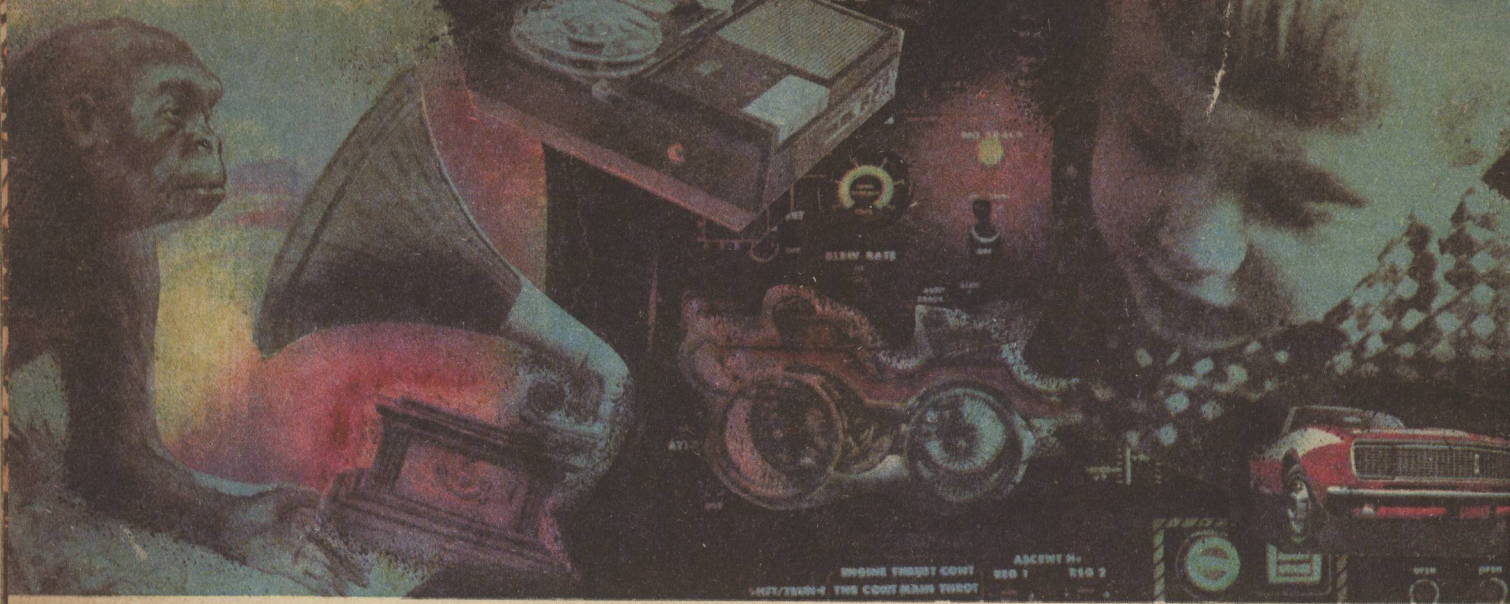
Вот как повернулся у нас

Атом так мал, что даже в современнейший электронный микроскоп он представляется всего лишь точкой или группой точек. А инструменты для его исследования сложны, огромны, словно заводские установки.

На фотографии вы видите лишь один участок нового, самого большого в мире синхрофазотрона „Мирабель“, установленного в Серпухове.

разговор о том, что Все в Мире Связано Друг с Другом.

Заметь — Друг с Другом. Потому что все должны быть друзьями.

А если Всё со Всеми Связано, то Все Влияет на Все и Все зависит от Всего.

Так в арифметической задачке, которую ты решаешь. Если ты что-то не учел или про что-то забыл, значит, ты не решишь задачку. Но даже если ты все помнишь, но не можешь найти правильных связей, сообразить, как все это связано между собой, — ты тоже не решишь задачку.

Так и в науке. Очень многое из того, чем занимаются ученые, — это поиски ненайденных связей, взаимоотношений. Нам намного легче и яснее станет жить, если мы будем знать, что и каким образом взаимосвязано друг с другом.

Так и в жизни. Не только ты, твое настроение, твоя жизнь в большом и малом зависят от множества обстоятельств и явлений, но и ты — по этому Великому Закону — связан со всем и, следовательно, можешь воздействовать и воздействуешь на все.

В большей или меньшей степени, но это так.

ВСЕ ДВИЖЕТСЯ, ВСЕ МЕНЯЕТСЯ, ИЛИ ВТОРОЙ ВЕЛИКИЙ ЗАКОН

Да, это тоже Главный Закон. Второй, если угодно. Если вообще великие Законы можно нумеровать.

Даже при беглом взгляде на эти две фотографии нетрудно понять, какая взаимосвязь между сброшенными над землей Индокитая бомбами и капиталистами, подсчитывающими свои барыши.

Все меняется. Начнем с тебя.

Наступило лето, и ты отбрасываешь весеннюю куртку: теперь тепло, можно ходить в рубашке.

Но вот лето прошло, дни стали прохладнее. Мама достает тебе старую куртку, ты надеваешь ее. Вот тебе и на! Рукава почти по локоть.

— Ну и растешь ты, брат! — говорит папа.

Да, ты вырос, изменился. А разве ты замечал, как меняешься?

И, собственно, чему тут удивляться? Ты и так отлично знаешь, что ты растешь и что многое меняется. Но смысл Закона в том, что меняется все.

И движется все.

Мы живем в движущемся, меняющемся — постоянно, каждую минуту, каждую секунду меняющемся мире.

Посмотри — движутся стрелки, троллейбусы, облака, вода в реке, дым из трубы.

Движутся муравьи, солнце по небу, листья дерева под ветром и ты сам.

Есть такая игра — «Замри!». В самый неподходящий момент сказать «замри!», и твой приятель замирает с поднятой ногой, с раскрытым ртом, пока ты ему не скажешь «отомри!».

И ты можешь сказать: «Это ерунда! Я могу не двигаться». Сам себе сказать «замри!» и замереть. И действительно, ты не будешь шевелить даже

пальцем, а глаза, чтобы не моргнуть, для пущей важности зажмуришь. Ты замер, ты не движешься.

Но прислушайся. Это стучит твое сердце. Оно бьется, работает. Течет кровь по кровеносным сосудам. Легкие вбирают и выбрасывают воздух.

Так или иначе, но ты, оказывается, движешься.

Так или иначе, но движется и то, что кажется тебе неподвижным.

Двигается Земля в Космическом Пространстве, вместе с ней движутся неподвижные горы и камни, дома и дороги.

РАССУЖДЕНИЕ О ПРОСТРАНСТВЕ

Чтобы двигаться, надо двигаться откуда-то и куда-то. Одним словом, чтобы двигать-

ся, необходимо место. Этим местом и является Мир, в котором живем мы с тобой. Весь огромный, необозримый Мир, необозримый гораздо более, чем ты себе представляешь.

Вернее, не Мир, а Пространство, ибо Мир, в котором мы живем, это Пространство, заполненное Предметами.

Пространство.

От тебя до подоконника, от дома до другого дома, от Земли до Солнца. И маковое зернышко — это тоже Пространство, заполненное веществом.

Нет начала и нет конца Пространству. Оно беспредельно. Если представить себе космос, который еще не построен, и ракетный корабль, который еще не создан, корабль с неисчерпаемыми запасами энергии, и еще представить, что ты стал бессмертным, как Зевс, только без бороды, то совсем легко представить, что ты

стартуешь в любой конец Галактики и к самой далекой звезде. Со скоростью света ты летишь в самый дальний конец Мира и, наконец, долетаешь до самой последней звездочки. И спрашиваешь: «Что же дальше?» А дальше ты видишь такое же беспредельное пространство. Со звездами или без звезд. И нету конца Мира.

Это Макромир, или Большое Пространство.

Но можно предпринять путешествие в Микромир — Пространство Малое. И оно не менее фантастично и удивительно, а главное, не менее беспредельно, чем Пространство Большое.

Тебе не надо для этого ждать еще непостроенного ракетного корабля и мчаться тысячелетиями, оглядываясь на мелькающие за иллюминатором звезды. Нужен стул и микроскоп. Всего-навсего.

Сколько веков люди охотились, ловили рыбу, собирали грибы и ягоды, вырубали леса — и не задумывались, какой вред они наносят природе.

И вот пример: в Африке почти перевелись львы. Теперь таких вот львят, рожденных в неволе парижского зоопарка, везут на родину их предков.

Хорошо, что хоть вовремя спохватились.

Посмотри на пылинку, пляшущую в солнечном луче. На маленькую, самую крохотную пылинку. Это целый мир, может быть, не менее огромный, чем Большой Мир.

Если положить эту пылинку под микроскоп, увеличивающий в миллионы раз, ты увидишь, какая бездна Пространства скрывается в этой ничтожной малости, пляшущей в солнечном луче.

Ты повернешь винт микроскопа, и пылинка станет величиной со сливу.

Повернешь еще — и она станет величиной с дыню. Ты, конечно, не увидишь, что с дыню, потому что дыню просто не поместить в твоё поле зрения — маленький кружок микроскопа.

Повернешь еще и еще — и, может быть, ты увидишь атомы. Ты погрузишься в Микромир, где твоя пылинка — это гора по сравнению с атомом-песчинкой.

И атом представится тебе необъятным, как Солнечная система, и расстояние между его частицами будет таким же большим, как дорога от Земли до Солнца. И то, что мы называем частицами, будет уже не частицами, а чем-то огромным.

Жизнь атома ты не увидишь в микроскоп, но есть другие способы, чтобы представить, как все это выглядит.

Ты увидишь, что этот фантастический Мир живет по своим законам. Но как и все Миры, он подчиняется Главным

Законам, и прежде всего Закону Движения.

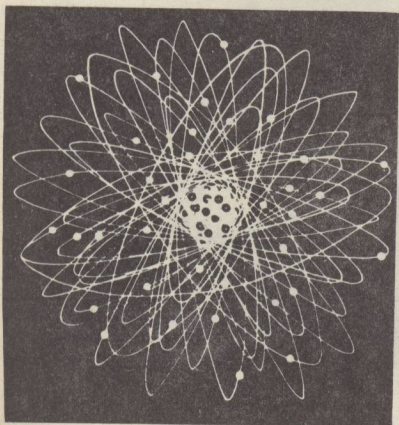
Торжественно и медлительно, как звезды, проплывают голубые электроны в черном мраке Пространства. В огромном ядре, удаленном на многие годы пути, хлопочут неведомые силы, и тысячи его частей превращаются одна в другую, вырываются из власти его притяжения и вновь падают в него, рождая что-то новое.

Мы живем в Среднем Мире, между Макромиром и Микромиром.

И тысячелетия, которые протекают там, в Малом Пространстве, — это меньше мига у нас, в нашем Мире.

И то, что мы считаем вечностью, — это миг по счету Большой Вселенной.

Продолжение следует

Сложны законы микромира. Даже на этой упрощенной схеме видно, как сложно устроен атом урана. А составляющие его частицы? Их природа не менее сложна.

Может быть, высказывают ученые догадку, существуют и такие частицы, их называли фридмонами, внутри которых заключена целая вселенная со своими галактиками и звездами!

Фридмоны еще не обнаружены. И высказанное предположение — пока только гипотеза.

Меня зовут Таня, учусь в 7-ом классе. У меня есть подруга, её зовут Наташа. Она ведёт дневник. Однажды я взяла её дневник в руки и раскрыла. Я проглядела всего несколько слов, быстро закрыла дневник и положила на место. А эта строка касалась меня и одного мальчишки. А для того вообще-то ведут дневники? Того туда пишут? И для чего, а?

Таня Ф.

Дорогая Таня!

Насколько я понял, тебя интересуют два вопроса. Во-первых, для чего ведут дневник и нужно ли это делать? И во-вторых, можно ли в чужой дневник без разрешения, без спросу, подглядывать?

Наверное, ты читала о путешествии Магеллана? Это было первое в истории человечества кругосветное плавание. Но мы, быть может, никогда бы не узнали об этом путешествии со всеми интереснейшими подробностями, если бы некий человек по имени Пигафетта, секретарь экспедиции, не вел все три года плавания ежедневного и полного дневника с описаниями всех невероятных приключений...

До сих пор, Таня, пушкиноведы разыскивают и не теряют надежды найти пропавшие дневники Александра Сергеевича Пушкина. И не только потому, что каждая строка Пушкина для нас бесценна. На страницах дневника (часть его уцелела) оживает эпоха, оживают люди, и все это видится нам так, как увидел однажды поэт. Увидел и сказал, доверив свои сокровенные мысли и суждения дневнику...

Известна ли тебе, Таня, книга чешского журналиста Юлиуса Фучика «Репортаж с петлей на шее»? А ведь это — дневник, дневник заключенного в фашистском застенке, дневник, написанный тайно и тайно переданный из тюрьмы на волю. Это один из самых трагических и самых героических дневников, которые мы знаем — свидетельство несгибаемости духа — человека и коммуниста.

Все это, как видишь, — дневники. Но дневники разные.

Бывают экспедиционные дневники, дневники научные. Автор или авторы, которые эти дневники ведут, знают, что страницы их будут опубликованы. Эти дневники не хранят личных секретов. Это — дневники-отчеты.

Бывают дневники литературные, публицистические. Они более личные, здесь уж автор решает — годятся ли они для публикации.

А бывают дневники, которые человек ведет сам для себя. В основе их — личные записи человека, его собственный взгляд на события, его отношение к происходящему. Можно вести обыкновенный дневник, поверяя его страницам записи событий обычной жизни, записи о людях, которых ты знаешь, которых ценишь и любишь или с которыми ссорился, или о книгах, или о кино... И это под силу любому человеку.

Дневник помогает оценивать свои поступки, помогает воспитывать волю, характер. Потому что, перечитывая свой дневник, ты можешь видеть, чего ты сумел добиться, стал ли ты умнее, выдержаннее. Дневник — это еще и контроль над своими делами и над своей совестью, если хочешь...

Стоит ли дальше говорить, для чего ведут дневник и нужно ли это делать? Да, вести дневник — дело важное. При условии, конечно, что есть что в дневник записать...

А теперь другой вопрос — можно ли без спросу в чужой личный дневник подглядывать?

Прежде всего, самое слово «подглядывать» — не очень-то хорошее слово. Человек, которому нечего бояться и стыдиться, — не подглядывает.

Есть, Таня, правила человеческой морали. Их люди вырабатывали веками. Среди них есть и такие: что нехорошо, дурно подслушивать, подглядывать, распечатывать чужие письма. И совать нос в чужие, личные дневники. Есть, понимаешь ли, что-то нечистоплотное в этом.

Те же самые страницы дневника Пушкина, о которых мы говорили, очень долго не могли увидеть свет, потому что сын поэта, Александр Александрович Пушкин, почти пятьдесят лет после смерти отца не давал согласия печатать его дневник. Почему? Потому что там были записи и суждения поэта о людях, которые еще были живы. И какими бы смешными и нехорошими они ни были в дневниках поэта, эти люди, сын Пушкина считал, что не порядочно печатать и отдавать на общий суд личные суждения его отца об этих людях.

А знаменитый американский писатель Марк Твен, замечательный своими ироническими суждениями о многих, кого он знал? В своем завещании Твен просил не печатать его дневники ранее, как по прошествии ста лет после его смерти...

Только воля автора решать: можно ли дать почитать личный дневник своему другу или обнародовать, напечатать его.

Как видишь, я не отвечаю тебе прямо. Я думаю, что из того, что я сказал, ты поймешь, что у людей тактичных отношение к чужому дневнику должно быть самое неприкосновенное и уважительное, каков бы ни был этот дневник и что бы там ни было написано даже о тебе самом. Хорошее или плохое...

О. Орлов

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Оформление
Р. Попова

Год издания 16-й

Герои острова Наргин

Саше Смирнову одиннадцать лет. Учится он в пятом классе ленинградской школы № 501. Саша — морской следопыт.

Однажды он принес в редакцию «Морской газеты» пакет. В пакете — дневники балтийского моряка Ивана Иосифовича Михалькова и несколько его фотографий.

Вот что рассказывает И. И. Михальков, в прошлом машинист эсминца «Спартак».

25 декабря 1918 года эсmineц получил приказ: идти в Ревель и поддержать огнем орудий восстание ревельских рабочих. Всю ночь шел «Спартак» полным ходом. Уже миновали остров Наргин, и до Ревеля было совсем недалеко. Наступило утро, и в тумане моряки увидели пять английских миноносцев и два крейсера. «Спартак» принял неравный бой.

В машинном отделении машинисты могли только слышать грохот залпов и разрывов. Потом раздался скрежет: «Спартак», потеряв управление, наскочил на камни...

Сражались моряки до последнего снаряда и до последнего патрона. В живых осталось немного. Их взяли с полузатонувшего, молчавшего эсминца в плен...

Пустынен низкий остров Наргин. Сосны шумят на нем, глубокий снег засыпает зимой кусты брусники и гранитные валуны.

Посреди острова, на вырубке, белогвардейцы сколотили дощатые бараки и обнесли их колючей проволокой. К проволоке не подойдешь — охрана стреляет без оклика.

И били здесь, и голодом морили. Белогвардейцы пытались узнать, есть ли

Иван Михальков с группой бежавших из плена с острова Наргин.

Михальков — в нижнем ряду крайний слева

среди пленных коммунисты. Но коммунистов никто не выдал.

В январе — морозы тогда стояли сильные — охрана стала выгонять пленных из бараков. Построили в ряд. Вышел комендант лагеря Кох. Оглядел всех. Скомандовал: «Коммунисты! Два шага вперед! Если коммунисты не выйдут — расстреляем всех подряд!»

Минута настала страшная. Моряки — полураздетые, окровавленные, но не сломленные — молчали.

И тогда шагнул вперед комиссар Павлов. Шаг и другой... И шагнули вместе с ним еще тридцать шесть коммунистов. Охрана окружила их и повела в барак смертников.

Коммунисты написали перед смертью: «Товарищи! Братья! Скоро мы станем перед палачами. Но мы умрем как большевики-ленинцы за Советскую власть! Нас много. Победа за нами... Прощайте навеки».

...Расстреляли их третьего февраля 1919 года.

Ивану Михалькову позднее удалось бежать из плена, и он снова служил в Советском флоте.

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Почистим ваши бока!..

Сходит судно со стапелей—чистое, блестит краской.

Поплавало месяц-другой, — нарастают на днище водоросли, налипают ши бока!

мелкие животные. Прямо своя флора и фауна...

А если обросло судно,—ход у него не тот. Делало пятнадцать узлов, теперь и четырнадцать не выжать... В док судно заводить — дорого и долго. Придумали щетку. Щетка длинная, из нейлона, похожая на ершик, каким хозяйки моют посуду. Только длиной в семь метров. Укреплена она на моторном боте.

Быстро крутится щетка, летит пена, грязь, зелень. Прошлась вдоль борта — снова краска заблестела.

Подходите, корабли, почистим вас!

НОВОЕ В КУНСТКАМЕРЕ

Робинзон получил от Толи Кочерыгина из поселка Прибрежное посылку. В ней — старинные часы. Пришло и письмо:

«Уважаемый Хранитель Кунсткамеры Робинзон! Возвращаясь с рыбалки берегом Калининградского залива, я увидел в воде клубок тины. Я расчистил клубок и обнаружил часы с заржавленным механизмом. Я промыл часы в керосине и посылаю их вам. Их, наверное, потерял моряк со старинного корабля.

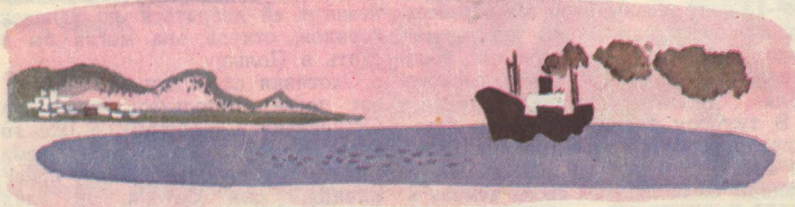
Толя Кочерыгин

Толя.»

Ответ Робинзона: «Уважаемый Толя!

Редкую вещь ты мне прислал — морской хронометр прошлого века...

Посылаю тебе компас, он пригодится в походах. И книгу — „Человек и подводный мир“».

В СОВЕТСКОЙ ГАВАНИ

Пароход пыхтит довольно,
Натянулись крепко тросы
И бредут вразвалку волны,
Как бывалые матросы.

Люди добрые, ответьте,
Как добраться мне до почты?
Я пошлю домой в конверте
Снеговичок дальневосточный.

Я пошлю домой по почте
Разноцветную ранушку.
Пусть ее положит дочка,
Засыпая, под подушку.

И пускай ранушка нежно
Ей всю ночь поет о том,
Как вразвалочку, небрежно
Ходят волны под окном.

Л. Андреев, Благовещенск

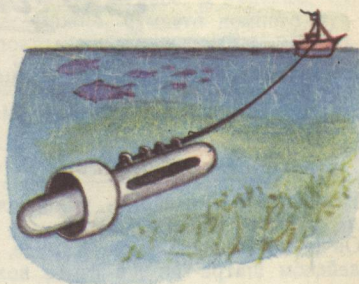
ПОДВОДНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Повесть в картинках и фотографиях о подлинных событиях и находках, а также об инструментах и приборах, которыми пользуются подводные археологи (См. «Костер» № 6, 1972 г.)

4. Идет по волнам «Виразон», тянет на буксире сонар — прибор, который посылает вниз, в толщу вод, направ-

ленные радиосигналы. Эхо сигналов отмечают самописцы. Так постепенно вычерчивается карта глубины района, который интересует археологов.

5. Стоп! Найден и затонувший старинный корабль. Теперь очередь подводного телевизора. «Виразон» описывает круги малого радиуса, а телевизионная камера передает то, что видит.

6. А видит она под водой обломки корабля, старинные амфоры и предметы неопределенных очертаний.

Продолжение следует

А.Б. МЛР) ВТАР ЧРР ОУ, Р ТР. Д
УВВ ДЛЛ, АД ДА-Б В СЧ-АТЛ ВБ РС
СЧ-ЛНР, ЛБ РС ДБ. ИМ АЛНД.

Sat-Ok

Написано автором на языке индейцев-шеванезов.

«Я очень люблю книги и рассказы про индейцев, — написала в редакцию «Костра» Яника Антониевич из Краснодара. — Дорогой Костя Теркин! Я очень прошу тебя, напечатай в своем журнале какой-нибудь рассказ или повесть об этих смелых и гордых людях».

Рассказать о жизни индейцев просили нас также Саша Камкин из Алтайского края, Оксана Кулиш из Черновцов, Юра Павлюченко из Херсона и другие ребята.

Сат-Ок

Рисунки К. Овчинникова

ТАЙНСТВЕННЫЕ СЛЕДЫ

Сердечно приветствую читателей журнала „Костер“ и желаю больших успехов в учебе и пионерской работе.

Сат-Ок

У писателя Сат-Ока — удивительная, необычайная судьба!

Он родился в далекой Канаде, в индейском шатре-типи, в семье вождя свободного племени шеванезов.

Мать его была полькой, ее звали Станиславой Суплатович. За участие в революционной борьбе в 1905 году она была приговорена царским судом к многолетней ссылке в самом отдаленном уголке Российской империи — на Чукотке. Отважная молодая женщина не пала духом. Она бежала из ссылки, бежала с помощью местных жителей — чукчей, переехала через Берингов пролив на Аляску, а оттуда в Канаду.

Обессиленная, почти умирающая, она встретила в канадских лесах индейцев-шеванезов, они приютили ее, выходили, поставили на ноги. И она осталась у своих новых друзей.

За светлую кожу и золотые волосы ей дали здесь ласковое имя — Белая Тучка. Через три года она стала женой главного вождя племени Леоорко-оно-ма — Высокого Орла.

В 1920 году на берегу реки Макензи, в шатре, окруженном дремучей чащей, родился в семье Высокого Орла и Белой Тучки сын, которого

потом назвали Сат-Ок, что означает Длинное Перо. Я не оговорился, сказав: потом назвали. Дело в том, что у шеванезов только девочки получают имена при рождении, а мальчики должны сами завоевать себе имя каким-либо храбрым поступком или подвигом. Это случается обычно на 12—13 году жизни, а до тех пор всех их называют одинаково: ути — малыш. Сат-Ок завоевал себе имя, убив стрелой из лука огромного горного орла.

В ту пору племя шеванезов переживало особенно тяжелые дни. Почти все индейские племена США и Канады были лишены своих земель и загнаны в резервации, где и поныне влачат жалкое полуголодное существование. Шеванезы — последнее свободное племя — продолжали жить суровой, но свободной жизнью своих отцов.

Сат-Ок провел в родном племени около шестнадцати лет, деля все его радости и невзгоды, воспитываясь, как все его ровесники-индейцы.

Но вот в 1936 году Сат-Ок, его брат Танта и его друг Неистовая Рысь спасли в лесу от разъяренного медведя двух белых охотников. Один

из охотников оказался сыном поляка, эмигрировавшего в Канаду. Трудно описать волнение Станиславы Суплатович, впервые за много лет услышавшей звуки родной речи. Станиславу охватила неодолимая тоска по родине. Она договорилась с охотниками, что те возвратятся через год и помогут ей добраться до канадских городов, откуда она могла бы выехать в Польшу.

Охотники сдержали свое слово. И вот после длительного путешествия Станислава Суплатович в 1938 году вновь ступила на родную землю. Вместе с матерью в Польшу приехал младший сын Сат-Ок, он владел двумя-тремя индейскими диалектами, но не знал ни польского, ни какого-либо другого европейского языка.

Через год они должны были возвратиться к родному племени шеванезов, но 1 сентября 1939 года на Польшу напала гитлеровская Германия. Началась вторая мировая война. Наступили черные дни фашистской оккупации.

В 1940 году юного Сат-Ока, как человека «нечистой расы», арестовывает и бросает в свои застенки гитлеровское гестапо. Об этих днях Сат-

Ок писал мне: «Я прошел сквозь ад. Следы побоев в гестапо я до сих пор ношу на своем теле».

Гестаповцы отправили Сат-Ока в лагерь смерти Освенцим, но юноше удается в пути бежать. Он скрывается в Борковицких лесах, где встречается польских партизан.

Вместе с партизанами он сражается против фашистов. Когда в Польшу пришла победоносная Советская Армия, Сат-Ок добровольно вступает в Войско Польское. Его направляют в военно-морской флот.

В 1950 году, после демобилизации, Сат-Ок переходит в торговый флот и поселяется в портовом городе Гданьске. Вместе с польским гражданством он принимает имя и фамилию своей матери — Станислав Суплатович.

Он и сейчас служит механиком на судах торгового флота, совершает дальние рейсы.

Осенью 1965 года польский трансатлантический лайнер «Баторий», на котором плавал Сат-Ок, прибыл в канадский порт Монреаль. Сат-Ок рассказывал мне об этом в письме:

«...После многих лет разлуки я встретился с моими земляками из Канады. Это индейцы ирокезы, а точнее, могавки, живущие вблизи Монреалья, в резервации Ка-На-Ва-Ке — одной из самых старых и в то же время самых маленьких резерваций в Канаде...

К белым они относятся довольно холодно и сдержанно. Хотя индейцы этой резервации пользуются некоторыми льготами и даже материальной помощью со стороны правительства,

они своей нынешней жизнью недовольны.

Могавки славятся тем, что не ощущают страха перед высотой и не знают головокружения. Они — лучшие специалисты-верхолазы. Хорошо зарабатывают на высотном строительстве в Канаде и США, но деньгами не дорожат и, истратившись, голодают зимой.

Меня приняли в резервацию с величайшим гостеприимством. Узнав из радио и телепередач, из прессы, что я — потомок Текумсе, который когда-то во главе шауни и ирокезов боролся против белых, они просто «похитили» меня с корабля. Я заключил братство крови с вождом Даном Иглом. Он отвез меня к старейшинам племени, принявшим меня очень гостеприимно. Во время первой стоянки корабля в Монреале я несколько дней гостил у моих друзей».

Выступая по монреальскому телевидению, Сат-Ок говорил на языке индейцев-могавков и призывал их бороться за свои права, не поддаваться разочарованию и отчаянию.

От земляков Сат-Ок узнал, что его отец, старый вождь шауни-шеванезов Высокий Орел, по-прежнему ведет родное племя сквозь чащи и прерии.

Из резервации племени гурунов он получил грустное известие, что в 1947 году, во время одной вооруженной стычки, погиб от рук канадских колонизаторов его брат Танто...

В одном из писем он писал:

«...Я получил из Канады книгу о фольклоре и национальном прикладном искусстве индейцев. Ее прислали

мне мальчишки из племени кри. На первой странице они вклеили свои фотокарточки и расписались, а перед этим сделали дарственную надпись: «Сат-Оку, сыну великого вождя племени шеванезов, дарят эту книгу со словами глубокой дружбы и расположения его младшие братья-ути из племени кри с берегов Гудзонова залива». Я получил письмо также от их вождя Безумного Мустанга. Он пишет, что индейцы ненавидят «благородных» захватчиков. Недоверие к белой расе — неотъемлемая черта их характера. Громкие и неискренние слова белых не имеют для них никакого значения. Четыреста лет лжи, обмана и предательства со стороны белых сделали свое дело... Индейцы занимаются изготовлением красивых вещей из березовой коры и лосиной кожи. Детей носят за спиной, на доске, ибо это наиболее практично во время зимней охоты. Охотятся на лосей и бобров, но денег никогда не имеют, потому что в магазинах компании Гудзонова залива их обманывают и обирают».

В обращении к молодым читателям его книги «Земля Соленых Скал» Сат-Ок написал так: «Мне хочется вспомнить добрым словом свою первую родину. Поэтому, друзья, я решил рассказать о ней, рассказать о жизни индейцев, об их тяжелой и суровой судьбе. Я надеюсь, что вы, возможно, сумеете немного лучше понять их жизнь, мечты, их любовь к природе, поймете их борьбу за свободу — свободу, которой у них так мало и которая им так нужна».

Юрий Стадниченко

**О великий суровый Кабиннока,
Властелин северного ветра!
Вымети опавшие листья,
Покажи нам звериные тропы.
Духи лесов, покажите нам,
Где цель отыщут стрелы
Из луков наших.**

Над раскаленными серыми скалами волновался разогретый воздух, поднимаясь вверх хорошо видимой и почти осязаемой мглой, в которой скрывались окружающие вершины гор. Даже слабый ветерок не шевелил высохшими листьями и пожелтевшей травой. Деревья, прошлым летом покрывавшие взгорья пышной зеленью, теперь выглядели как умирающие живые существа. Высохшие, со скрутившейся листвой, они протягивали ветви к безоблачному небу и просили немного дождя, хоть каплю влаги, без которой нет жизни.

Ничто не нарушало этой ужасающей тишины. В чаще умолкло птичье пение. Не зашумит ни одно дерево, не зашуршит ни один листок под лапой бегущего зверя. Только иногда высоко-высоко на голубом фоне неба появляется коричневый стервятник и, сделав над чаще огромный круг, безнадежно возвращается голод-

ный в свои неприступные скалы. Высохшая и потрескавшаяся земля говорила о большом голоде, посетившем эту страну и прогнавшем всех птиц и животных из родных краев на земли, более богатые водой.

В индейском селении у подножья гор не видно было хлопотавших у костров женщин, не слышно было радостного щебета играющих детей. Некогда цветистые шатры, украшенные разноцветными рисунками, теперь, — как и все вокруг, — были покрыты серой пылью, она при малейшем прикосновении поднималась в воздух мутным облаком.

Когда-то широкая река, огибающая селение, почти высохла. Только на дне по ее руслу струился ручеек — не шире ступни.

В тени шатров неподвижно лежали изможденные женщины. К ним прижимались маленькие дети. Лица

малышей стали похожи на старческие, глаза потухли.

В селении царил голод.

Напрасно лучшие воины прочесывали лес вдоль и поперек, напрасно рыскали по всем каньонам и черным перевалам. Животных нигде не было.

С каждым днем все меньше оставалось надежды на добычу и все более росло безразличие ко всему вокруг.

На юге горел лес. Большие клубы дыма закрывали небо, а ночью в той стороне восходила огромная кровавая луна.

Воины посматривали на юг и шептались друг другу:

— Добрые духи борются против злых, и поэтому они забыли о нас, а их огненные стрелы летят на высохший лес и сжигают его.

Однако страха люди не чувствовали, хорошо зная, что им скорее суждено умереть от голода, чем от пламени. Подгоняемое ветром, оно медленно приближалось к селению.

Мы тоже лежали неподвижно в своем шатре. Отец запретил нам двигаться, чтобы напрасно не тратить сил, которые могут нам понадобиться в решающий момент. Сам он попеременно с братом Танта приносил нам воду и по очереди поил мать, сестру и последним — меня. Принесенной мне водой я делился с собакой — я не хотел расстаться с ней в эти страшные дни.

Это время врезалось мне в память. Сначала я чувствовал сильную боль в желудке, потом появилось ощущение, будто что-то сосет внутри, а позже и это прошло: я стал безразличен ко всему, и меня охватила непреодолимая сонливость. Помню, как после трех дней отсутствия возвратился колдун Горькая Ягода и начал бить в бубен на площади перед шатрами, созывая на совет. Отец поднялся с медвежьей шкуры, на которой неподвижно сидел, и направился к выходу. Я наблюдал за ним из-под полузакрытых век. Он шел таким тяжелым шагом, словно у него были прострелены обе ноги, а у самого входа пошатнулся так сильно, что, наверное, упал бы, если бы не схватился за висевшие шкуры. Я подумал: «Почему я еще не взрослый? Может быть, я сумел бы как-то спасти племя от голодной смерти».

Слезы подступали к моим глазам, когда я смотрел на исхудавшую мать. Она лежала рядом с сестрой и тяжело дышала.

Я приподнялся на своей постели и заглянул ей в глаза. У нее был невидящий взгляд, и я понял, что Кен-Маниту, Дух Смерти, уже стоит перед нашим шатром и лишь выжидает подходящее мгновение, чтобы войти и как первую жертву в нашем селении забрать мою мать — самую слабую женщину племени.

Я переглянулся с братом, и мы без слов поняли друг друга: сейчас только от нас зависело, будет ли жить наша мать и много других матерей и детей.

Я потянулся рукой к ножнам — проверить, при мне ли мой нож. Он был у пояса, как всегда.

— Идем, — промолвил он и поднялся первый.

Я тоже с трудом встал, и в глазах моих потемнело, голова закружилась... «Падаю», — подумал я и вынужден был схватиться за центральный шест шатра. Но вскоре головокружение прошло. Я вышел из шатра, к моему брату, он ждал меня.

Мы направились в сторону леса, где в тени, на остатках высохшей травы паслись наши кони. Они стояли с опущенными головами, так же страдая от голода, как и

мы. Худые, с запавшими животами, они мало чем напоминали прежних полудиких мустангов. Мы старались сохранить их любой ценой, так как без коней наше преследуемое племя было почти беспомощным. И не только поэтому. Для моих соплеменников, шеванезов, мустанг — не просто конь. Это прежде всего друг и брат, с которым делишь тяготы дальних дорог в холод и зной, в дождь и снег. Поэтому, даже умирая голодной смертью, воин не тронет мустанга. Разве можно спасти свою жизнь ценой жизни друга? Нет, никто из красных воинов не способен на такой бесчестный поступок. Но мы с Танта... мы наполовину белые. И наша мать была белой. И все беды, все несчастья нашего племени — от белых. Так пусть же гнев Гичи-Маниту, Великого Духа, падет на нас, но иначе поступить мы не можем. Искушая часть вины белых перед шеванезами, мы принимаем его гнев на себя...

Я издали узнал своего коня. Мне подарил его отец, когда я еще был в лагере Молодых Волков. Конь узнал меня, тяжело поднял голову и медленно двинулся навстречу. Из-за слез, застилавших мне глаза, я плохо видел своего любимца. Я остановился, я просто не мог дальше идти. Наконец, я почувствовал на лице теплое дыхание коня, а затем бархатное прикосновение его ноздрей. Мой сердечный друг приветствовал меня. Я обнял коня за шею и прижался лицом к его храпу. Слезы текли у меня по щекам, и, чтобы скрыть их от глаз брата, я еще крепче прижался к коню. Я старался растянуть последние минуты, зная, что оторвусь от шеи коня — и больше никогда не услышу, как бьется кровь под его шкурой, не почувствую его теплого дыхания, ведь опять придется к нему — уже не смогу.

Я понимал: миг разлуки неизбежно приближается, и, когда он придет, сердце мое должно превратиться в обломок гранита. Хватит ли мне сил, чтобы совершить это?

Перед глазами у меня возникло наше селение, неподвижно лежащие женщины, истощенные дети, умирающие старики. Я оторвался от шеи коня, подошел к нему слева. Когда я вынимал из-за пояса нож, рука моя дрожала, а нож жег мне ладонь.

— Прости, друг, — шептали мои губы. — Пусть твоя душа не имеет на меня обиды. Мы встретимся на другой стороне Северного неба, и ты снова будешь мне верным другом, и вместе будем на заоблачных путях, как и при жизни на земле. Прости мне поступок, который я должен совершить.

И вслед затем я одним ударом вонзил свой нож в сердце верного коня. По телу его прошла дрожь, он еще мгновение стоял, как бы удивляясь, что с ним могло подобное случиться, тем более от моей руки. Потом ноги его подломились и он тяжело упал на землю.

Брат одним прыжком бросился к нему и ударом ножа перерезал ему горло. Кровь брызнула мне на мокасину. К горлу у меня подкатился твердый комок, в голове стало пусто, и какая-то сила начала толкать ме-

ня в сторону леса, к скалам — только бы подальше от этого места.

— Прости, — шептал я или что-то шептало во мне, и, шатаясь, я удалялся в сторону чащи.

Как долго блуждал я среди сухого кустарника, не помню. Знаю только, что в конце концов я свалился между какими-то стеблями и тьма окутала мне голову.

Очнувшись я уже в отцовском шатре, на мягких шкурах карибу, а надо мной склонилась мать. Она увидела, что я открыл глаза, и ее изможденное лицо осветилось улыбкой. Мать отбросила мне волосы со лба, потом подала мне миску с мясным отваром. По всему шатру распространился вкусный запах, и я почувствовал страшный голод.

Я жадно припал губами к глиняной посудине и пил, ощущая, как тепло разливается по моему телу, и оторвался только тогда, когда на дне миски уже ничего не осталось. Веки мои отяжелели, словно все наши горы навалились на них, и я погрузился в сон.

Меня разбудил странный шум в селении. Я приподнялся на постели и попытался что-нибудь разглядеть в щели шатра, но как я ни напрягал зрение, ничего не удалось разобрать. Внезапно поднялась шкура у входа, и в шатер вошел мой друг Прыгающая Сова. Он был также истощен, как и все жители нашего селения. Его длинные ноги исхудали и сделались еще длиннее, а мускулы стали почти незаметными. Но когда он увидел меня сидящим на постели, в его глазах замелькали веселые искорки, и он резким движением головы отбросил назад прядь волос, свисавшую до бровей. Это был его характерный жест, это значило, что Сова доволен.

Он подошел к моей постели и присел рядом на корточки. Взял мою голову в ладони и прижал к своей груди. Я чувствовал щекой его выступающие ребра, покрытые одной кожей. Минуту мы молчали, обнявшись. Наконец Прыгающая Сова разнял руки и заглянул мне в глаза. Наши взгляды встретились, и радость прорвалась улыбками. Я был счастлив.

Не ожидая моих вопросов, Сова начал рассказывать о последних событиях в селении.

— Когда колдун вернулся с гор, где он был три дня и три ночи — один на один с духами, которых вопрошал о том, как спасти наше племя от голода, — в этот же день ты снабдил мясом самых слабых, спас детей матерей, матерям — детей, а сам исчез. Воины искали тебя в большом лесу и только через два дня нашли лежащим без сознания в какой-то ложбине.

Сова немного помолчал, как будто еще раз переживал это событие, затем заговорил снова.

— Тебе повезло, что там не было гремучих змей, иначе наши глаза уже не увидели бы тебя. Еще три дня твой разум находился в Стране Тьмы, и только вчера ты пришел в себя. Теперь ты будешь здоров, Сат... Пока ты лежал без сознания, колдун рассказал нашим людям, какие два совета дали ему духи в горах. Во-первых, надо протанцевать Танец Солнца, во-вторых, уходить

на восток, к озерам и рекам — туда, куда переселились животные из этих мест. Вожди решили следовать второму совету. На Танец Солнца не хватило бы времени, люди наши слишком ослабели и, кроме всего, если бы Великий Дух, выслушав нашу просьбу, послал нам дождь, звери все равно так быстро не вернулись бы на старые места... Ты слышишь голоса в селении?

Я кивнул.

— Сейчас женщины сворачивают шатры и навьючивают лошадей. Уже сегодня ночью мы уходим на восток... Отец и колдун гордятся тобой. Горькая Ягода спел в твою честь песню — она останется в памяти нашего племени.

Я слушал Сову, разинув рот. Рассказ его звучал для меня, как шум водопада, переплетающийся с шумом прибрежных деревьев, в листве которых разговаривают духи.

«Значит, — думал я, — священная жертва, принесенная мной, была не напрасной. Мясо коня смогло подкрепить силы женщин и детей. Я сумел превозмочь боль моего сердца и этим поступком потушил пожар голода».

Сова, казалось, угадал мои мысли и не нарушил моей задумчивости ни одним словом.

Мои дальнейшие размышления прервал приход матери. Она села рядом и долго смотрела мне в лицо. Слезы медленно стекали по ее светлым щекам, точно капельки росы по лепестку цветка.

Я протянул ладонь и пальцами провел по лицу матери, и моя рука увлажнилась ее горячими слезами.

Я прижал ее ладонь к своим губам и почувствовал соленый вкус, но для меня это были самые сладкие и дорогие материнские слезы.

— Радость и гордость за тебя наполняют мое сердце, как осенние воды — высохшее русло реки. Пусть счастье сопутствует тебе на тропе твоей жизни, а Великий Дух пусть охраняет тебя своим щитом, сын мой, — шептала мать, плача.

Слова матери были для меня высочайшей наградой. По сравнению с ними песня колдуна в мою честь казалась ничем.

С помощью Совы я поднялся и вышел из шатра, а мать и сестра тем временем сворачивали меха, скатывали в трубку шкуры шатра. Вокруг еще стояли голые шесты, на них раньше повисали расцвеченные шкуры.

Шесты мы тоже забирали с собой, их верхние концы связывали крест-накрест над гривами коней. На нижних концах, упавшихся в землю, укрепляли тюки, березовые каноз — получались волокуши.

Самых слабых женщин посадили на лошадей, а детей положили на шкуры, укрепленные на шестах.

Меня также поместили на свернутом шатре, и, когда солнце зашло, племя двинулось на восток.

Мы избрали для передвижения ночь, чтобы избежать немилосердных лучей солнца, разящих, как вражеские стрелы.

Шли всю ночь и утро, пока солнечный диск не поднялся над вершушками самых высоких деревьев. Наконец мы задержались возле берега большого озера. Утомленные лошади тяжело повесили головы, и никакая сила не вынудила бы их идти дальше. Их не радовала даже голубая поверхность воды. Наши силы тоже были на исходе.

В душе я удивлялся моему отцу и другим старым воинам, которые после ночного марша еще довольно бодро, без признаков усталости хлопотали о лагере, определяли места для шатров. Сняли с волокуш пару каноэ и понесли их на берег озера.

Во время последней засухи вода отступала, словно убегая в ужасе от раскаленной земли и тем самым открывая для лошадей еще зеленую прибрежную растительность.

Женщины начали устанавливать шатры, а несколько воинов, в том числе и мой брат, поплыли на середину озера ловить рыбу.

Все так надеялись, что им посчастливится и мы еще сегодня утолим голод, валяющий с ног самых сильных мужчин.

Нам, подросткам, было приказано напоить и почистить лошадей. Даже самым слабым досталась работа — они развязывали тюки.

Мы собрали лошадей и погнали их к озеру. Как они хотели пить! Они пили воду огромными глотками, а потом с наслаждением повалились на берегу.

По примеру мустангов мы сперва утолили жажду. Затем стали нырять и плескаться в озере. Не помню, чтобы когда-нибудь раньше или позже я получал такое наслаждение от купанья.

Вода, казалось, возвращала силу нашим иссохшим мышцам. И мы уже с большей охотой стали чистить ло-

шадей пучками камыша. Прыгающая Сова вместе со мною натирал черного мустанга моего отца. Массируя бок коня, я подумал о своем мустанге, на которого я уже никогда не сяду верхом. Сколько радости доставлял он мне в лагере Молодых Волков... Покрытые горькой пылью, опаленные безжалостным солнцем, эти воспоминания жгли меня. Когда мы снова возвратимся в наши горы, я встречу где-нибудь повешенный на сосне, выбеленный солнечными лучами череп моего друга, украшенный бусами, иглами дикобраза и птичьими перьями. И столько лет, сколько будут жить в моей памяти воспоминания о моем первом мустанге, я буду приходить к его останкам, сыпать табак внутрь черепа и молить его духа, чтобы он простил мне мое преступление, и в то же время благодарить его за то, что он позволил накормить своим мясом ослабевшие от голода человеческие существа. И уже никакой конь не заменит

его мне. Первая любовь к первому коню осталась глубоко в сердце.

Мои размышления нарушил Сова, хлопнув меня по плечу.

— Почему мысли моего брата кружат среди темных туч, как испуганные лебеди? Пусть твоя душа откроется передо мной, Сат-Ок, а слова пусть потекут, как весенняя вода с горных перевалов. Я открою уши для твоих слов и твоей боли и разделю с тобой твою грусть, как разделяли мы зимой одну волчью шкуру, когда, заблудившись, ночевали в чаще.

— Твои слова для меня подобны холодной воде для натруженных ног. Знаю: твое сердце бьется рядом с моим. Но своей болью не хочу я делиться ни с кем. Она приносит воспоминания прошедших дней и закаляет мою душу, — ответил я Сове.

Пока мы разговаривали, кони отошли в заросли камыша и стали жевать сочную зелень.

Мы пошли за ними в поисках аира. Сладкие корни этого растения утоляли голод, сжимавший наши желудки, как медвежьи лапы сжимают медовые соты.

Перед заходом солнца возвратились воины с озера. На дне каждого каноэ серебрилась рыба. Всех охватила радость. Значит, мы правильно выбрали дорогу и на ней оставили голод, который шел за нами по пятам от самых гор до этого первого озера на нашем пути.

Женщины занялись приготовлением ужина, и вскоре по всему лагерю распространился приятный запах копченой и жареной рыбы. Мы с Совой сидели на большой глыбе и издали наблюдали, как женщины разрезали на куски больших осетров и раскладывали их на раскаленных камнях. Вдруг среди кустов мелькнул серый мех, и, прежде чем я успел понять, что это может быть, к моим ногам прижался верный пес Тауга.

Последний раз я видел его в старом лагере, позже, гонимый голодом, а может, почуяв там свою гибель, он куда-то исчез вместе со всей собачьей сворой.

Однако верный друг вернулся и привел с собой остальных собак. Были они исхудавшие, со всклокоченной шерстью. Видно, им тоже не особенно везло. Верный Тауга лизал мне руки, радостно скулил и тыкался головой в мои колени. Я обнял его и покачивал, как мать ребенка.

— Ах ты мой дорогой друг, — расчувствовавшись, шептал я.

Пес, казалось, понимал мои слова, потому что все более бурно требовал ласки и в конце концов вырвался из моих рук и начал бешено кружиться вокруг, прыгнул с разбега на Сову, опрокинул его на спину, подскочил ко мне и широким языком провел по моему лицу. Потом скрылся между шатрами, чтобы через минуту появиться снова около матери, чистившей рыбу.

Я видел издали, что мать тоже обрадовалась возвращению Тауги и угостила его половиной огромного осетра. Взяв угощение, пес убежал в кусты.

Нынешний вечер был напоен счастьем и радостью. Мы победили голод — самого страшного врага кочевых племен!

Когда солнце опустилось за горы и по темному небу разбежались серебристые звезды, загремел бубен колдуна, к нему присоединились другие бубны, рожки из орлиных перьев, свирели из тростника и трещотки из панцирей черепах.

При свете костров и луны обнаженные до пояса воины своей пляской благодарили Духа Озера за щедрый улов. Танцы закончились только тогда, когда луна поднялась высоко в небе.

Так прошел первый радостный вечер — без голода. Что принесут нам последующие дни? Ведь мы все ближе подходим к Большому Медвежьему озеру и к реке Макензи, на берегах которой живут враждебные нам племена.

В нашей памяти еще были достаточно свежи воспоминания о белом сержанте Королевской Конной — Вап-нап-ао... Там над большим озером раскинулся город, а

в нем одном, говорят, белых людей больше, чем индейцев во всей стране Толанди.

Мысли о белых не давали мне заснуть.

Во сне мне мерещилось, что они приближаются ко мне огромными стаями, как лебеди на озере. Я видел и ощущал их толстые руки, сжимающие меня, их губы, шепчущие: «Ты наш, в тебе есть наша кровь. Идем с нами, ты наш!» Я чувствовал на своих руках прикосновения их пухлых пальцев, точно прикосновения гнилых грибов в лесу. Блеклые глаза белых всматривались в меня, их становилось все больше, больше.

Измученный ужасным сном, я проснулся. Кошмар рассеялся. Но я уже не пытался заснуть, помня о сневидениях, которые напоминали о том, что я принадлежу к белым. Поднялся с постели и потихоньку, стараясь не разбудить брата, вышел из шатра. Прячась за кустами, я подошел к шатру, где спал Прыгающая Сова, лег в тени шатра и, уткнувшись лицом в сухую траву, издал троекратный крик охотящейся совы. Земля и трава приглушили мой крик, так что если бы даже кто-нибудь стоял рядом со мной, он не понял бы, откуда доносится этот клич.

Я дважды повторил свой зов и хотел уже кричать в третий раз, когда из шатра выглянул Сова.

Я махнул ему рукой. Он заметил мой знак и подбежал ко мне. Не говоря ни слова, я встал и, пригибаясь, избегая освещенных луной мест, помчался в сторону озера. Сова бежал за мной. Я скорее чувствовал его присутствие, чем слышал. Он умел передвигаться бесшумно, хотя в темноте легко наступить на сухую ветку, и треск прозвучал бы, как выстрел из оружия белых. Наконец, никем не замеченные, мы добрались до озера. На берегу я сел на вырванное бурей дерево и только тогда обратился к Сове:

— Мой брат помнит, как в прошлые годы Сломанный Нож рассказывал нам, что в той стороне, куда мы ныне идем, находятся огромные селения бледнолицых?

— Угм, — подтвердил Сова.

— Помнит ли мой брат Сова, — продолжал я, — что в то время, когда на нас шел карательный отряд Вап-нап-ао, когда воины разрисовывали свои тела военными цветами, отец мой предостерегал против открытого боя с белыми. А колдун Горькая Ягода требовал боя, хотя белых было больше и их оружие было лучше нашего? Ты помнишь, как отец тогда разгневался на колдуна и гневался потом?

— Да, Горькая Ягода запомнил слова твоего отца, — протянул Сова.

— Сейчас снова Колдун ведет наше племя в ту сторону, где живут белые. Что думает об этом мой брат Сова?

Мой друг немного помолчал и, наконец, медленно, отчетливо выговаривая слова, произнес:

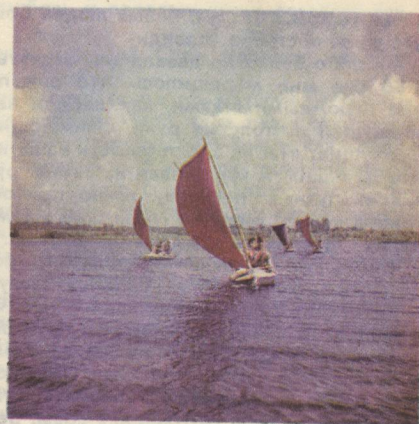
— Горькая Ягода от крови и кости — шеванез. И никогда не предаст шеванезов. Его сердце так же терзается болью за судьбу нашего племени, как твое и мое, как сердце твоего отца и брата. Нет, брат, он не стремится к войне, потому что понимает: в открытой борьбе мы никогда не победим белых. Он хотел бы обойтись без кровопролития. Ты досадуешь, что он ведет нас в сторону селений белых, но ведь об этом знают и твой отец и Совет Старших, а они мудрее нас. При малейшем подозрении в предательстве твой отец несомненно первый вонзил бы Горькой Ягоде нож в сердце... Напрасно беспокоишься, брат мой, — добавил он, помолчав, и положил мне руку на плечо.

— Ты прав, Сова, возможно, я и оскорбляю колдуна подозрениями, но я хочу, чтобы понял и меня: ведь во мне есть кровь белых, и я хотел бы смыть воспоминание о ней каким-нибудь подвигом, забыть об этой враждебной крови, бьющейся в моих жилах. Не знаю, брат, может, я говорю глупости, но я хорошо знаю: из-за этой крови я несчастен.

Сова сидел неподвижно и не прерывал моих речей, а когда слезы потекли у меня из глаз, он сделал вид, что не замечает их. Добрым и настоящим другом был он мне.

Мы еще некоторое время посидели молча на поваленном дереве, глядя, как мелкими искорками серебрятся волны озера в лунном свете. Луна опускалась все ниже, ниже, почти касаясь верхушек деревьев и разостлав на озере Дорогу Луны, по которой уходят на другую сторону Северного неба души умерших женщин, детей, птиц и цветов. Озеро спокойно слушало наши слова. Мы попрощались с ним и так же бесшумно возвратились в лагерь.

Продолжение следует

ДВОЕ В БАЙДАРКЕ И ДОЖДЬ

Т. Скобликова

На самом деле их было не двое, а четырнадцать. Они — это ребята из Василеостровского Дома пионеров. Дожливым днем пятого июля на семи байдарках вышли на реку Оять. Не просто на прогулку (иначе можно было дожидаться и солнца), а в научную экспедицию, цель которой исследовать систему озер в верховьях реки Оять и Курбы. Такое задание ребята получили от треста Севзап-рыбвод, с которым василеостровские пионеры сотрудничают уже двенадцать лет.

ПОТЕРЯЛИ ДОРОГУ

«Начался район наших работ. Но сколько ни пытались мы проследить свой путь по карте, из этого ничего не выходило. Откуда и как мы попали в деревню Ладва, для нас до сих пор остается загадкой».

(Из дневника)

Дождь лил и лил, а озеро все не появлялось. Вода в реке поднялась, поэтому пороги обходили довольно легко, хотя вымокли до нитки. Задание дня — найти Рог-озеро — не было выполнено, и командир похода

Коля Баринов приказал плыть дальше.

Сереежка, отнюдь не слабый мальчишка, уже выбивался из сил — и руки не слушаются, и в голове гудит. Он с завистью смотрел на своего напарника Сашу, тот не выпускал весла ни на секунду, греб и греб.

«Воли у тебя маловато», — говорили иногда Серееже учителя. Тогда он думал, что это из-за отметок...

— Саш, а Саш? — сделаем передых?

Сосед молчал. И Сергей понял — какой тут «передых»? Река течет, и по ней надо плыть...

Вскоре пришлось и пешком идти. Начались пороги. Хотя вода и высокая, а байдаркам не пройти. И вдруг крик Яши Малого: «Нашли!»

Казалось, в лесу кто-то забыл огромное зеркало. Дождь затих, и вода в озере стояла, не шелохнувшись. Деревья, отражаясь в воде, казались самыми настоящими великанами. У Сереежи даже дух захватило.

— Разбить лагерь! — раздался голос командира.

Все кинулись вытаскивать из байдарок научное снаряжение и палатки. Через час трещал костер и вкусно пахло дымом...

Фото Д. Игнатовича

ПЕРВЫЙ ПРОВОДНИК

«...Стоим на берегу в ожидании солнца. Оно необходимо, чтобы сделать промеры и определить чистоту воды. Группа ребят отправилась на разведку. А солнца все нет...»

(Из дневника)

Петух прокричал призывно.

— Ура! Деревня!

Юра Якунин радовался не зря. В задачу экспедиции входило не только исследование гидрохимических и ботанических условий озер. Следовало узнать, бывают ли заморы рыбы, какая новая рыба появилась и какая исчезла. Рассказать это могут только местные жители. А много ли людей живет в тайге? Места здесь глухие, труднопроходимые. Да и местные жители — вепсы — народ нерзговорчивый.

Но вот на проселочной дороге с удочками через плечо ребятам повстречался могучий старик с окладистой бородой. В ответ на приветствие он чуть-чуть наклонил голову и, не останавливаясь, пошел дальше.

— Этот все знает, — шепотом сказал Сереежа, — вон какой древний.

— Айда за ним! — скомандовал Юра.

— Куда путь держишь, дедушка? — Мальчишки окружили его со всех сторон.

— На рыбалку по утряночке, — ответил старик, явно не собираясь продолжать беседу. Но ребята не отступали.

— А мы вот озера тут у вас обследуем, — сказал Сережа.

— Что их обследовать-то? Кому они нужны?

— Всем, дед, — серьезно сказал Аркадий. — В Ленинграде из-за них, озер, целый международный конгресс собирался.

Старик недоверчиво посмотрел на мальчика.

— Правда, — подтвердили остальные, — ведь озера — это запасы пресной воды. А ее не хватает на земном шаре.

Дед словно подобрел. Видно, поверил, что имеет дело не с какими-нибудь там болтунами, а с серьезными людьми. И даже вызвался показать здешние озера и рассказать о них. Он повел ребят глухими тропами в глубь леса.

...Через час пришли на озеро, — мальчишки внимательно слушали рассказ старика. А потом записали в своих блокнотах: «Озеро дистрофное». Это значит, никакой ценности оно не представляет.

Расставались друзьями. Ребята были очень довольны этой встречей: они смогли внести поправки в карту местности.

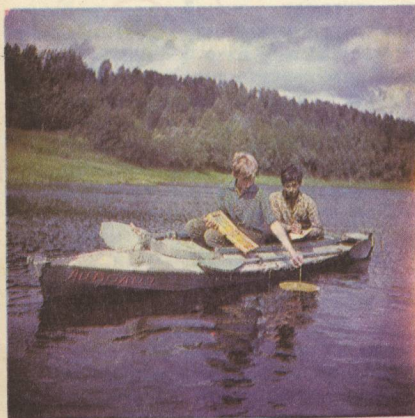
А ПАГАНЕЛЬ — СМЕЛЫЙ?

«Вот и Курба.

Ну и река! Она превзошла все ожидания. Вы увидели бурные потоки воды, струящиеся между камней. Протаскивать байдарки бесполезно. Половина группы пошла вперед — рыть фарватер...»

(Из дневника)

И опять дождь. «Кончится он когда-нибудь?» — со злостью думает

Сережа, хотя и понимает, что в этом путешествии дождь — их союзник. Не будь дождя — не поднялась бы вода в реке и продвижение было бы невозможно. Не будь дождя — и озера были бы мелководнее, их труднее было бы исследовать. Понимать-то он понимает, и все-таки...

— Готовь байдарку, — обратился к нему Саша, — выходим в озеро.

«Но ведь дождь», — хотел было возразить Сережа, но вспомнил — для определения видового состава растений дождь не помешает.

Каждая байдарка — это микролаборатория. Надо все проверить, ничего не забыть. Лот Воронцова, диск Секки, пробирки — все под рукой. Этими приборами определяют прозрачность воды, ее химический состав, цвет и запах ила, глубину озера. Сережа знает: если ил пахнет сероводородом, значит, недостает кислорода, а следовательно, рыба в таких озерах зимой гибнет. Хорошо все-таки, что пришел на занятия в Дом пионеров. Даже отметки по химии у него стали лучше. Все бы ничего. Но вот дождь.

— Готово, — крикнул он, — можно выходить!

Двое в байдарке — это маленький научный коллектив. Тут важно работать слаженно и дружно. Сережа старается успевать за Сашей. Тот гребет быстро, стремится пройти как можно больше. И Сережа то и дело склоняется над водой, достает то осок, то рдест, продолговатые плавающие листья, похожие на иву. Попадется незнакомое растение, приходится заглядывать в определитель, книгу с зарисовками видов растений. Потом глаз привыкает и можно обходиться без справочника. Жак Паганель, герой Жюль Верна, всегда казался Сереже немного смешным. Но сегодня невольно завидуешь его зоркости и наблюдательности и, само собой, его знаниям. Хочется дотянуться до каждой травинки, что попадаетсся на пути. Дождь все еще моросит, но настроение Сережи самое бодрое. Интересно, что бы сказал Паганель, если бы увидел их за работой?

Берег удаляется все дальше и дальше...

ОЗЕРА ПОЛУЧАЮТ ПАСПОРТА

«Река мешала. Байдарки рвали, но мы затыкали дыры и шли дальше. Целью этого дня было: достичь конечной точки нашего маршрута — Винницы».

(Из дневника)

Знаете, что такое второе дыхание? Оно не похоже на первое, когда ты еще полон сил. Второе приходит только к сильным.

Замолк весельчак Коля Баринов. Не острит и Аркаша Шуфрин. Дани-

ил Всеволодович Игнатович, единственный взрослый и руководитель экспедиции, с опаской поглядывал на своих питомцев. Неужели выдохлись?

Позади — пятьдесят обследованных озер. Впереди пороги, пороги, пороги... Да, он, педагог, научил ребят владеть байдаркой и, может быть, пробудил интерес к знаниям. Уже сейчас можно сказать, что среди ребят есть неплохие ботаники, гидрохимики, ботиметристы. Но как научить их мужеству? Впрочем, сегодняшнее испытание многое покажет.

Вот застряла «Черепаша». Коля Баринов остается на веслах, а Яша Малый помогает с берега. Тянет байдарку на бечеве. То же самое с «Лучом», с «Айболитом»...

Сосредоточенно работают ребята. Именно работают. Никто не хнычет... Нет, зря он опасался. Возмужали в походе мальчишки. Чувство собственной полезности не проходит даром!

Наконец, пришли в деревню Винница. Надо вытаскивать байдарки на берег, а они почти наполовину заполнены водой. Едва успели поставить палатки, как хлынул дождь. Но теперь на него никто не сердился. Собравшись во флагманской палатке обсудить итоги, решили, что и дождь им помог.

— Было бы сухо, всю дорогу на себе тащили бы байдарки, — сказал Сережа, — а так плыли, как в океане.

Все засмеялись. Это был смех людей, выполнивших свое дело.

— Итак, — Даниил Всеволодович оглядел ребят, — пятидесяти озерам мы выдаем паспорта. Наделяем их именем. Нам известна природа каждого, начиная от глубины и кончая растительным миром...

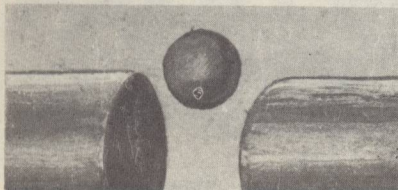
В эту ночь, несмотря на усталость, засыпали трудно. Каждый думал о своем товарище по байдарке. За срок два дня похода сроднились так, что даже не верилось: неужели придется расставаться?

Четырнадцать мальчишек с Васильевского, чувствуя себя настоящими исследователями, возвращались домой, в Ленинград.

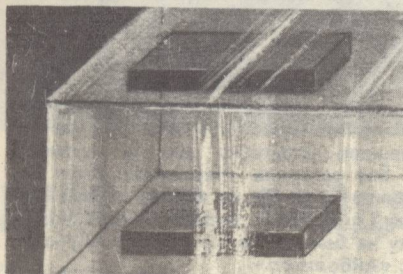

Костя Мёркин берет интервью,

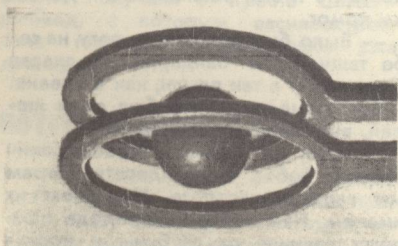
но сперва ему показывают три фокуса

В зазоре между полюсами постоянного магнита висит крупинка графита. Она мала, не больше спичечной головки. Висит и не падает.

Два магнитных брусочка в коробочке из плексигласа. Они расположены так, что их одноименные полюса находятся друг над другом. Значит, они должны отталкиваться — и отталкиваются. Верхний брусок висит над нижним: упасть ему не дают магнитные силы, взлететь — собственный вес, а уйти в сторону — стенки коробки.

Куб с медными кольцами на передней стенке. К кольцам подведен от высокочастотного генератора переменный электрический ток. Здесь же лежат тяжелые металлические шары. Возьмем один из них и попробуем просунуть через верхнее кольцо.

Не бойтесь, отпускайте, шар будет спокойно висеть между кольцами, будто бы в незримом гамаке.

ДЕЛО ПРОИСХОДИТ В ОДНОЙ ИЗ ЛАБОРАТОРИЙ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ А. Ф. ИОФФЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР.

Руководитель лаборатории кандидат физико-математических наук Александр Александрович Фогель рассказывает:

«Сейчас в науке и технике все большее применение находят редкие металлы: титан, тантал, цирконий и другие. Сплавы, созданные на их основе, очень нужны промышленности. Например, соединения титана можно использовать в ракетных двигателях, там, где бушуют высокие температуры. Но приготовить такие сплавы очень трудно.

Во-первых, редкие металлы весьма тугоплавки; но мало этого. Они обладают и еще одним неудобным свойством — чрезвычайной химической активностью. Если попробовать расплавить ниобий в обыкновенном тигле, то к концу плавки его там не останется, он соединится с материалом, из которого тигель сделан.

В другом случае, наоборот, частицы тигля со стенок попадают в расплав — и испортят его.

Чего только не пробовали ученые, какие только огнеупоры не использовали для изготовления тиглей!

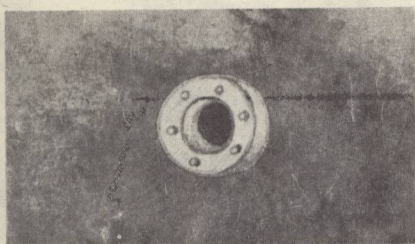
Правда, им все-таки удавалось получать нужные сплавы необходимой чистоты, но затраты на их производство были так велики, что даже мельчайшие их крупинки хранились в сейфах, как драгоценности.

Очевидно, следует проводить плавку так, чтобы металлы не соприкасались ни с чем, а следовательно, и не «пачкались» бы. Вот здесь и помогают установки, в которых металлы «висят» в переменном магнитном поле.

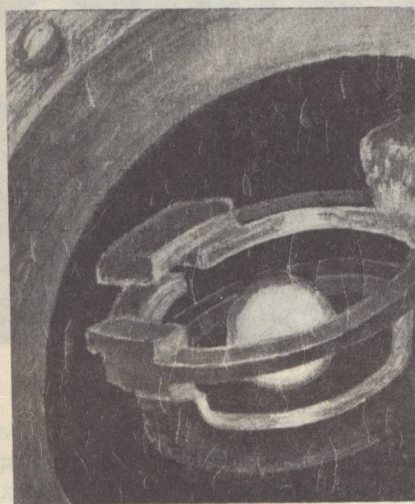
ВОКРУГ МАГНИТА

Древнеримский писатель Плиний, живший в первом столетии нашей эры, писал, что александрийский архитектор Хинократ задумал создать храм со сводами из магнитного камня. В этом храме железная фигура богини Арсиной, в честь которой и воздвигалось это сооружение, должна была парить в воздухе, удерживаемая силами магнитов. Замысел очень оригинален, но, к сожалению, не осуществился — помешала смерть Хинократа.

В черноте между магнитами-индукторами висит в магнитном поле кусочек металла. Но подвесить его — еще полдела. Его надо расплавить. Магнитное поле тоже с этим справится.

«Печка» включена. Раздается меняющееся по тону гудение, это оператор увеличивает частоту поля, и вот прямо на наших глазах шарик металла в камере начинает разгораться, краснеть, как уголек. Он становится ярче и ярче, прошло две-три минуты, и на него уже можно смотреть только через темное стекло, специально укрепленное на окошке, — так ослепительно сияет это маленькое солнце. От такого жара из металлической капли испаряются все примеси, капля становится чище. Кроме того, сам слиток получается более однородным, потому что электромагнитное поле не только плавит металл, но и перемешивает его.

Плавка окончена. Гудение генератора становится тише, капля постепенно бледнеет, твердеет. И вот уже оператор извлекает остывший шарик чистейшего металла из установки. Все кончено. Металл расплавился и затвердел, так ничего ни разу и не коснувшись.

При помощи подобных установок можно не только получать сверхчистые сплавы, но и изучать их свойства в жидком состоянии, а также их взаимодействие с различными газами.

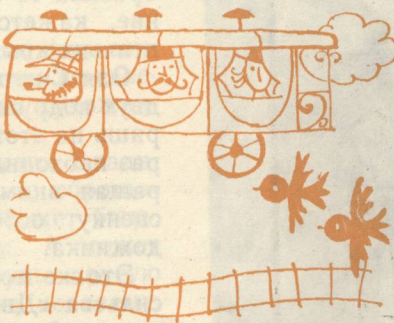
Скоро ни один исследователь новых материалов не сможет обойтись без установок для электромагнитной подвески и плавки.

В 1827 году в Петербурге на Невском проспекте открылся «Храм очарований, или механический, физический и оптический кабинет господина Гамулецкого де Колла». При входе в кабинет посетителей ожидал сюрприз: в воздухе над верхней площадкой лестницы парила золоченая фигура ангела в человеческий рост. Гамулецкий рассказывал, что над подготовкой этого фокуса, также основанного на магнетизме, он трудился десять лет.

Работая с трансформаторами, монтер-бельгиец Башле заметил, что алюминиевые предметы отталкиваются от них, и стал размышлять: к чему бы это явление применить. Вскоре он додумался до идеи особого вида транспорта — железной дороги без трения. Дорога должна была выглядеть так: ряд металлических колонн-сердечников с укрепленными на них катушками. Вагон — из алюминия. При выключенном токе он лежит на катушках, при включенном — повисает над ними. Теперь достаточно слегка толкнуть его, чтобы привести в движение.

В 1910 году модель дороги демонстрировалась в Лондоне. Ее называли «чудом XX века»: вагон весом в 50 килограммов развивал фантасти-

ческую по тем временам скорость — до 50 километров в час!

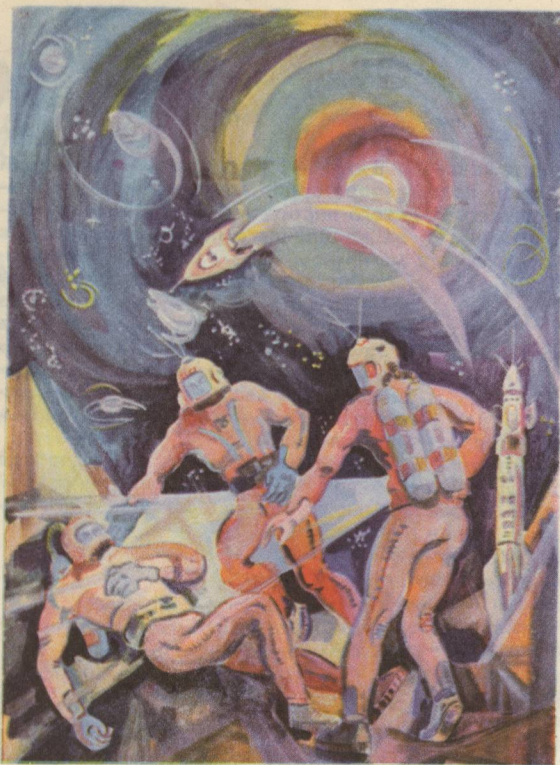
Начавшаяся первая мировая война помешала талантливому изобретателю продолжить работу.

Идея плавить металл, удерживаемый электромагнитным полем, была высказана в 1923 году в Германии. Однако изобретатель, хотя и получил патент на свое изобретение, расплавить ничего не смог, так как тогда еще не было высококачественных генераторов. Да этим методом никто и не интересовался, потому что в сверхчистых сплавах промышленность в те годы не нуждалась.

Оформление

А. Януса

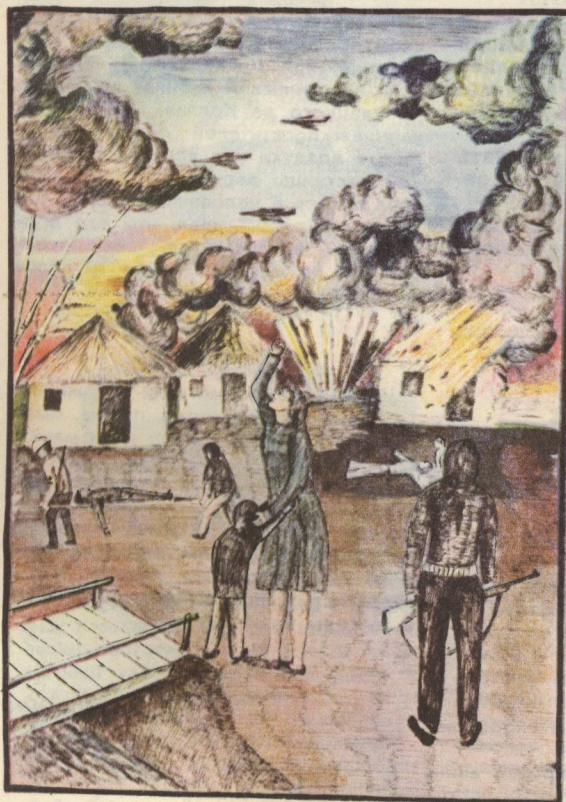
КОСМИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ

Фагим Урозаев

ГОЛУБИ У ВОДЫ

ПОГОВОРИМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

ВЬЕТНАМ

Коля Асламбеков

Во время юнкоровской смены в Артеке я встретил ребят, любящих рисовать, юных художников. И, конечно, они спрашивали, как лучше оформить стенную газету, какой рисунок сделать к стихам и как нарисовать море?

Но самым главным был вопрос, как стать настоящим художником.

Ребята привезли в Артек свои работы. Некоторые вы видите на этих страницах. Посмотрите внимательно, что и как на них нарисовано. **Оля Коротаева** („Голуби у воды“) изобразила сценку, которую нетрудно увидеть в любом дворе: к водопроводной колонке слетелись голуби, но, должно быть, дети испугнули их. Голуби разлетаются кто куда. Ничего особенного, обычная сценка. Но как поэтично изобразила ее Оля! Ей удалось передать движение, кажется, даже можно услышать шум птичьих крыльев, журчание воды...

Оля Снеговая („Испугались...“) нарисовала двух подружек, спрятавшихся от дождя. Смотришь на этот рисунок и думаешь: наверное, не раз проходил мимо такого киоска, даже не обращая внимания. А вот Оля увидела эту сценку особенно, по-своему, глазами художника.

Это же можно сказать и о рисунке **Юры Васильева** «Дворник с метлой». Увидеть в будничном поэзию и красоту — замечательное качество. Не менее замечательное, чем умение фантазировать. Когда человек фантазирует, он тоже видит мир глазами художника. Свой собственный мир. **Фагим Урозаев**, конечно, не бы-

Оля Коротаева

Юра Васильев

ДВОРНИК С МЕТЛОЙ

вал в космосе, но очень живо представил его себе („Космический полет“).

Яркие краски в одном случае, строгость перовой линии в другом помогают художнику осуществить свой замысел. Сказочный фантастический сюжет ты будешь рисовать гуашью, а для лирического пейзажа лучше взять прозрачную акварель... Для своего рисунка «Вьетнам» Коля Асламбеков удачно выбрал тушь и перо. Рисунок получился напряженным, взволнованным. Выразительно нарисованные фигуры подчеркивают суровость, трагичность события.

Рисуя с натуры или по памяти, старайтесь уловить самое характерное. Посмотрите на своих одноклассников: они все разные, даже одинаковую школьную форму каждый носит по-разному. Очень важно все это подметить и передать в рисунке.

Внимательно наблюдайте, смело фантазируйте и — самое главное — учитесь по-своему видеть все вокруг себя, глазами художника.

Замечательный советский художник Владимир Михайлович Конашевич писал, обращаясь к ребятам: «Ты вырастешь. Может быть, станешь настоящим художником. А может быть, выберешь себе какую-нибудь другую профессию. Но глубокое внимание ко всему, что видишь, умение сознательно наблюдать, приобретенные в детстве, станут твоей привычкой на всю жизнь».

М. Беломлинский

ИСПУГАЛИСЬ...

Оля Снеговая

СОВЕТ НА КРАЮ ПУСТЫНИ

Сельская школа на краю великой пустыни Кара-Кумы. Занятия только что закончились, и на площадку высыпала ватага ребят, пустырь преобразился в пестрый с затейливыми узорами туркменский ковер. Малыши гонялись наперегонки, играли в пятнашки, а те, кто постарше, захватили с собой мячи.

— Кто же тут из вас Майя Анадурдыева?

— У них заседание! Совет заседает! — загалдели малыши.

Заседание в такую жару! Я представил себе длинный-длинный стол, графин с водой и докладчика, бубнящего по бумажке.

— Вон, вон они!

Вот так заседание! Скорее, «застояние»! Девочки, став в кружок и обхватив друг друга за плечи, о чем-то горячо спорили.

— Знаешь, Майя, если и заканчивать праздник соревнованием, то пусть это будет кросс! Кто прибежит первым, тем и следует значки ГТО выдать.

Майя, стройная девочка с черными косичками, возразила:

— Нет, Огуннабат, старшие — кросс, а малышам дадим попрыгать в высоту — им это интересней! И значки октябрятам в первую очередь вручим — пусть радуются!

— Надо с ребятами договориться насчет судейства, пока

не уехали — заметила рассудительная Гюзель Касимова.

— Где же ваши ребята? — (это мое выступление на совете).

— Торопятся на тренировку в Ашхабад, вон у колхозной машины толпятся. Эй, Вели, расскажи про своих друзей! Вели Атаев — наша гордость, чемпион Туркмении по классической борьбе.

Вели, смущаясь, подошел к нам.

— Им, спринтерам, — кивок в сторону девочек, — хорошо: по дороге беги, по полю беги, а борцам нужен ковер. И тренер. Вот мы и едем в Ашхабад.

— Жарко приходится?

— В жаркие дни жарко. Но им, — оглядел обступивших нас карапузов, — будет полегче. Школу закончу, в армии отслужу и вернусь в Киши тренером. Зал оборудуем — сто человек придут заниматься!

— Так уж все к вам и пойдут! Колхоз нам обещал построить гимнастический зал, — возразила Огуннабат.

— Отставить спор, — сказала подошедшая тем временем директор школы Биби Нургельдиевна Муратова. — Сколько у нас учащихся?

— Пятьсот!

— Вот и хватит на все секции. Да в волейбольную я еще к вам сама запишусь.

— Биби Нургельдиевна нас играть научила, — пояснила Майя. — А раньше, когда ее

только назначили в нашу школу, девочки мяча боялись, так она в одиночку на площадку выходила.

— Да, сейчас все по-иному, — согласилась директор. — Подумайте, в совете физкультуры девочки верховодят! Ведь я помню еще времена, когда в Туркмении девочек и близко не подпускали к спортплощадке.

— Значит, роли распределяются так: мальчики занимаются борьбой, девочки — бегом?

— Что вы! — Гюзель решила, что я это всерьез. — Один Аннаберды Чопонов чего стоит! Настоящий Борзов! Тут друзья как-то стали над ним подшучивать: ноги есть — ума не надо. Так он рассердился — два турнира в школе подряд выиграл. Чемпион и по шахматам, и по шашкам!

В физкультурном кабинете школы я увидел целую грудку потертых, залатанных мячей. Футбольных, волейбольных, баскетбольных... Да, на славу пользовались ими ребята. А ведь в иной школе заглянешь в спортивную кладовую и грустно станет: лежат новенькие мячи, один к одному, а прикоснешься — выпачкаешься в пыли...

На всякий случай я спросил:

— Что, не балуют вас новым инвентарем?

— О, колхоз едва покупать успевает. Ведь мы сами зарабатывали — хлопок убирали. Хватает и на мячи, и на форму, и даже на новый школьный корпус.

Мы снова вышли на площадку. Вокруг было много бегающих, прыгающих, разминающихся.

— Спортивный час, — пояснила Майя. — Каждый день после уроков.

— При любой погоде? И под дождем?

— Хорошо бы под дождем! Последний раз он был у нас шесть месяцев назад...

Юрий Михайлов

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РЕКОРД

До Олимпийских игр 1964 г. все рекорды фиксировались ручными секундомерами. В Токио хронометраж был автоматизирован.

Стрелка автоматического хронометра начинает свой бег одновременно с выстрелом стартового пистолета. Ручной же секундомер включается не мгновенно, а с задержкой примерно в 0,15 секунды (это естественная реакция секундометриста на выстрел). Обычно с такой же задержкой принимают старт и бегуны. Значит, результаты спортсменов при автоматическом хронометраже должны быть хуже, чем при ручном, в среднем на 0,15 секунды. Однако по явно ошибочному решению судей «поправка» составляла лишь 0,05. Так результаты всех спринтеров «ухудшались» на 0,1 секунды.

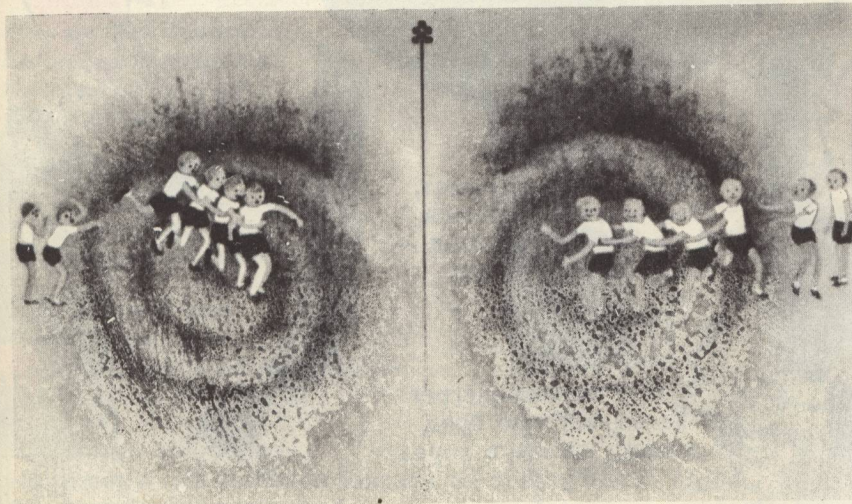
Вот что из этого вышло. В финале олимпийского забега на 100 м у победителя, Роберта Хейеса, с помощью автоматического секундомера был зафиксирован результат 10,0. Это повторение мирового рекорда. Но результат Хейеса фиксировали, кроме того, и три ручных секундомера. Один из них показал 9,8, а два — 9,9. Если бы «реле времени» было справедливым, мировой рекорд уже тогда равнялся бы 9,9 секунды!

«КАЖДОМУ ДВОРУ — НОВУЮ ИГРУ!»

„ВЬЮНЫ“

Наша любимая игра, конечно, «Вьюны». Да и не только наша. Загляните в любой двор — везде ребята играют. Мы узнали, что «Вьюны» — это очень старинная народная белорусская игра. Веселая игра, и правила очень простые. Играющие разделяются на две команды и выстраиваются друг за другом в затылок. Расстояние между командами метров пять-шесть. По сигналу первые из каждой команды поворачиваются на 360 градусов. И сразу стоящие за ними берут первых за пояс и поворачиваются теперь уже вдвоем. Потом за вторых цепляются третьи и все кружатся, потом четвертые, и так до тех пор, пока вся команда не повернется на 360 градусов. Выигрывает та команда, которая закончит повороты первой. Ну как, нравится? Только нужно очень крепко держаться друг за друга, чтобы не оторваться и не улететь.

Василек Каминский, г. Минск

К МАСТЕРУ — ЗА СОВЕТОМ

БЕЗ ПРОМАХА ПО ЦЕЛИ

Многие юные спринтеры любят играть в футбол. Что же, и юные футболисты тоже горазды бегать. Без скорости нападающий, например, не опасен: у тихохода без труда отберет мяч более проворный игрок. Я сам в молодости часто выступал на дорожке со спринтерами и мало кому уступал.

Меня часто спрашивают, как научиться забивать голы. Особых рецептов нет. Скажу только, что юных форвардов ожидают тяжелые тренировочные будни. Без настойчивости, упорства в тренировке нельзя стать хорошим нападающим.

Скажем, форварду нужны сильные мышцы ног. Тут уж только смекалка или прирожденные способности не помогут. Поднимание гантелей, приседание с грузом, да и мало ли упражнений можно порекомендовать молодым футболистам. Для неотразимого удара нужно выработать резкость, а это тоже достигается специальными упражнениями.

Важно и правильно подойти к мячу. Сила и точность удара зависят от правильного расположения опорной ноги, которая должна быть на линии мяча. Корпус при ударе наклоняется вперед, все тело напряжено, собрано. На мяч лучше смотреть до удара, а потом, когда бьешь, взгляд переводить на цель.

В. Бобров,
заслуженный мастер спорта
Рисунки В. Топкова

ВЕСЕЛЫЕ СТИХИ

ВЗАИМНЫЕ РАСЧЕТЫ

Ежедневно,
в общем и целом,
поученья со всех сторон:
— Занимайтесь серьезным делом.
Прекратите считать ворон!

А ворона
птенцов неумелых
поучает с соседской крыши:
— Занимайтесь серьезным делом.
Перестаньте считать мальчишек!..

Р. Красновский

ТРУДНОЕ СЛОВО

Не помню я, хоть плачь:
Как пишется «калач»?
Ну, если мягкий он и с маком,
Тогда, наверно, с мягким знаком.
А если твердый, как кулак,
Тогда поставлю твердый знак!

Генрих Шахнович

НАШ РЕЖИМ

Подкрепившись, я и друг
убегаем спать на луг.

К нам всегда подходит врач:
— Поиграйте лучше в мяч,
иль возьмите туесок
да по ягоды в лесок!

— Не хотим!
У нас режим:
как поели,
так лежим!

Василий Фетисов

АРБУЗ

Он, как зебра, полосат,
Но легче приручается.
А прочтешь его назад —
«Зубра» получается.

САЛАТ

На грядке вырос винегрет —
Так не бывает, это бред.
Но почему же все в порядке,
Когда салат растет на грядке?

В. Лейкин

Рисунки

Г. Ковенчука

ПЕТЯ и СИНИЦА

Владимир Торопыгин

Петя вбежал в комнату, бросил портфель на диван и сразу — к столу. Там лежал незаконченный рисунок. Петя начал его вчера вечером, немножко порисовал утром, перед завтраком, и весь день в школе мечтал поскорее вернуться домой — дорисовать. Он уже взял карандаш и хотел приняться за дело, как услышал, что в комнате кто-то попискивает. Петя подошел к окну — на переплете рамы, тесно прижимаясь к стеклу, сидела синица.

„Эх, ты! — покачал головой Петя. — Влететь влетела, а вылететь не можешь?..“

Он положил синицу на ладонь, — она не сопротивлялась, только часто-часто моргали ее крохотные круглые глазки, — подбросил к форточке: „Лети на свободу!“ Но синица, почувствовав, что с улицы дует холодный ветер, отпрянула от окна, поднялась к потолку и стала колотить по нему крыльями.

„Что же мне делать с этой синицей?“ — недоумевал Петя.

Синица между тем села на шкаф, затихла.

„Вот и хорошо! — обрадовался Петя. — Никто мне не мешает — буду продолжать рисовать!..“

1

Наоборот

Рисунок Л. Каминского

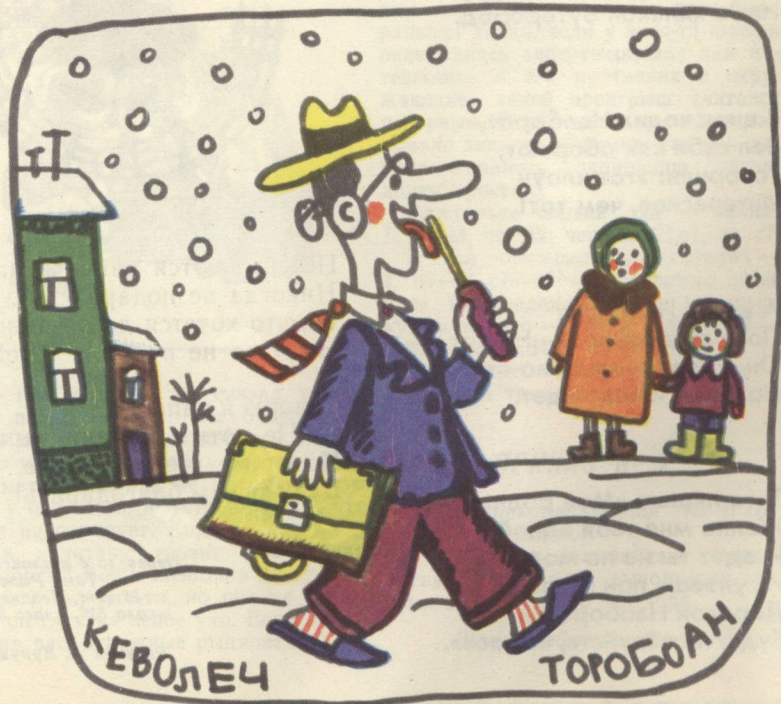
Александр Кушнер

Жил да был Наоборот,
Бегал задом наперед,
Никогда на повороте
Он не делал поворот.

Если вдруг Наоборот
Брал билет на пароход,
Он ужасно удивлялся,
Что не едет, а плывет.

И писал наоборот,
И читал наоборот,
Слово дорого встречалось —
Получалось: огород.

Через мост Наоборот
Не ходил, а только вброд,
Был похож он в это время
На тяжелый вездеход.

3

Но как только он снова взял карандаш, синица пискнула, взлетела и сделала круг над его головой.

Петя укоризненно посмотрел на нее: „Нравится сидеть в тепле — сиди! А не будешь сидеть — я тебя все равно выставлю!“

Но снова повторилось то же самое: Петя поднес карандаш к рисунку — синица замахала крыльями, вспорхнула и стала пересекать комнату из угла в угол.

„Нет, так не пойдет!“ — решил Петя. Он подставил к шкафу стул, встал на него и взял синицу в кулак. Только теперь он заметил, какая она серенькая, маленькая — просто птенец...

2

Потом Петя залез на подоконник, дотянулся до форточки, выставил руку на улицу и разжал кулак. Синица улетела.

Петя рисовал. Только один раз отошел он от стола, чтобы закрыть форточку, потому что ветер усилился, от него даже в комнате стало холодно...

Когда Петя закончил свой рисунок, он посмотрел в окно. За стеклом, на оконной раме, сидела синица, но — не птенец, которого Петя выпустил, а взрослая синица, — с белой шейкой и зелеными перьями.

Петя подошел к окну — синица не улетала. Она заглядывала в комнату, быстро вертела головкой, словно искала кого-то.

„Это же синица-мама!.. — догадался Петя. — Она ищет своего птенца... Может быть, она сама послала его в комнату погреться, когда начал подниматься холодный ветер...“

Пете стало жалко, что птенец и его мама потеряли друг друга...

— Я не виноват, — сказал Петя. Он хотел, чтобы синица его поняла: — Я думал, на воле птенцу будет лучше...

Синица перестала вертеть головкой и отвернулась от Пети.

„Неужели она догадалась, что я прогнал маленькую синичку, чтобы она не мешала мне рисовать?..“ — подумал Петя и покраснел.

Рисунки Г. Ясинского

И в кафе Наоборот
Брал на первое компот,
А на третье брал селедку
Или с килькой бутерброд.

В цирк ходил Наоборот,
Вел себя как обормот,
Говорили: этот клоун
Интереснее, чем тот!

А вчера Наоборот
Получил письмо. — Ну вот, —
Он сказал, — письмо от тети.
Полежит и подождет.

Тетя пишет: «Мой родной,
Жалко мне тебя одной.
И одет ты не по моде,
И гуляешь при грозе.
Дорогой Наоборотик,
Будь, пожалуйста, как все».

4

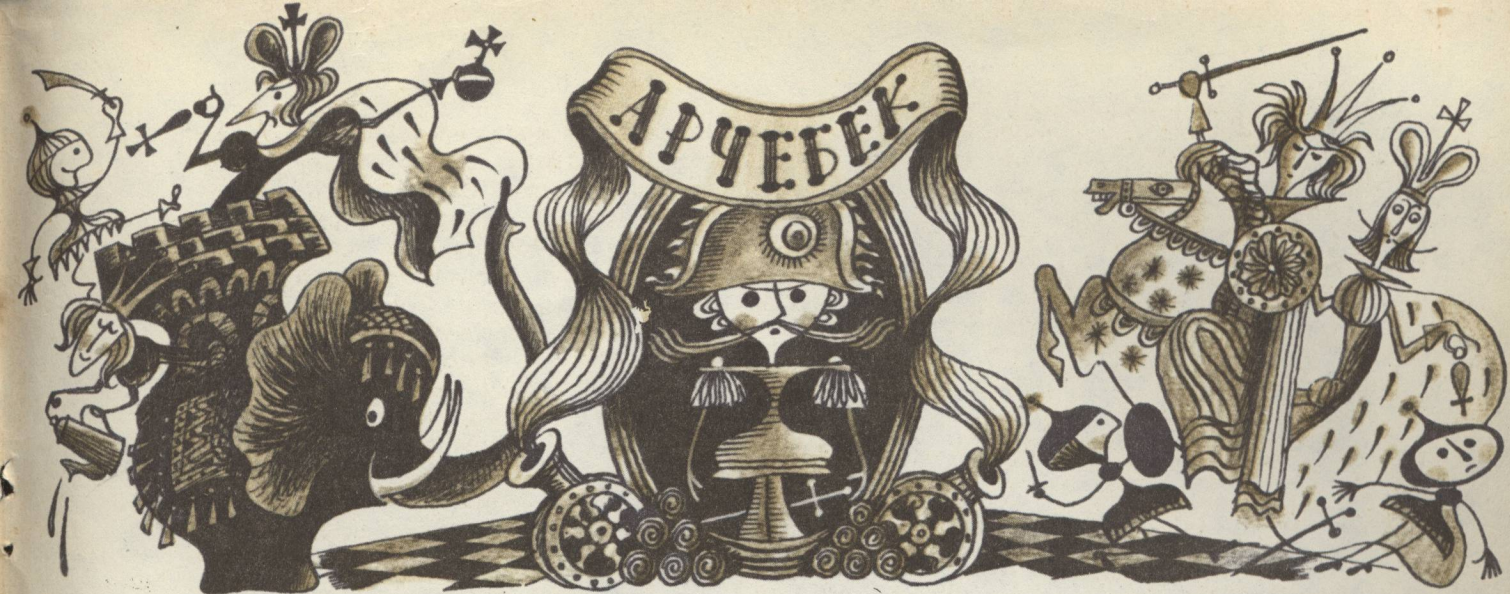
Не сбываются наши желания.
Никогда не подарят тебе
То, что хочется до отчаяния, —
Никогда не подарят тебе!

Говорю я папе и маме:
— Не хотите собаку дарить,
Подарите меня собаке,
Буду очень благодарить!

Перевела с английского
Таня Рыжова,
14 лет, Ленинград,
школа 536, класс 5 „а“

Рисунок А. Курушина

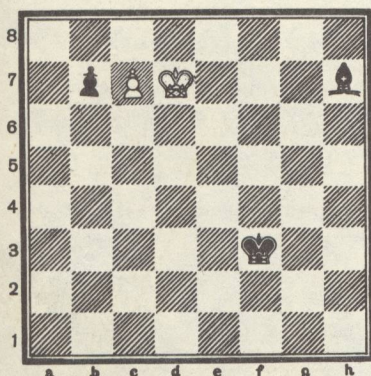

СТОЛ НАХОДОК

К начальнику «Стола находок» шахмат-капитану Пешкодову явился рыцарь Коля Зыков.

— Разрешите доложить? Нашел способ спасти партию белых в ужасном положении!

— А не ошибся? Ты учел, что тебе нельзя сейчас превратить пешку в ферзя ходом 1. с8Ф из-за ответа Сf5+?

— Конечно, товарищ шахмат-капитан, учел!

— А ты учел, что в случае 1. Крd6 Сf5 2. Крс5 Крf4 3. Крb6 черные ответят Сс8? Затем подведут короля, заберут пешку с7 и выиграют.

— Учел!

— Тогда показывай.

— Вот: 1. Крс8! b5 2. Крd7 b4. А теперь белые...

— Стоп! Ты прав, но пусть подумают все. Ну-ка, доблестные рыцари: как белые теперь спасутся?

ОЛИМПЕЙЦЫ, К БОЮ!

Шахматные рыцари! В седьмом туре вас ожидают две задачи-многоходовки. Их автор — архебековец из Воронежа Юра Селявкин.

А. Белые: Крe1, Лa1, пп. a2, a3, a4, a5, a6, a7 (8); черные: Кра8 (1).

Б. Белые: Крг8, пп. a7, b6, c4, f2 (5); черные: Кра8 (1).

Как видите, в этих задачах много общего: и в той и в другой у черных только король; и в той и в другой он стоит на a8; но, главное, и в той и в другой мат дается в 8 ходов.

Шашечные рыцари! От вас требуется найти путь к победе белых в двух концовках ленинградского шашкиста Н. Митрофанова.

А. Белые: c1, d2, d4, e5, h2 (5); черные: c7, d6, f4, g3, g7, h4 (6).

Б. Белые: b2, c1, e1, g1, h6 (5); черные: c3, c5, d4, e5, f4, g5 (6).

К выполнению боевого задания — приступите!

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

— Ну, капитан, — сказал турецкий паша, — долго ты будешь гонять по доске моего короля? Разрешаю тебе еще два хода сделать. Или ты мат дашь, или не посмотрю, что ты у нас гость, и устрою такое, что тебя не порадует. Ходи!

Да, капитану грозит нешуточная опасность! Вот и женщина хочет подсказать ему что-то, но она не знает, что он глух на левое ухо. Вся надежда на вас, отважные рыцарята! Ука-

жите — как может он дать турецкому паше мат в два хода. А укажете несколько способов — еще лучше. Выручайте человека!

„ЗАПЕРЛИ ТРИНАДЦАТЬ“

«Пошел к Дьякову. На Смоленском играл в шашки, мне заперли тринадцать. Смешно, что было неприятно», такая запись есть в дневнике великого писателя Льва Николаевича Толстого.

Тут все ясно, кроме слов «мне заперли тринадцать». Что же они означают?

В шашечной игре стараются лишить противника возможности сделать ход. Кому нечем ходить — тот проиграл. Чтобы лишить противника ходов, нужно либо побить его шашки, либо запереть их. Сейчас не интересуются тем, как достигнута победа — уничтожением вражеских сил или же запиранием. Не так было раньше! Тогда, если у кого-то шашки оказывались запертыми, над ним потешались и его противник и окружающие: такой проигрыш считался позорным. Особо едкие насмешки вызывало запираание дамки, так как оно приравнивалось к запираанию двенадцати простых.

Расставьте шашки так — белые: Д.а3, е3, пр. d2; черные: Д.а1, пр. с7.

В этом положении было сыграно — 1. е3—f4 с7—b6? Ход черных очень плох. Им следовало отдать эту шашку, после чего — ничья. Теперь же — 2. а3—с5! b6:d4 3. d2—с3 d4:b2 4. f4 c1X. Заперты дамка и простая — «...заперли тринадцать»!

ПРИКАЗ № 7

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям-олимпийцам и рыцарям доложить о выполнении боевых заданий до 15 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьберри

Из воспоминаний
художника

СЛЕДУЯ ПОГОВОРКЕ

Недаром говорят: «Назойлив, как муха». Смахнешь ее со лба, она сядет на нос. Прогонишь с носа, она — на макушку.

Когда я рисовал Корнея Ивановича Чуковского, знаменитый автор «Мухи-Цокотухи» ворчливо говорил:

— Кто только не рисовал на меня шаржей: Репин, Маяковский, Ре-ми, Радлов, Антоновский, Ротов, Кукры-никсы, Ефимов... и обязательно рисуют муху. То она возле меня летает, то где-нибудь на мне сидит, то я держу ее на ладони...

Корней Иванович показал мне множество рисунков. Почти в каждом из них обыгрывалась злобредная Цокотуха, либо сама по себе, либо в обществе букашек, таракашек...

«Попробую нарисовать по-другому», — подумал я.

Эскизы один за другим летели в корзину. И все же избавиться от мухи мне не удалось. Она не летала и не сидела на носу, а просто вписалась вместо глаза и смотрела. Мне показалось, что я нашел новое, смешное решение.

Действительно, в редакции шарж был встречен весело и опубликован.

А Чуковский, увидев его, махнул рукой и отвернулся.

— Неужели все карикатуристы такие безголовые, что ничего другого придумать не могут, — сказал он.

Посрамленный, я взял чистый лист бумаги и сделал новый рисунок. Корней Иванович одобрил его.

Муха превратилась в слона.

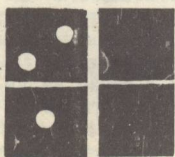
Иосиф Игин

Часы-календарь домового Демьяши

Домовой Демьяша изобрел часы-календарь, на котором он отмечает число, месяц, год, часы и минуты при помощи камней домино, меняя каждую минуту нужное число камней. Сумма очков на камне заменяет одну цифру. Хватит ли Демьяше в 1972 году одного набора домино для обозначения всех дат года вместе со всеми возможными значениями времени в сутках? Если нет, то сколько наборов домино ему надо приобрести?

Десятки единицы

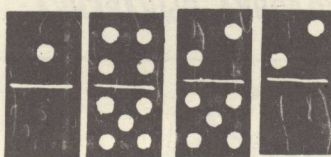

Число

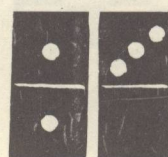
Месяц

тысячи сотни десятки единицы

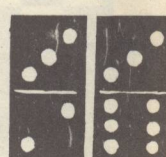
Год

десятки единицы

Часы

десятки единицы

Минуты

Бим, Бам, Бом и клоун Пиф,
В цирк впервые поступив,
Оказались в клетке льва.
Лев хотел их съесть сперва.
Но потом, слегка подумав,
Съел детали их костюмов:
Галстук Бима, брюки Бома,
(Бим свои оставил дома).

А у Пифа, у бедняжки,
Съел ботинки и подтяжки.
Шляпой Бама закусил
И касторки запросил.
Догадаться надо вам:

Кто Пиф,
Кто Бим,
Кто Бом,
Кто Бам?

Ответы на задачи № 6:

1. Кашеев сундук в четвертом кольце.
2. Воскресная печать — квадрат, понедельник — шестиугольная, вторник — треугольная, среда — овальная, четверг — пятиугольная, пятница — круглая, суббота — четырехлепестковая.
3. Ребус на сундучке: «Хранить в темном сухом и прохладном месте. Не кантовать».
4. Петя живет на 7 этаже, Алеша — на 6, Митя — на 5, Катя — на 4, Юля — на 3, Маши — на 2, Антон — на 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Когда горнист играет сбор рисунки И. Казаковой . . .	1
Талькина дача рассказ А. Крестинского рисунки А. Слепкова . . .	2
Стихи И. Махониной рисунок С. Спицына . . .	12
Артек снова наш! из воспоминаний артековца Ю. Ласточки . . .	14
Там, за барханами, жаркое солнце путевые заметки В. Воскобойникова рисунки Т. Соловьевой . . .	16
Братья Сорокины повесть Б. Никольского рисунки И. Латинского . . .	20
Зеленые страницы ведет Н. Сладков . . .	36
О Великих Законах главы из книги В. Суслова оформление Б. Стародубцева	38
Почта КОСТИ ТЕРКИНА . . .	43
Морская газета . . .	44
Таинственные следы повесть Сат-Ока рисунки К. Овчинникова . . .	46
Двое в байдарке и дождь очерк Т. Скобликовой фото Д. Изнатовича . . .	52
КОСТЯ ТЕРКИН берет интервью оформление А. Януса . . .	54
Поговорим о твоём рисунке беседа художника М. Беломлинского . . .	56
Спорт . . .	58
Веселые стихи рисунки Г. Ковенчука . . .	60
Уголёк журнал для малышей . . .	61
Арчбек шахматы, шашки . . .	63

Фото к главам «О Великих Законах» заимствованы из журналов «Советский Союз», «Курьер ЮНЕСКО» и «За рубежом».

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. Поройков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Терebinская (отв. секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

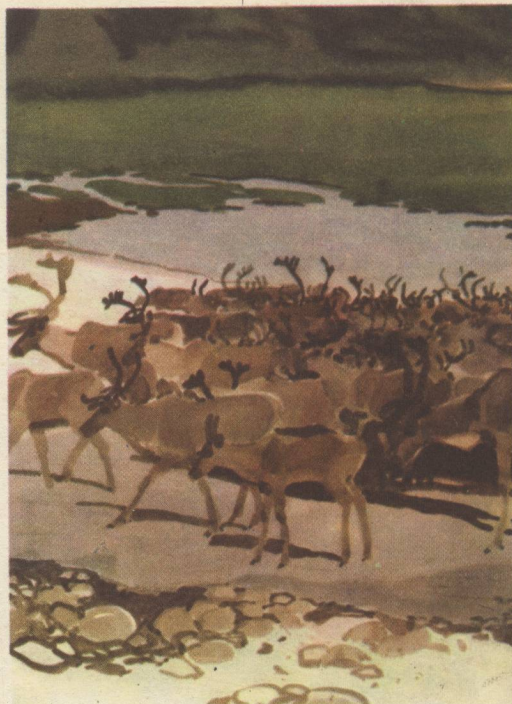
Художник-редактор Технический редактор
М. С. Беломлинский В. И. Мецатунова
Корректор
В. А. Маевская

Рукописи и фотографии не возвращаются
Адрес редакции: 193015, Ленинград,
Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-17336. Подписано к печати 26/V 1972 г.
Формат 60×90%. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 600 000 экз. Заказ 2380. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Главполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР. Кронверкская ул., 7.

НА ВЫСТАВКЕ „КОСТРА“ РИСУНКИ ТАТЬЯНЫ КАПУСТИНОЙ

Рисовала сперва, как все дети, но у моих подружек домики и куклы выходили лучше, а у меня тогда не было карандашей, да и куклы не получались. Потому зимой я, например, бегала по заснеженному полю и строчкой следов выводила разных зверей, чаще почему-то львов. Еще цветочками и узорами разукрашивала письма отцу на фронт. И там, не глядя на фамилию, кричали: «Капустин, тебе письмо!» А работа художника у меня началась с оленей: в четвертом классе для урока географии сделала макет северного стойбища — чумы из бумаги, олени и фигурки людей из воска. И меня направили во Дворец пионеров в кружок скульптуры, а через полтора года рекомендовали в среднюю Художественную школу. И там, на приемных экзаменах, оказалось, что я не умею даже смешивать краски.

Потом прошло тринадцать лет учебы в школе и институте. Пришлось учиться рисовать все, что требовалось по программе, но животные все равно интересовали меня больше всего, и я рисовала их, где только можно. Например, на школьной даче в Юкках. Там мы, девчонки (ребята этим не увлекались), вставали в пять утра и приводили из ночного на ферму лошадей (верхом, конечно). К подъему все были дома, и долго никто не знал о наших утренних похождениях.

Не считая колхозных телят и поросят, с нами всегда были Дружок, Рыжик, Тюбик. Моя же лайка Белка появилась в 1953 году и сделала меня завзятой лаечницей. С лайкой надо охотиться, иначе это будет комнатная собачка. Но я ни разу не стреляла в зверя просто так (это не доставило бы мне удовольствия), а только когда его отработала собака, как бы в награду ей. И было за что: Белка была чемпионом 1960 года в Ленинграде и чемпионом 1-й Всероссийской выставки собак в Москве. Последнее время мне больше приходилось бегать по лесам с собаками своих товарищей-лаечников в составе судейской комиссии на испытаниях лаек по белке, медведю, утке. Сейчас у меня растёт сибирская лайка Охта. Ее таланты зашифрованы в родословной и открыть их еще предстоит в лесу.

Здесь помещено несколько акварелей. Все они сделаны с натуры: сию, пейзаж перед глазами, рисую. Звери тоже перед глазами, если они в клетке, а если олени, яки, — то пока не убежали.

Это малая часть картинок из путешествий к якам на Памир, к соболышкам в Саяны и Новосибирск, к оленеводам на Таймыр. А по дороге с Таймыра мне удалось проехать северным морским путем от Дудинки до Мурманска. Потом всем знакомым я давала лизать свою куртку и требовала угадать, где я была, — куртка была соленая.

В Аскании-Нова была только один день, только смотрела, а съездить туда поработать надо будет обязательно. Еще хорошо бы побывать на Камчатке, да надо бы увидеть зубров в лесу и куланов в пустыне — таковы планы. Не мне судить о результатах: вы видели мои картинки в «Костре», и может, вам попадались книжки с моими иллюстрациями («Чем встречают весну» Шима, «Пуночки прилетели!» Соколова-Микитова, «Девять белых лебедей» Воронина, «Земля Солнечного огня» Сладкова и «Олени ждут солнца» Борисовой), — но могу вас заверить, что всегда старалась, как могла.

Т. Капустина

НА ВЫСТАВКЕ

„КОСТРА“

РИСУНКИ

ТАТЬЯНЫ

КАПУСТИНОЙ

